

О ЗАСЛУГАХЪ
СВЯТАГО АНАСТАСІЯ ВЕЛИКАГО
ДЛЯ ЦЕРКВИ
ВЪ БОРЬБѢ СЪ АРІАНСТВОМЪ,

сочиненіе

БАККАЛАВРА С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Магистра Географа Новагина.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Е. ФИЩЕРА.

1850.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатно-позволяется, съ тѣмъ, чтобы до выпуска изъ типографіи предлено было въ Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Августа я, 1850 года.

Цензоръ *Архимандритъ Іоаннъ.*

Цена: одинъ рубль сер. и на перес. за 1 фун.

О ЗАСЛУГАХЪ

СВЯТАГО АНАСТАСІЯ ВЕЛИКАГО ДЛЯ ЦЕРКВИ

ВЪ БОРЬБѢ СЪ АРІАНСТВОМЪ.

Затрудняюсь въ словѣ и, останавливаясь на каждомъ его дѣяніи, не умѣю отыскать превосходнѣйшаго, какъ трудно бываетъ находить это въ тѣлѣ, со всѣхъ сторонъ одинаково и прекрасно отдѣланномъ; ибо что ни представится, все то оказывается прекраснымъ, всѣмъ тѣмъ увлекается слово. И такъ, пусть всѣ раздѣляютъ со мною Его доблести..., пусть восхваляютъ — кто какъ бы безплотность и невещественность Его въ пощеніяхъ и молитвахъ, а кто бодрость и неутомимость во бдѣніяхъ и псалмопѣніяхъ, одинъ предстательство за нуждающихся, другой противоборство превозносящимся....

Св. Григорій Богословъ въ похвальн. словѣ Анастасію Велик. (Твор. св. Отц. въ русск. перев. Г. 1. т. 2. стр. 184 и 185).

Христіанская Церковь, многократно подвергавшаяся гоненіямъ и всякаго рода бѣдствіямъ, о которыхъ предсказалъ Божественный основатель ея І. Христосъ (Іоан. гл. 16), ни отъ чего и ни отъ кого не испытывала столь великой опасности, какъ отъ еретиковъ. Еретики, посягая и на внѣшнее благосостоя-

ніе вѣрующихъ, стремились преимущественно возмутить внутренній миръ ихъ, похитить у нихъ истинное сокровище духовное—чистоту вѣры и благочестія, низвращали святая истины богооткровеннаго ученія, и такимъ образомъ посягали прямо на то, безъ чего самая Церковь не была бы истинною Христовою Церковію. Какъ для политическаго общества страшны не столько враги внѣшніе, сколько внутренніе, производящіе въ немъ мятежи и междоусобія: такъ и для общества Христіанскаго самыми опасными и жестокими врагами были еретики — враги Церкви внутренніе, воспитанные въ благословенныхъ ея недрахъ и потомъ поднимавшіе руку на собственную мать свою. Противъ нихъ-то св. Церковь во всѣ времена съ особою силою воинствовала, употребляя въ случаѣ нужды тѣ рѣшительныя мѣры, которыми располагать уподомочилъ ее Господь нашъ І. Христосъ, и — съ пламенной молитвой ожидая скорого изцѣленія духовныхъ ранъ своихъ отъ Божественнаго Промысла. Но Промыслъ Божій, видимо управляющій Христіанскою Церковію чрезъ вѣрнослужащихъ Отцевъ и учителей (*), видимо и сохраняетъ ее также чрезъ учителей и пастырей. Неусыпно бодрствуя надъ нею Самъ, Онъ всегда воздвигалъ между вѣрующими мужей потребныхъ въ то или другое время (Сир. 10, 4), и эти мужи, подкрѣпляемые Духомъ Божіимъ, мужественно боролись съ опаснѣйшими врагами Церкви и защищали ее всеми дарованными отъ Бога средствами, словомъ

(*) Послан. Патр. вост. Церкви о Прав. Вѣрѣ, членъ 12.

и дѣлами, отдѣльно и общими силами на Соборахъ помѣстныхъ и вселенскихъ. Посему-то пастыри и учителя ревностно подвизавшіеся противъ еретиковъ, отъ самой Церкви увѣнчаны особенною славою, и приснопамятныя имена ихъ, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, служатъ предметомъ достойнаго благоговѣнія для позднѣйшаго потомства.

Изъ всѣхъ ересей, возникавшихъ въ Церкви отъ временъ Апостольскихъ до-нынѣ, самая опасная, гибельная и сопровождавшаяся важнѣйшими послѣдствіями, есть ересь Аріанская. Владѣя разнообразными и многочисленными средствами, она силилась поколебать самое основаніе Христіанской вѣры, сокрушить тотъ краеугольный камень, на которомъ утверждается все святое зданіе православной Церкви; ибо Аріане учили, что І. Христосъ, Божественный основатель Христіанства, не есть истинный и единосущный Отцу Сынъ Божій, но сотворенъ изъ ничего также, какъ и всѣ существа конечныя ⁽²⁾, — мысль совершенно противоположная той вѣрѣ въ Сына Бога живаго, на которой Спаситель основалъ Церковь свою такъ, что и врата ада не одолѣютъ ей (Мате. 16, 16—18). ³ Ересь аріанская, по всей справедливости, можетъ быть названа хитрѣйшимъ изобрѣтеніемъ духа злобы, направленнымъ противъ Христіанской религіи въ то время, когда она окончательно восторжествовала надъ суевѣріемъ языческимъ. ⁴ Отверженная, но не уничтоженная одна-

(2) Начерт. Церковн. Истор. Иннокент. Ч. 1. стр. 231. изд. М. 1834 г.

жды навсегда, на св. Никейскомъ Вселенскомъ 1-мъ Соборѣ (въ 325 г.). эта ересь съ новыми силами возстала вскорѣ въ тѣмъ же вѣкѣ, болѣе трехъ сотъ лѣтъ свирѣпствовала въ различныхъ областяхъ тогдашняго міра на востокѣ и западѣ и — вызывала на подвиги святыхъ Ревнителей вѣры Апостольской. Они дѣйствительно и являлись цѣлыми сонмами, среди которыхъ яркимъ свѣтомъ блистаютъ славныя имена: Иларія, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Василя Великаго, Іоанна Златоустаго, Амвросія Медиоланскаго, Іеронима, Августина и многихъ другихъ. Но между всѣми знаменитыми защитниками истины противъ Аріанской ереси, первое мѣсто не только по времени, но и по силѣ, дѣятельности и неутомимости занимаетъ св. Архипастырь Александрійскій—Аѳанасій. Какъ бы нарочито избранный на это дѣло самимъ Богомъ, пекущимся о благѣ вѣрныхъ чадъ своихъ ³⁷³ Аѳанасій, въ продолженіи сорока шести лѣтъ (отъ 325 до 373 г.), съ истиннымъ самоотверженіемъ Христова исповѣдника, непреклонно подвизался противъ современной ему ереси и словомъ и дѣломъ и всѣми средствами, какія только могла избрѣсти его пламенная ревность по вѣрѣ православной и крѣпкая любовь къ Христовой Церкви. Борьба съ Аріанствомъ была главною задачею всей многострадальческой жизни Александрійскаго Святителя, побѣда надъ нимъ — цѣлю важнѣйшихъ трудовъ его и постоянныхъ желаній, а заслуги для Церкви, оказанныя имъ на этомъ поприщѣ, были столь разительны, что еще при жизни своей Онъ почтенъ рѣдкими наименованіями *непобѣдимаго защитника Вѣры,*

Отца православія , Великаго. Посему-то все, что онъ сдѣлалъ по поводу Аріанской ереси и противъ ней, достойно не только удивленія , но и особеннаго изученія.

Чтобы съ возможною полнотою и ясностію изобразить заслуги св. Аѳанасія для Церкви въ борьбѣ съ Аріанствомъ, раздѣлимъ ихъ на двѣ части: на заслуги въ опроверженіи аріанской ереси — *словомъ*, и на заслуги въ борьбѣ съ самими Аріанами—*дѣломъ*. И такъ какъ вся внѣшняя дѣятельность великаго Святителя Александрійскаго была совершеннымъ выраженіемъ внутреннихъ убѣжденій его и послѣднія имѣли сильное вліяніе на первую , то мы напередъ изложимъ : 1) что сдѣлалъ св. Аѳанасій по поводу аріанской ереси противъ ней — словомъ или писаніями своими , какъ Христіанскій Богословъ ; потомъ 2) что Онъ сдѣлалъ для Церкви на этомъ поприщѣ—какъ Пастырь.

Часть первая.

Глаголющихъ о Сынѣ Божіемъ, яко бысть время, егда не бѣ, или яко прежде неже родитися не бѣ, или яко отъ несущихъ бысть, или изъ инья вностаніи или сущности глаголющихъ быти, или превратима или измѣняема Сына Божія, сихъ анаематствуетъ Каеолѣческая и Адастольская Церковь.

Опредѣленіе 1-го Вселенс. Собора.

Драгоценнымъ письменнымъ памятникомъ борьбы св. Аѳанасія съ аріанами осталось намъ нѣсколько догматикополемическихъ сочиненій его, написанныхъ по поводу аріанской ереси (1). Въ нихъ содержится все,

(1) Таковы суть: 1) *изложене вѣры* — ἑκθεσις πίστεως — expositio fidei; 2) *Толкованіе на слова: вся мѣнь предана суть Отцемъ Моимъ*. Mat. 11, 27. 3) *Посланіе объ опредѣленіяхъ Никейскаго Собора* — de decret. Nic. Syn. 4) *Четыре слова (λογος) противъ Аріанъ* — Orationes cont. Ar. I. II. III. IV. 5) *Второе посланіе къ Сераніону*, Епископу Тмуйскому — Epist. II. ad Serap. Сюда-же отчасти надобно отнести: 6) *Книгу о воплощеніи Бога Слова и противъ Аріанъ* — liber de Incarn. et cont. Ar. 7) *Объ ученіи Діонисія Александрійскаго* — de Sententia Dionys. 8) *Окружное посланіе къ Епископамъ Египта и Ливіи* — Epist. ad Episc. Aegypt. et Lib. 9) *Посланіе о Соборахъ Ариминскомъ и Селевкійскомъ* — Epist. de Synod. 10) *Посланіе къ Африканскимъ Епископамъ* — Epist. ad Afros. 11) *Письма къ Адельфіи Епископу и Максиму*

что великій Святитель находилъ нужнымъ сказать противъ мнѣній, распространенныхъ еретиками въ тогдашнемъ христіанскомъ обществѣ, и возмущавшихъ внутренній миръ и спокойствіе вѣрующихъ. Эти сочиненія являлись въ различное время, по мѣрѣ нужды и представлявшихся къ тому случаевъ (отъ 350 до 369 г.), но не смотря на то проникнуты однимъ духомъ и одушевлены одною высокою цѣлю, достойною великаго ревнителя православія: «хотя осужденіе, — такъ выражаетъ цѣль противу-аріанскихъ твореній своихъ самъ Святитель, — произнесенное противъ нечестивѣйшей ереси вселенскимъ Соборомъ, достаточно для того, чтобы внушить всѣмъ отвращеніе къ ней; но поелику нѣкоторые по невѣдѣнію или притворно почитаютъ аріанскій образъ мыслей безразличнымъ въ отношеніи къ вѣрѣ и послѣдователей аріанства называютъ христіанами: то мы при помощи Божіей постараемся доказать, что Аріане—не Христіане, что Аріанская ересь такъ далека отъ истиннаго Христіанства, какъ тьма отъ свѣта и какъ ложь отъ истины»⁽²⁾. Трудное дѣло принималъ на себя св. Архипастырь Аѳанасій. Догматъ, которому противорѣчили Аріане и который надобно было защищать противъ нихъ, есть одинъ изъ неопостижимыхъ догматовъ Христіанской религіи. Касаясь

философу—Epist. ad Adolph., ad Maxim. в 12) *Толкованія на нѣкоторыя Псалмы* — Exposit. in Psalmos. Подлинность изчисленныхъ сочиненій не подлежитъ никакому сомнѣнію. См. предисловія къ нимъ въ изданіи всѣхъ твореній, извѣстныхъ подъ именемъ Св. Аѳанасія, *Монтефокона*. Том. I и II. 1698 г.

(2) Orat. 1 contr. Arian. cap. 7. ср. с. 4 и 10.

тайнаго отношенія Божественныхъ Лицъ Св. Троицы между собою, онъ есть по преимуществу предметъ благоговѣйной вѣры, а не знанія, и по содержанию своему не можетъ быть вполне постигнутъ никакимъ разумомъ человѣческимъ, потому что *Божія*, говоритъ Апост. Павелъ, *никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. 2, 11). Тѣмъ труднѣе было для Богослова—Полемика раскрыть и объяснить предметъ своего внутренняго убѣжденія образомъ сколько достойнымъ Бога, столько же яснымъ и убѣдительнымъ для самихъ враговъ Православія. Великій Учитель глубоко чувствовалъ всю трудность предпринятаго дѣла и, по собственному его увѣренію, всегда съ нѣкоторымъ сердечнымъ страхомъ и трепетомъ принимался писать о предметѣ столь высококомъ: *«о глубина богатства премудрости и разума Божія, восклицаетъ Онъ вмѣстѣ съ Апостоломъ чѣмъ больше я усиливался писать о Сынѣ Божіемъ, чѣмъ болѣе напрягалъ умъ свой, желая постигнуть Божество Его, тѣмъ болѣе познаніе о Немъ удалялось отъ меня, и когда я думалъ понимать Его, тогда-то особенно и былъ далекъ отъ этого. Заключить въ письма все, что повидимому постигалъ я, невозможно; и написанное мною есть только слабая тѣнь того, что скрывалось въ душѣ моей»* (3)... Естественную трудность дѣла, происходившую отъ свойства самаго предмета, еще болѣе увеличивали Аріане. Желая подчинить тайну Божію ограниченнымъ понятіямъ человѣческаго разума, они вносили въ область

(3) Epist. ad Monachos. c. 1.

Вѣры такія представленія , которыя только затемняли православный догматъ и лишали его того свѣта , который принадлежитъ ему, какъ догмату богооткровенному, хотя вполне и непостижимому. Предавшись преступной рѣшимости—замѣнить древнее ученіе Церкви Христовой своимъ новымъ, они старались затмить истину хитрыми софизмами ложной діалектики словами двусмысленными, выраженіями невразумительными и другими безчисленными средствами , свойственными всѣмъ ересямъ вообще и аріанской въ особенности. «Эта хитрая и дерзкая ересь, говоритъ объ Аріанахъ современникъ Аѳанасія св. Иларій, съ удивительнымъ искусствомъ дѣйствуетъ для достиженія своей преступной цѣли. Сначала она принимаетъ на себя личину благочестія (*religionis*), потомъ прельщаетъ неопытныхъ выраженіями (*verbis*), за тѣмъ приспосабливается къ житейской мудрости (*prudentialae saeculi*), наконецъ увлекаетъ съ пути истины видомъ основательности (*per speciem editae rationis*). Часто она пользуется нашимъ ученіемъ противъ насъ же самихъ, вѣрою Церкви—противъ вѣры Церкви (т. е. однимъ догматомъ противъ другаго)»⁽¹⁾. Посему надобно было имѣть много духовной мудрости, много твердости, глубины и тонкости ума, чтобы проникнуть всѣ хитросплетенія аріанскихъ умствованій и проникнувъ — употребить противъ нихъ мѣры дѣйствительныя и рѣшительныя. Но Промыслъ Божій, всегда бодрствующій надъ своею Церковію, обильно излилъ на св. Аѳанасія небесныя

(1) S. Hil. de Trinit. Lib. VII. c. 1.

дары своя , необходимые для борьбы съ опасными и упорными еретиками , и св. Архипастырь , побѣдивъ всѣ трудности и безчисленныя препятствія , представившіяся ему на этомъ поприщѣ , вышелъ изъ продолжительной борьбы съ безсмертною славою для себя , съ великою и незабвенною пользою для Христовой Церкви (*).

Важный въ составѣ Христіанскаго вѣроученія догмать , раскрытіемъ и объясненіемъ котораго занимался св. Аѳанасій въ борьбѣ съ Аріанами , касался , какъ мы сказали , Божественнаго достоинства І. Христа , нашего Спасителя . І. Христось , воплотившееся Слово Божіе , Премудрость Божія или Сынъ Божій (эти на-

(*) Какъ мало доселѣ оцѣнены заслуги св. Аѳанасія , особенно догматическія , можно видѣть изъ того , что *одни* изъ ученыхъ , подобно современникамъ Святителя , считаютъ всю борьбу его съ аріанствомъ не больше , какъ словопрѣіемъ или рѣшеніемъ какой-то схоластической проблемы (*Henke in Augem. Gesch. der Christl. Kirch. Ausg. 5. 1818. B. 1. § 212. Rosenmüller. in Hist. Interpr. S. Script.—Athanasius*); *другіе*—въ доводахъ его не находятъ довольно силы и основательности въ сравненіи съ аріанскими (*Schmidt. in Handbuch. der Christl. Kirchengesch. Ausg. 1. B. 11. S. 172. Gibbon in Hist. of. the decline and fall of the Rom. Empir. 1787. T. III. p. 281*); *третьи* вовсе не упоминаютъ о Немъ тамъ , гдѣ слѣдовало упомянуть (Тwesten. въ исторической части своихъ *Vorlesungen über die Dogmatik. 1826. B. 1*). Впрочемъ было нѣсколько и достойныхъ цѣнителей заслугъ св. Аѳанасія , писавшихъ *спеціальныя* объ Немъ сочиненія . Сюда относятся : 1) *Montfaucon* , превосходно издавшій всѣ творенія св. Аѳанасія , 2) *Möhler* , прославившійся своимъ : *Athanasius der Gross. und die Kirche seiner Zeit Ausg. 11. 1842*. Французскій переводъ сего сочиненія par. *S. Cohen* изданъ въ 1840 г. , и 3) *Böhringer* , извѣстный по сочиненію : *die Kirche Christi und ihre Zeugen. 1842. Zurich. B. 1. Abth. 2. Athanasius*.

званія Аріане согласно съ православными принимали за одно и тоже) по своей природѣ—а) есть ли существо сотворенное или несотворенное, и если несотворенное, то — б) въ какомъ отношеніи находитесь природа Его къ природѣ Бога-Отца, Существа высочайшаго?—вотъ главный двучастный вопросъ, занимавшій умы Христіанъ четвертаго вѣка по поводу аріанской ереси, и служившій камнемъ соблазна для однихъ и предметомъ благочестиваго назиданія для другихъ (6).

А.

На первую часть вопроса, т. е. I. Христосъ Существо ли сотворенное или несотворенное, Аріане время св. Аѳанасія отвѣчали такъ {I. Христосъ есть тварь, только не похожая на другія твари, есть созданіе, но не похожее на другія созданія, есть существо рожденное, но не такъ, какъ другія (7). «Какъ это хитро и вѣроломно, восклицаетъ св. Аѳанасій! Они знаютъ, что для Христіанина тяжело слышать, когда I. Христа стануть называть прямо тварію, и потому хитрыми оборотами рѣчи хотять прикрыть и усладить свою ересь говоря: Онъ тварь, но не похожая на другія твари... какъ будто есть еще тварь похожая на

(6) Сущность вопроса такъ же, только въ болѣе пространныхъ выраженіяхъ и съ повтореніями, обозначаетъ самъ св. Аѳанасій in Orat. 1. contd. Ag. cap. 9.

(7) Orat. II. c. Ag. c. 19... *κτίσμα ἔστιν (ὁ Υἱὸς), ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν κτισμάτων ποιητὰ ἔστιν, ἀλλ' ὡς ἐν τῶν ποιημάτων γέννημά ἔστιν,*

твари» . . . (*). Дѣйствительно, Аріане не думали совершенно исключать I. Христа изъ круга существъ сотворенныхъ , но только поставляли Его во главѣ всѣхъ тварей , почитали существомъ первымъ въ порядкѣ творенія , созданнымъ изъ ничего прежде всѣхъ созданий и прежде всѣхъ вѣковъ , созданнымъ по волѣ Божіей съ тою нарочитою цѣлію , чтобы чрезъ Него сотворить все прочее , и слѣдов. представляли Его чѣмъ-то посредствующимъ (μέσος, μεσίτης) между Богомъ и міромъ , какимъ-то до-міровымъ орудіемъ творческой и потомъ промыслительной дѣятельности Существа высочайшаго (Θεοῦ ὄργανον) (*). Общеупотребительная ихъ формула: ἦν ποτε, ὅτε οὐκ ἦν ὁ Ὑἱὸς (было нѣкогда, когда Сына не было) означала именно эту неопредѣленность времени сотворенія Сына Божія. Они не говорили : было время , когда Его не было , потому что самое время явилось только тогда , когда получилъ начало міръ , сотворенный Сыномъ , не допускали и вѣчнаго бытія Сына Божія ; но останавливались на срединѣ между временемъ и вѣчностію и тамъ воображали осо-

(*) Тамъ же сар. 19 и 20.

(*) Ог. 1. с. 5... 'Οὐκ αἶνι ἦν ὁ Ὑἱὸς... αὐτὸς ὁ τοῦ Θεοῦ λόγος ἐξ οὐκ ὄντων γέγονε καὶ ἦν ποτε, ὅτε οὐκ ἦν... εἶτα Θελήσας (ὁ Θεὸς) ἡμᾶς δημιουργῆσαι, τότε δὴ πεποίηκεν ἕνα τινὰ καὶ ὠνόμασεν αὐτὸν λόγον καὶ σοφίαν καὶ Ὑἱὸν, ἵνα ἡμᾶς δι' αὐτοῦ δημιουργήσῃ—отрывокъ изъ собственного сочиненія Аріева—*Thalia*; с. 14. λέγουσι πρὸ χρόνων αὐτὸν εἶναι... ср. Ог. III. с. 25. De Synod. с. 16—18. 37. De Sent. Dionys. с. 23. Epist. ad Episc. Aegypt. et Lib. с. 12. Такъ же излагаютъ ученіе Арія и послѣдователей его—Socrat. Hist. Eccl. lib. 1. с. 3 и 6. Sozom. H. Ec. I. 1. с. 13. Theodoret. H. E. I. 1. с. 2—7 и Eriphan. Haeres. LXIX. сар. 12.

бенное существо, Слово или Сына, какъ посредника (въ смыслѣ творчества и промышленія) между Богомъ и тварями ⁽¹⁰⁾.

Столь унижительное ученіе о лицѣ І. Христа—неосновательно и ложно во всѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ бы мы ни стали разсматривать его: въ отношеніи ли къ Богу, или къ тварямъ, или въ отношеніи къ самому существу, посредствующему (по мнѣнію Аріанъ) между Богомъ и тварями. У св. Аѳанасія встрѣчаются сильныя и рѣшительныя опроверженія еретической мысли со всѣхъ этихъ сторонъ.

1. Съ правильнымъ понятіемъ о Богѣ, Существомъ высочайшемъ и совершеннѣйшемъ, по мнѣнію св. Аѳанасія, несовмѣстимо аріанское ученіе о Сынѣ Божіемъ ⁽¹¹⁾. Нельзя представить достаточнаго основанія, почему для Бога нуженъ былъ посредникъ при сотвореніи міра и какъ бы нѣкоторый помощникъ, сотво-

⁽¹⁰⁾ Св. Аѳанасій замѣчаетъ, что Аріане съ намѣреніемъ выражались такъ неопредѣленно, дабы двусмысленностію выраженій прельщать людей неопытныхъ—Ог. 1. с. 12 и 13. Слово: *посредникъ—μεσίτης*—принято было Аріанами также не безъ хитрости; извѣстно, что оно употребляется о лицѣ Спасителя какъ въ Св. Писаніи (Гал. III, 19. 1 Тим. II, 5), такъ и у Св. Отцевъ, напр. *Игнатія in Epist. ad Antioch.*, *Григорія Богослова*—Ог. 21 и 39. *Василія Вел.* Ог. 18 и друг. Православные выражали симъ терминомъ понятіе о І. Христѣ, какъ Искупителѣ и Примирителѣ грѣшныхъ людей съ Богомъ; Аріане, употребляя слово православное, скрывали подъ нимъ свою мысль еретическую. См. *Swiceri Thesaur. Eccles.* подъ словомъ: *μεσίτης*.

⁽¹¹⁾ См. Ог. 1. cont. Ar. с. 26. Ог. II с. 24. 25. 29 и 71. Тѣже мысли и почти тѣми же словами раскрываются in *Ep. de Desc. Nic. Syn. cap. 7.*

ренный впрочемъ тѣмъ же Богомъ. «Если, говоритъ св. Отецъ, всѣ вещи сотворены изъ ничего и самъ Сынъ также сотворенъ и принадлежитъ къ числу тварей, прежде не существовавшихъ, а потомъ начавшихъ существовать, то почему Богъ сотворилъ все чрезъ него одного и безъ него не создалъ ни одной вещи»?.. Что препятствовало Богу сотворить непосредственно всѣ существа, составляющія міръ видимый и невидимый, точно такъ же, какъ Онъ сотворилъ и Сына? «Почему всѣ вещи не произошли отъ единого Бога тѣмъ же велѣніемъ, какому, по понятіямъ еретиковъ, обязанъ бытіемъ своимъ самъ Сынъ Божій»? Аріане могутъ, продолжаетъ св. Отецъ, представить двѣ причины такого распоряженія, по которому самъ Богъ творитъ одно высшее существо, а это существо въ свою очередь творитъ все прочее, или ту, что Богъ *не можетъ* самъ сотворить всего, или *не хочетъ* дѣлать этого, — причины рѣшительно недостаточныя и недостойныя Бога. Ибо можно ли представить Существо высочайшее и всемогущее слабымъ, безсильнымъ или такимъ, у котораго достало могущества только на созданіе одного воображаемаго посредника? «Богъ не утомляется и не можетъ утомляться, творя однимъ велѣніемъ или хотѣніемъ воли своей». Слѣдоват. для Него такъ же легко было бы сотворить все, какъ и одного Сына, потому что въ томъ и другомъ случаѣ для Него твореніе стоить лишь хотѣнія творческаго. «Онъ не столь немощенъ, чтобы могъ сотворить только Сына, а при сотвореніи прочихъ вещей нуждался въ помощи Существа, созданнаго изъ ничего, потому что

Богъ не встрѣчаетъ никакого препятствія при произведеніи всего, чему онъ благоволитъ даровать бытіе; напротивъ, *(Той рече и быша: той повелъ и создашася)* (Псал. 148, 5), *вся елика восхотъ, сотвори* (Пс. 113, 11) и *Ему никтоже противится можетъ* (Рим. 9, 19), свидѣтельствуеть Св. Писаніе». Такимъ образомъ «если Аріане станутъ утверждать, будто Богъ создалъ непосредственно одного Сына *потому*, что не имѣлъ въ Себѣ достаточной силы къ произведенію и всѣхъ прочихъ существъ, то всѣ твари Божіи вмѣстѣ съ Пророкомъ Исаіею (40, 28. 1, 11) возвысятъ голосъ свой противъ нихъ, изрекающихъ недостойное о Богѣ — Творцѣ міра». Мало того, говоритъ далѣе Святитель, такое понятіе о Сынѣ Божіемъ прямо унижаетъ Бога-Отца, ставитъ Его ниже самого воображаемаго помощника Его: ибо «кто превосходитъ, тотъ ли, кто нуждается въ другомъ, или тотъ, который удовлетворяетъ нуждѣ? Или, по вашему, Они оба взаимно удовлетворяютъ нуждамъ другъ друга?... Во всякомъ случаѣ вы только болѣе и болѣе увеличиваете мнимую слабость Существа, которому приписываете заранѣе приготовленное орудіе (*ἔργαλον*) творенія, представляя Его подобнымъ какому-нибудь земному художнику, который безъ рѣзца или сѣкиры не можетъ сдѣлать никакой вещи». Если теперь обратиться къ другой причинѣ, предлагаемой Аріанами въ защиту своего мнѣнія, то и она нисколько не объяснитъ дѣла. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, Богъ *не хотѣлъ*, когда могъ, создать все своею собственною силою, прямо и непосредственно? «Потому ли, спрашиваетъ св. Отецъ, что

Онъ почиталъ это ниже Своего достоинства»? Но допустить это, значитъ допустить въ Существовѣ святѣйшемъ и преблагомъ человѣческую гордыню, несвойственную Божеству: «въ Богѣ нѣтъ и быть не можетъ никакой гордыни». И съ другой стороны, откуда мы знаемъ, что Богъ не хотѣлъ и считалъ недостойнымъ Себя—сотворить все Самому? Воля Божія открыта намъ въ Св. Писаніи, а Св. Писаніе, замѣчаетъ св. Аѳанасій, говоритъ совершенно противное тому, что утверждаютъ Аріане: вездѣ Богъ ясно называется или описывается Творцемъ *міра* и *всего*, *яже въ мірѣ* (Быт. 1, 1. 2, 1. и т. п.), особенно же св. Отець опирается при этомъ случаѣ на мѣсто Матѳ. 6, 25 и д. «Если, говоритъ Онъ въ заключеніе своего доказательства, Богъ не почитаетъ недостойнымъ Своего величія *пещи* о столь маловажныхъ предметахъ, каковы власы на головѣ нашей, воробьи въ воздухѣ и трава полевая, то конечно не могъ считать для Себя недостойнымъ и *сотворить* ихъ. Ибо о чемъ Онъ печется, то Онъ же и сотворилъ, чрезъ (διὰ) Слово или Сына своего».

Однако же, возражали Аріане, Богъ сотворилъ міръ и промышляетъ о немъ *чрезъ Слово*; и Св. Писаніе многократно увѣряетъ насъ, что Богъ сотворилъ все *Словомъ Своимъ*: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Пс. 32, 6);—*премудростію*: *вся премудростію сотворилъ* (Пс. 103, 24);—*Сыномъ*: *всяческая тѣмъ и о Немъ создашася: и той есть прежде всѣхъ и всяческая въ Немъ состоитъ* (Кол. 1, 16. 17). Слѣдов. Сынъ есть сотворенный посредникъ между Богомъ и

тварями ⁽¹²⁾. Приведенныхъ мѣстъ Св. Писанія, конечно, никто изъ православныхъ отвергать не думалъ, равно какъ и тѣхъ мѣстъ, гдѣ твореніе и промышленіе приписываются самому Богу-Отцу: посему, надобно было только согласить ихъ, и—здѣсь то, по словамъ св. Аѳанасія, еще яснѣе открывалась нелѣпность нечестиваго ученія самихъ возражателей и истина православнаго ученія о Сынѣ Божіемъ. «Если Сынъ сотворенъ изъ ничего, говоритъ Святитель, то почему въ священныхъ книгахъ написано о Сынѣ: *вся тьма быша* (Іоан. 1, 3), тогда какъ, по другимъ мѣстамъ Писанія, самъ Богъ-Отець сотворилъ все видимое и невидимое (Быт. 1, 1)? По нашему ученію, согласить это очень легко: здѣсь не то надобно разумѣть, будто иное сотворилъ Отець, а иное Сынъ, но яже *Онъ-Отець—творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. 5, 19) т. е. Богъ-Отець творитъ все Своею силою, которая и есть присносущный Сынъ Его, І. Христось, *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24) . . . Пусть же объяснятъ намъ Аріане, почему Сыну наравнѣ съ Отцемъ приписывается сотвореніе и промышленіе»? «У нихъ нѣтъ, продолжаетъ Святитель, никакихъ отвѣтовъ на это, кромѣ нелѣпыхъ (*ἀλόγια*)». Дѣйствительно, Аріане по своимъ началамъ не могли представить удовлетворительнаго отвѣта на такой во-

(12) Какъ возрженія аріанъ, такъ и опроверженія св. Аѳанасія см. Or. I contr. Ar. с. 5. 17. Or. II. с. 24. 25. 27. 30. 31. 34. 36. 39. 40. 41. 56. De decret. Nic. Syn. с. 9 и 16 de Sentent. Dionys. с. 23 и 25 и друг.

прось и притомъ они разногласили здѣсь между собою. Одни изъ нихъ утверждали, что въ Богѣ должно различать двоякаго рода Слово или Премудрость, Премудрость вѣчную и сосущественную Ему, и Премудрость сотворенную Богомъ при помощи первой или собственно Сына Божія І. Христа, который уже и сотворилъ все прочее ⁽¹⁵⁾. Но, говоритъ св. Аѳанасій, кромѣ того что единому Богу приличнѣе имѣть и одинъ Образъ Упостаси Своей, одно Слово, одну Премудрость, такъ какъ «Слово Божіе всегда одно и то же и, скажемъ вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ, *Слово Божіе во вѣки пребываетъ* (Псал. 118, 89), не измѣняется, подобно слову чело-вѣческому, не бываетъ первымъ или вторымъ, но всегда одно и то же, и кромѣ того, что «истинное Слово Божіе и одно совершенно достаточно для исполненія всей воли Отчей и всѣхъ дѣлъ творенія и промышленія, между тѣмъ какъ множество Словъ предполагаетъ существенную слабость всѣхъ ихъ (напр. у людей смертныхъ)»,—предлагаемое Аріанами раздѣленіе Премудростей Божіихъ есть только хитрая уловка про-

(15) Аріій въ своей *Талии* говорилъ: δύο σοφίας εἶναι, μὴν μὲν ἰδίαν καὶ συσπάρχουσαν τῷ Θεῷ, τὸν δὲ Ἰδὸν ἐν ταύτῃ τῇ σοφίᾳ γεγενῆσθαι καὶ ταύτης μετέχοντα... οὕτω καὶ λόγον ἕτερον εἶναι παρὰ τὸν Ἰδὸν ἐν τῷ Θεῷ и пр. Or. I. c. Ag. c. 5 ср. Or. II. c. 37—40. De Sentent. Dionys. c. 23. Нѣкоторые изъ Аріанъ допускали много Словъ, Премудростей и Силъ Божіихъ — (πολλὰ δυνάμεις Or. I, c. 5., πολλοὶ λόγοι. De desc. Nic. Syn. c. 9. πολλὰ σοφία. Or. III c. 37). въ числѣ коихъ поставляли и І. Христа, Сына Божія. Св. Аѳанасія называетъ такихъ прямо Гностиками, Манихеями и даже язычниками — Ἕλληνας. См. Or. II. c. 39. 40. Ep. ad. Episc. Aeg. et Lib. c. 14 и 16.

тивниковъ истины (*χρῖσμάχος ὑπόνοια*), пустая игра словъ и ничтожная догадка ихъ, которая не имѣетъ никакого основанія ни въ Св. Писаніи, ни въ Преданіи: «въ какой священной книгѣ нашли они, или отъ кого слышали, что у Бога есть еще иное Слово и иная Премудрость, кромѣ извѣстнаго намъ Сына Божія»? Напротивъ и св. Писаніе (ссылается на Пс. 103, 24. Иоан. 1, 1) и святые Отцы (напр. Діонисій Александрійскій) и самыя дѣла Сына (ибо одинъ міръ и кромѣ сего міра, Имъ созданнаго, нѣтъ ничего) ясно и убѣдительно доказываютъ бытіе одного Сына, истиннаго Слова и истинной Премудрости Божіей, І. Христа, *Имъ же вся быша, видимая и невидимая, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Иоан. 1, 3. Кол. 1, 16) (14). «Еслиже такъ, если ни изъ Св. Писанія, ни отъ святыхъ Отцевъ мы не знаемъ ни о какой другой Пре-

(14) Кажется, св. Аѳанасій съ намѣреніемъ обширно и во многихъ мѣстахъ занимается опроверженіемъ сего мнѣнія и ссылается на Отцевъ прежнихъ. Извѣстно, что нѣкоторые и изъ православныхъ учителей допускали какъ бы два Слова въ Богѣ — *λόγος ἐνδιάθετος* или *ἐυχαιμενος* и *λόγος προφορικος, προελθὼς, προηδὼν* — разумѣя подъ ними одно и то же Слово (не такъ, какъ Аріане), только въ двухъ различныхъ отношеніяхъ къ Богу и къ міру: таковы Аѳинагоръ, Теофилъ Антиохійскій, Діонисій Александрійскій и друг. Споры объ этомъ предметѣ продолжались долго въ первыхъ трехъ вѣкахъ, и послѣ за это учителя православные перѣдко были обвиняемы въ неправославіи. Св. Аѳанасій окончательнo рѣшилъ спорный вопросъ, который болѣе и не возобновлялся. См. *Möhler's* указ. сочин. во франц. перев. Tom. 1. p. 79 и 328. *Dorner's* *Entwickelungsgesch. der Lehre von der Person. Christi in erst. 4 Jahrhundert. Abth. 1. S. 414—439.* Dion. *Petavi* de Trinit. lib. VII. c. III. *Bullé* Defens. Fid. Nic. Sect. 3 p. 363 и д.

мудрости, кромѣ единой и единственной, то и подѣ именемъ Премудрости—Слова—Сына, Которымъ или вмѣстѣ съ Которымъ Богъ сотворилъ все небесное и земное, никого иного разумѣть нельзя, какъ только истиннаго Сына Божія, Господа нашего І. Христа». Да и къ чему ведетъ, продолжаетъ св. Отецъ, принятая Аріанами догадка о двухъ Словахъ или Премудростяхъ въ Богѣ? Способствуетъ ли она сколько-нибудь къ рѣшенію даннаго вопроса? По смыслу ея, Богъ есть Творецъ всего *потому*, что Онъ вѣчною Своею премудростію сотворилъ другую Премудрость—І. Христа, который сотворилъ все, т. е. Богъ есть Творецъ міра не прямой и не непосредственный, а только чрезъ Сына, поколику міръ имѣетъ извѣстное отношеніе къ Сыну, сотворенному Богомъ—Отцемъ: «но—утверждать, будто Сынъ, *Имъ же вся быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть*, нѣкогда не существовалъ, будто Онъ есть не собственное творческое Слово Бога—Отца, а пришедшее къ Нему извнѣ (*ἔξωθεν ἐπεσυχόμενος*) чрезъ сотвореніе изъ ничего и чуждое Богу по своей природѣ, значить—утверждать, что Самъ Богъ вовсе и не Творецъ вещей», и слѣдов. предложенный вопросъ остается нерѣшеннымъ. Другіе изъ еретиковъ, болѣе тонкіе, хотѣли согласить мнимое противорѣчіе въ Св. Писаніи такимъ сужденіемъ: Богъ—Отецъ, собственно говоря, есть Господь вселенной вообще и Творецъ законовъ, по которымъ она долженствовала быть сотворена, а Сынъ сотворилъ и сохраняетъ самыя вещи, составляющія вселенную, т. е. Отецъ какъ бы творить идеи вещей, а Сынъ Его осуществляетъ эти

идеи на самомъ дѣлѣ (¹²). Св. Аѳанасій, не останавливаясь долго на этой произвольной мысли, замѣчаетъ, что подобныя представленія идутъ въ нѣкоторомъ смыслѣ къ людямъ, между которыми часто одни придумываютъ планы, а другіе выполняютъ ихъ, или могутъ относиться къ тѣмъ, чрезъ кого самъ Богъ приводитъ въ исполненіе волю Свою въ сотворенномъ уже мірѣ, напр. Пророкамъ, Священнымъ Писателямъ и пр.; а когда дѣло идетъ о Богѣ Самомъ въ Себѣ, то нельзя отдѣлять въ Немъ предварительнаго размышленія о чемъ-либо и послѣдующаго за тѣмъ выполненія; равнымъ образомъ нельзя строго раздѣлять творенія отъ промышленія Божія, и слѣдовательно «необходимо допустить, что или все (идеи о вещахъ и самыя вещи, твореніе и промышленіе) совершается Отцемъ вмѣстѣ съ Сыномъ (*μετὰ τοῦ Ἰοῦ παρὰ τοῦ Πατρὸς*), или все—чрезъ Сына (*διὰ τοῦ Ἰοῦ*)». Но допустить ту или другую часть этой совершенно правильной дилеммы для Аріанъ значило вовсе отказаться отъ рѣшенія вопроса, который ими же самими предложенъ на рѣшеніе, и потому-то они, замѣчаетъ св. Отецъ, сами не знаютъ, на чемъ остановиться, и — то отдѣляютъ Слово отъ Отца, то

(¹²) Or. II. cont. Ag. c. 25. Ἄλλως τε καὶ μείζον ἄτοπον τοῖς τοῦτο λέγουσιν ἀπαντᾶ διαιροῦσι γὰρ τὰ κτιστάτα καὶ δημιουργία καὶ τὸ μὲν τοῦ Πατρὸς ἔργον, τὰ δὲ τοῦ Ἰοῦ διδόναι ἔργα... Такъ же разумѣетъ мысль аріанскую Möhler — въ указ. сочин. Т. I. pag. 297. На основаніи приведеннаго мѣста Н. Ritter.—Histoir. de la philos. Chrét. Paris. 1844. Т. 2. p. 19—догадывается, что Аріане дѣлали различіе между выраженіями κτίσειν и δημιουργεῖν, приписывая первое Богу-Отцу, послѣднее Сыну Божію, подобно Гностикамъ.

соединяютъ ихъ, то допускаютъ двѣ Премудрости въ Богѣ, то одну: «явный знакъ, что сіи безумные отступили отъ истины!» Истина же, продолжаетъ Аванасій, состоитъ въ слѣдующемъ: «Сынъ не созданъ для того, чтобы мы были сотворены Имъ, какъ орудіемъ; нѣтъ, хотя бы Богу и не угодно было ничего сотворить, и тогда Слово было бы у Отца и Отецъ въ Немъ: но поелику никакая тварь не могла произойти безъ Слова (*χωρίς τοῦ Λόγου*),—ибо Слово по своей природѣ есть собственный Сынъ существа Отчаго, изъ Него существуетъ и въ Немъ пребываетъ, какъ Само Оно сказала: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10),—то вотъ и причина, почему все сотворено чрезъ Него. Какъ свѣтъ освѣщаетъ все своимъ сіяніемъ и безъ его сіянія ничто не можетъ освѣщаться: такъ и Богъ-Отецъ сотворилъ все Словомъ Своимъ, какъ бы десницею Своею (Иса. 66, 2), и безъ Него не творитъ ничего. Посему-то Св. Писаніе, совокупляя выраженія: *рече и бысть, повелъ и создашася* (Пс. 148, 5), не полагаетъ между ними никакого промежутка или раздѣленія. *Рече* указываетъ на волю о насъ Бога-Отца, и *бысть* означаетъ исполненіе воли Божіей Словомъ и Премудростію, въ которой заключается и хотѣніе Отчее, и подъ самымъ: *рече*—уже разумѣется Слово; потому что Слово Божіе есть слово творительное и создательное и есть самая воля Бога-Отца (*δημιουργὸς καὶ ποιητὴς, καὶ αὐτὸς ἐστὶν ἡ τοῦ Πατρὸς βουλή*)». Такъ предано намъ отъ первоначальныхъ сѣятелей слова Божія—Апостоловъ! Такъ, а не иначе, разумѣть ученіе о сотвореніи и промышленіи всего Богомъ чрезъ Сына—всякой,

кто только слышалъ (*κατηχεῖτο*) первые начатки Христіанской вѣры!

2) И такъ со стороны Бога, Творца и Промыслителя міра, нѣтъ достаточнаго основанія допускать бытіе посредника или помощника Ему, сотвореннаго изъ ничего. Нѣтъ ли какого основанія со стороны самихъ тварей? Да, отвѣчали Аріане; твари по своей природѣ не могутъ снести непосредственнаго на нихъ дѣйствія Существа высочайшаго; существа временныя не могутъ быть въ прямомъ отношеніи съ Вѣчнымъ, конечныя—съ Безконечнымъ; посему-то какъ при твореніи былъ нуженъ, такъ и всегда необходимъ посредникъ между Богомъ и тварями, который и есть Сынъ Божій, сотворенный изъ ничего прежде всѣхъ вѣкъ и прежде всѣхъ вещей, сотворившій міръ и о немъ промышляющій (¹⁶). Но спрашивается: если дѣйствительно

(¹⁶) *Or. II. c. 24. Φασι δὲ κατὰ τοῦτο, ὡς ἄρα θέλων ὁ Θεὸς τὴν γενετὴν κτίσαι φύσιν, ἐπειδὴ εἴωρα μὴ δυναμένην αὐτὴν μετασχεῖν τῆς τοῦ Πατρὸς ἀκράτου (χειρὸς) καὶ τῆς παρ' αὐτοῦ δημιουργίας, ποιεῖ καὶ κτίζει πρῶτος μόνος μόνον ἕνα, καὶ καλεῖ τοῦτον Ἰὺν καὶ λόγον, ἵνα τοῦτου μέσου γενομένου οὕτως λοιπὸν καὶ τὰ πάντα δι' αὐτοῦ γενέσθαι δυναθῆ. Ταῦτα οὐ μόνον εἰρήκασιν, ἀλλὰ καὶ γράψαι τετολήμασιν Ἐυσέβιος τε καὶ Ἀρειος καὶ Ἀσερίος... ср. De desc. Nic. Syn. c. 8.* Это положеніе Аріанъ новѣйшіе писатели считаютъ основаніемъ аріанской ереси и развиваютъ изъ него всѣ другія мнѣнія ихъ въ слѣдующей системѣ: *тварь не можетъ снести непосредственнаго на нее дѣйствія Творца и Промыслителя—Бога; посему 1) Богъ прежде всѣхъ вѣкъ сотворилъ такое существо, которое бы посредствовало между Богомъ и міромъ, назначенное для сотворенія міра и дѣйствительно сотворившее небо и землю и все, и называемое Сыномъ Божиимъ, Словомъ и т. п. 2) Сынъ, сотворившій всѣ вещи въ мірѣ, не одного естества съ Отцемъ, не есть истинный Богъ; ибо иначе и Онъ не могъ бы войти въ прямое от-*

есть безконечное разстояніе между Богомъ и тварями, то наполнится ли или уменьшится ли оно при помощи Существа, придуманнаго Аріанами? Судя по собственнымъ ихъ понятіямъ о посредникѣ между Богомъ и тварями, нельзя ожидать этого. «Твари, по ихъ ученію, говоритъ св. Аѳанасій, не могутъ снести непосредственнаго дѣйствія на нихъ десницы Божіей, а Самъ Сынъ есть также существо сотворенное, какъ же Онъ одинъ изъ всѣхъ тварей могъ получить бытіе отъ несозданнаго и чистѣйшаго Существа Божія? Если ни-

ношеніе съ міромъ; Сынъ есть также тварь, только превосходѣйшая другихъ тварей, первородная и едиnorodная; 3) Такъ какъ Сынъ не одного естества съ Богомъ-Отцемъ и не произведенъ изъ матеріи; ибо всякое вещество создано Имъ; то Онъ произошелъ изъ ничего, слѣдов. не вѣченъ, ограниченъ по природѣ и званію, измѣняемъ и пр. 4) Будучи измѣняемъ по существу, Сынъ измѣняемъ и по волѣ своей, которая посему должна была подвергнуться испытанію (какъ бываетъ съ другими существами конечными); это испытаніе состоитъ въ воплощеніи или явленіи Слова на землѣ въ плоти человѣческой. Но такъ какъ Богъ отъ вѣчности предвидѣлъ, что Сынъ постоянно пребудетъ въ добрѣ, то и предъизбралъ Его быть Творцемъ и Спасителемъ прочихъ существъ конечныхъ и даровалъ Ему ту славу, которую Онъ послѣ заслужилъ своею добродѣтельною жизнію между людьми: Сынъ можетъ быть называемъ и Богомъ и почитаемъ какъ Богъ, только не въ смыслѣ собственномъ: *Möhler* въ указанн. сочиненіи Tom. 1. pag. 296—298. *P. Ritter* въ указанн. сочиненіи Tom. 2. pag. 18 et 19. *I. Cohen* въ *Histoire de l'Arianisme*, 1840. Paris p. 412. *Dorner* in *Entwicklungsgesch. der Lehre von Person Christi*. Abth. 2. S. 815—828. I. 1845. *Rohrbacher* въ *Histoir. Univers. de l'Eglise Cathol.* 1842. Tom. 6. p 188. Мы сообразно съ своею цѣлю замѣтимъ только, что св. Аѳанасій не оставилъ ни одного слова во всей этой системѣ—безъ сильнаго и рѣшительнаго опроверженія.

какая тварь не можетъ, то и Слово не могло бы, какъ нѣчто сотворенное; если же Оно будучи тварію, могло, то и всѣ вещи сотворенныя — подобнымъ образомъ должны быть въ состояніи снести непосредственное на нихъ дѣйствіе силы Божіей». Противорѣчіе въ словахъ еретиковъ очевидно, и какое бы направленіе Аѳанасіева доказательства мы ни взяли, во всякомъ случаѣ мнимый посредникъ Аріанскій останется лишь мнимымъ. Въ первомъ случаѣ, дѣлая наведеніе отъ другихъ тварей къ Нему, какъ къ существу сотворенному же, мы дойдемъ до заключенія, что такого существа вовсе нѣтъ. Вотъ какъ выводитъ это заключеніе самъ св. Отецъ: «если, говоритъ онъ, тварь вообще не можетъ снести дѣйствія на нее Самаго Бога и потому имѣетъ нужду въ какомъ-нибудь посредникѣ, то необходимо допустить, что и Слово, какъ существо сотворенное, также нуждается въ посредникѣ между Имъ и Богомъ для полученія бытія Своего; сей посредникъ (*μεσίτης*) опять можетъ явиться не иначе, какъ если найдется новый посредникъ и т. д. въ безконечность. Всѣ сіи посредники еще не существуютъ, потому что представляются существами конечными, не могутъ непосредственно произойти отъ Бога; слѣдов. не существуетъ и посредникъ Аріанскій, а съ нимъ вмѣстѣ не существуютъ и всѣ твари: онѣ еще ожидаютъ себѣ посредника!!» Ходъ мыслей строго-логическій — и вотъ конецъ ихъ: ничто не существуетъ; если нѣтъ еще Творца міра, то и ничего нѣтъ! Но міръ и все, что въ мірѣ, существуетъ; этого никто не можетъ отвергать, не впадая въ отчаянный скепти-

цизмъ : слѣдов. міръ произошелъ какъ-нибудь и причина, его произведшая, должна быть. Если теперь мы допустимъ бытіе такой причины (т. е. посредника, по мнѣнію Аріанъ), причины, происшедшей отъ Бога, — ибо отъ кого же иного она могла бы получить начало? — и отъ ней будемъ заключать къ тварямъ, ею сотвореннымъ, то придемъ къ слѣдствію, еще болѣе неожиданному для еретиковъ : «Сынъ, будучи тварію, говоритъ св. Аѳанасій, могъ получить начало отъ Существа несозданнаго; слѣдов. и всѣ твари точно также должны имѣть возможность — произойти отъ Существа несозданнаго; если же такъ, то къ чему еще посредникъ между Богомъ и тварями?», т. е. сего посредника не только нѣтъ (какъ доказано выше), но нѣтъ никакой надобности и быть ему! Такимъ образомъ придуманное Аріанами существо нисколько не удовлетворяетъ тѣмъ потребностямъ природы конечной, на которыя сами они указывали въ доказательство своего ученія. Существо конечное, временное, сотворенное, какимъ они представляли себѣ Сына Божія, не можетъ соединять Существо Безконечное съ конечными, Бога съ тварями!

Напрасно Аріане старались возвышать свое понятіе о Сынѣ или Словѣ, чтобы какъ-нибудь приблизить его къ Существу высочайшему и отличить отъ всѣхъ другихъ тварей; напрасно придавали ему самыя высокія названія и приписывали необыкновенныя свойства, которыя едва ли совмѣстны съ природою существа сотвореннаго (17). Всѣ эти приемы могли вводить

(17) Такъ Аріане называли Сына Божія *единственнымъ* (ἕνθεός).

въ заблужденіе людей неопытныхъ и поверхностно понимавшихъ подобные предметы, но предъ глубокимъ взглядомъ св. Аѳанасія уничтожились сами собою. «Прибавляйте, что хотите, говорить Онъ противникамъ, къ своей твари непохожей на другія твари; ваше ученіе все-таки останется нелѣпымъ и вашъ посредникъ все-таки будетъ въ числѣ тварей (*ἐν τῶν κτισμάτων*)». Въ самомъ дѣлѣ, когда въ понятіи Аріанъ о Сынѣ Божіемъ останется главное, что унижаетъ Его и дѣлаетъ неспособнымъ къ выполнению приписаннаго Ему назначенія, т. е. конечность, ограниченность, *сотворенность*, то безъ сомнѣнія никакіе признаки несущественные не измѣнять природы Его существенно, не отдѣлять Его рѣшительной чертой отъ всѣхъ другихъ созданій. Укажутъ ли еретики на то, что Сынъ сотворенъ Богомъ одинъ только? «Но, говоритъ св. Отецъ, при внимательномъ взглядѣ эта уловка окажется столь же нелѣпою, какъ и другія, и даже болѣе того. Адамъ одинъ созданъ единымъ Богомъ чрезъ Слово (*διὰ τοῦ λόγου*): но отличается ли онъ чѣмъ-нибудь отъ другихъ людей, происходящихъ отъ него по преемству рожденія, и имѣеть ли что-нибудь больше въ сравненіи съ ними, когда мы знаемъ, что онъ образованъ изъ зем-

πρώτως μόνος μόνον ἔνα... Or. II. с. 24.—*μόνος ὑπὸ τοῦ Πατρὸς*—de Synod. с. 16), *совершеннымъ* (*κτίσμα τοῦ Θεοῦ τέλειον*, de Syn. с. 16), *неизмѣняемымъ* т. е. въ добрѣ, по волѣ (*ἄτρεπτον καὶ ἀναλλοιώτων*—*ibidem*), *полнымъ* и даже *Богомъ*—не въ собственномъ смыслѣ (*πλήρης Θεός*—Eriph. haer. LXIX. 6. Theodor. II. E. I. II. с. 5). Опроверженія см. Or. II. с. 19, 20. 52. Or. III. с. 9. 52. De decr. Nic. Synod. с. 6. 8. 9. 10 и друг.

ли и не существовавши прежде, потомъ сталъ существовать... Правда, онъ одинъ произошелъ отъ Бога, а другіе отъ него, но это служитъ къ его чести, а не отличаетъ природы его отъ нашей». Тоже самое надобно было бы сказать и о Сынѣ Божіемъ, если бы Онъ былъ сотворенъ изъ ничего, хотя сотворенъ одинъ отъ единого Бога. Укажутъ ли на то, что Сынъ сотворенъ прежде другихъ и какъ бы прежде самаго времени?» Но опять, продолжаетъ Святитель, Онъ нисколько не отличался бы отъ насъ по своей природѣ, если бы превосходилъ насъ только временемъ своего происхожденія, если бы одна и таже десница создала и устроила насъ съ Нимъ, только Его прежде, а насъ послѣ. . . , потому что различіе во времени отнюдь не означаетъ различія природы ⁽¹⁸⁾».—Видя невозможность указать въ *природѣ* своего существа что-нибудь такое, почему бы онъ могъ быть дѣйствительнымъ посредникомъ между Богомъ и тварями, Аріане обращались къ *волю* его и говорили: онъ имѣетъ необыкновенныя достоинства нравственныя, достоинства такія, за которыя Богъ отъ вѣчности предъизбралъ его творцемъ тварей и Самъ непосредственно сотворилъ его прежде всѣхъ

(18) Аріане дѣлали различіе между дѣятельностію во времени и дѣятельностію прежде времени, и тѣмъ хотѣли объяснить происхожденіе существъ конечныхъ отъ Безконечнаго чрезъ посредника, сотвореннаго прежде всѣхъ вѣкъ—(Θεὸν γεννήσαντα Ἰῆδον μονογενῆ πρὸ χρόνων αἰώνων, δι' οὗ καὶ τοὺς αἰῶνας καὶ τὰ λοιπὰ πέποιθε—de Synod. с. 16); послѣдняго рода дѣятельность приписывали Богу-Отцу, перваго—Сыну Божію. Замѣчаніе Ritter a, см. указани. Сочин. Том. 2, pag. 20.

вѣкъ, изъ ничего ⁽¹⁰⁾. Св. Аѳанасій, не отвергая силы воли существа разумно-свободнаго и возможности — возвышаться чрезъ нее, при помощи Божіей, до высочайшей степени совершенства, даже до тѣснѣйшаго благодатнаго общенія съ Богомъ, утверждаетъ вопреки еретикамъ, что достоинства нравственныя тоже не измѣняютъ природы существа, не дѣлаютъ его изъ конечнаго — безконечнымъ, изъ временнаго — вѣчнымъ. «Если Сынъ, говоритъ онъ, въ томъ смыслѣ называется Сыномъ Божіимъ, въ какомъ это имя причисляется всѣмъ, получившимъ *область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. 1, 12), то Слово Божіе ничѣмъ не отличается отъ насъ. Чтò нужды, что Онъ, какъ утверждаютъ еретики, получилъ имя и вмѣстѣ съ именемъ особенное назначеніе по Божію предвѣденію о добродѣтели его и въ самую минуту своего происхожденія? Все это не полагаетъ никакого различія между имъ и тѣми, кои за дѣла свои послѣ удостоились названія сыновъ Божіихъ (примѣры — Адамъ, Енохъ, Ап. Па-

(10) Здѣсь, ложное понятіе Аріанъ о Сынѣ Божіемъ обнаружилось явнымъ противорѣчіемъ. Признавая Его конечнымъ по природѣ, они должны были признать конечность, измѣняемость и т. п. и его воли. Такъ они говорятъ: *Τῆ δὲ φύσει ὡς περ πάντες οὕτω καὶ αὐτὸς ὁ λόγος ἐστὶ τρεπτός, τῷ δὲ ἰδίῳ αὐταξουσίῳ, ἕως βούλεται, μένει καλός· ὅτε μὲν τοι θελεῖ, δύναται τρέπεσθαι καὶ αὐτὸς ὡς περ καὶ ἡμεῖς, τρεπτῆς ἄν φύσεως...* *Or. 1. c. 5.* А признавая въ Немъ посредника между Вѣчнымъ и временнымъ, должны были возвышать достоинства Его, называли неизмѣняемымъ: *ὑποσχέσαντα δὲ (Θεὸν) ἰδίῳ θελήματι, ἄτρεπτον καὶ ἀναλλοίωτον κτίσμα τοῦ Θεοῦ τέλειον...* *De Synod. c. 16. Or. 1. c. 35.* — *Διὰ τοῦτο γὰρ καὶ προγενώσκειν ὁ Θεὸς ἕσεσθαι καλὸν αὐτὸν, προλαβὼν αὐτῷ ταύτην τὴν δόξαν δέδωκεν* х. т. л. *Or. 1. c. 5.*

вель ». Сколь высокимъ по волѣ мы ни представляли бы себѣ Сына (сотвореннаго), онъ не отличался бы отъ насъ существенно, по роду, по природѣ, а былъ бы только выше насъ одною или нѣсколькими степенями нравственнаго совершенства: «но больше или меньше въ этомъ отношеніи, замѣчаетъ св. Отецъ, ничего не значить». Напротивъ, уже потому самому, что воля Его имѣетъ возможность — какъ учатъ Аріане — уклоняться ко злу, хотя и пребываетъ въ добрѣ, Онъ стоялъ бы по природѣ своей несравненно ниже Существа высочайшаго, который «любитъ правду и ненавидитъ зло не такъ, будто можетъ уклоняться и на сторону зла, только избралъ себѣ изъ двухъ возможностей одну — добро: это свойственно лишь тварямъ, а не Богу». И слѣдов. будучи существомъ конечнымъ и измѣняемымъ по своей природѣ, онъ точно также, какъ и всѣ существа міра конечнаго и измѣняемаго, не могъ бы снести непосредственнаго дѣйствія на него Божія, уничтожилъ бы въ самый мигъ своего происхожденія отъ прикосновенія къ нему творческой десницы Существа безконечнаго и неизмѣняемаго, и значить, не только не могъ бы сотворить и содержать міра, какъ Творецъ и Промыслитель, но и Самъ никогда не получилъ бы дѣйствительнаго существованія. «И такъ, заключаетъ Святитель, Слово Божіе или должно быть исключено изъ числа существъ сотворенныхъ, возвращено Отцу, какъ Слово Его творческое (*ὡς κτίστης*) и исповѣдуемо какъ естественный Сынъ Его; или, если Оно подлинно сотворено, должно оставаться въ томъ же чинѣ (*τὴν αὐτὴν τάξιν ἔχειν*), въ какомъ и прочія твари... Потому что, въ

послѣднемъ случаѣ, Оно при всемъ превосходствѣ предъ другими тварями—тѣмъ не менѣе осталось бы тварію. Между вещами конечными по природѣ своей также однѣ превосходиѣ другихъ, *звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славу* (1 Кор. 15, 41), и всѣ при сравненіи отличаются чѣмъ—нибудь другъ отъ друга; но, на одномъ этомъ основаніи, одна отнюдь не владычествуетъ надъ другою, послѣдняя не служитъ первой, одна тварь (превосходнѣйшая) не творитъ другой (низшей) и низшая не творится отъ высшей, но всѣ по природѣ своей суть существа сотворенныя и конечныя, всѣ равны между собою какъ твари, и всѣ являютъ собою Творца своего, какъ поетъ Давидъ: *небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь* (Пс. 18, 1), или какъ говоритъ мудрый Зоровавель: *вся земля истину призываетъ, и небо оную благословляетъ и вся дѣла трясутся и трепещутъ ея* (1 Езд. 4, 36). Если же вся вселенная со страхомъ возвѣщаетъ и благословляетъ Творца и истину, а Творецъ ея есть Слово, которое сказало о Себѣ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6): то слѣдуетъ, что само Слово не есть какая-либо тварь, но собственный и единый Сынъ Бога-Отца. Въ Немъ-то все соединено (*ἐν ᾧ τὰ πάντα ἤρμωσαν*), и Его-то возвѣщаетъ все, какъ Творца всего, какъ Онъ самъ сказалъ: *Азъ бѣхъ при Немъ устроая* (*ἀρμωσονσα—σῶτροπευς—σοφία* Прит. 8, 29), и еще: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17).» Въ этомъ отрывкѣ св. Отецъ нашъ заключилъ глубокое и единственное философско-богословское рѣшеніе тѣхъ недоумѣній, которыя противники его предлагали въ доказательство

своего нелѣпаго ученія о Сынѣ Божіемъ. Аріане, защищая свою мысль о сотворенномъ посредникѣ между Богомъ и тварями, унижали всю природу, представляя ее столь слабою, что она не можетъ быть сотворена и сохраняться самимъ Богомъ. Св. Аѳанасій указываетъ имъ на ту же самую природу, какъ на неложную провозвѣстницу славы Божіей, какъ на собственное дѣло рукъ Его; въ ней онъ видитъ не одинъ прахъ и тлѣніе, но и *присносущную силу* и премудрость Божества (Рим. 1, 20) — Силу, которая сообщаетъ тварямъ жизнь и прочное существованіе, *носитъ* и содержитъ *всяческая* (Евр. 1, 3) и ни одной вещи не позволяетъ превратиться въ то ничтожество, изъ котораго она вызвана въ началѣ. А эта Сила, Премудрость, Слово—и есть не кто другой, какъ Сынъ Божій, І. Христось, *Имъ же вся быша* (Іоан. 1, 3) и *Которымъ всяческая состоится* (Кол. 1, 3) ⁽²⁰⁾. Онъ есть *образъ*

(20) Объясняя слова Ап. Павла: *невидимая бо Его.. присносущная сила Его и Божество* (Рим. 1, 20), св. Аѳанасій говоритъ: «что это за Сила, самъ Апостоль открываетъ намъ сими словами: *Христось, Божія Сила и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24). Здѣсь Онъ не объ Отцѣ говоритъ, ибо сказалъ: *Его сила*, а что *Его*, то не Онъ Самъ, впрочемъ и не чуждо Ему, но есть вѣчто Его собственное (*ουδὲ ξένον, ἴδιον δὲ μᾶλλον αὐτοῦ*), есть Сынъ Его..., и всякой, кто будетъ правильно смотрѣть на природу, необходимо увидитъ въ ней Слово Божіе, коимъ она создана, и чрезъ Него уразумѣетъ Бога—Отца». Ог. 1. с. II et 12. Та же мысль еще отчетливѣе выражена въ слѣдующемъ мѣстѣ: *ἵνα μὴ μόνον ὑπάρχη τὰ γενόμενα, ἀλλὰ καὶ καλῶς ὑπάρχη, ἠυδόκησεν ὁ Θεὸς συγκαταβῆναι τὴν εἰαυτοῦ σοφίαν τοῖς κτίσμασιν; ὥστε τύπον τινα καὶ φαντασίαν εἰκόνοσ αὐτῆς (Сына Божія) ἐν πᾶσι τε κοινῆ καὶ ἐκάσφ ἐνθεῖναι. ἵνα καὶ σοφὰ τὰ γενόμενα καὶ ἄξια τοῦ Θεοῦ ἔργα δείκνυται* Ог. II. с. 78. Съ особенною подробностію и убѣдительностію рас-

Бога невидимаго (Кол. 1, 15), а Его образъ напечатлѣнъ на всѣхъ и на каждомъ изъ существъ конечныхъ, особенно же въ человѣкѣ, существѣ разумномъ (λογικὸς), и такимъ-то образомъ мы о Немъ живемъ и движемся и есмы (Дѣян. 17, 28) ⁽²¹⁾. Будь само Слово Божіе по природѣ своей тварію, существомъ конечнымъ и ограниченнымъ, тогда и Оно было бы не въ состояніи давать всему жизнь и движеніе, напечатлѣвать на всемъ сотворенномъ животворящій образъ свой, и тогда міръ былъ бы совершенно отдѣленъ отъ Бога, или лучше, никогда не получилъ бы дѣйствительнаго бытія. Но какъ скоро Слово есть существо самосущее, вѣчное и безконечное, тогда бытіе тварей и ихъ происхожденіе отъ существа несозданнаго—несомнѣнны.

крыты эти мысли въ сочиненіяхъ св. Аѳанасія, написанныхъ еще до появленія аріанской ереси—*Contra Gentes* cap. 38—47. и *De incarnatione Verbi Dei* cap. 2. 3. 17 и 41.

⁽²¹⁾ Св. Аѳанасій ясно отличаетъ вѣчное Слово или Премудрость Божію отъ той Премудрости, которая, по словамъ его, оживляетъ всю природу, только поставляетъ ихъ въ самой тѣсной и неразрывной связи: ἐξέχεεν (Θεος) αὐτὴν-σοφίαν — ἐπὶ πάντα τὰ ἔργα αὐτοῦ (Сир. 1, 10) ἡ δὲ τοιαύτη ἔκχυσις οὐ τῆς οὐτίας τῆς αὐτοσοφίας καὶ μονογενοῦς ἐστὶ γνώρισμα, ἀλλὰ τῆς ἐν τῷ κόσμῳ ἐξεικονισθείσης... οὐ γὰρ ἡ ἐν χάριτι σοφία κτίζουσα ἐστίν, ἀλλ' ἡ ἐγκτιζομένη τοῖς ἔργοις κ. т. л. ср. *De incarn. V.* с. 5 и 17. *Or.* 1. с. 51. *Epist. III. ad Serap.* с. 4. Такимъ образомъ св. Отецъ самъ совершенно освобождаетъ себя отъ несправедливаго упрека, будто онъ признавалъ Слово Божіе какою-то Силою безличною, разлитою въ природѣ и нигдѣ, кромѣ природы, не существующею, чѣмъ-то въ родѣ души міра. Онъ открыто вооружается противъ такой мысли въ сочин. *Contr. Gent.* с. 40 и 41, и во многихъ мѣстахъ утверждаетъ совершенно противное тому, какъ увидимъ ниже.

Богъ можетъ быть Творцемъ и Промыслителемъ существъ конечныхъ, отстоящихъ отъ Него на безмѣрное разстояніе по своей природѣ, потому что Онъ творитъ и сохраняетъ все словомъ Своимъ, или точнѣе, въ Словѣ Своемъ (*ἐν Λόγῳ*), которое есть такъ же вѣчно и неограниченно, какъ и самъ Отецъ; твари, не смотря на свою измѣняемость, тлѣнность и колебаніе между ничтожествомъ и бытіемъ, могутъ существовать и жить, потому что на нихъ и въ нихъ напечатлѣна премудрость Божія, присносущная сила Его и Божество. Т. е. *ипостасное Слово Божіе*, отдѣльное отъ Бога-Отца какъ особое Лице, и не отдѣльное какъ единое по существу, не только даетъ всему сотворенному единство, стройность и гармонію, но и какъ бы сближаетъ собою Бога съ тварями и твари съ Богомъ (*σοφία ἀρμόζουσα*), уничтожаетъ безконечное разстояніе между существами созданными и Несозданнымъ, и слѣдов. само есть такъ же безконечно и такъ же Богъ, какъ Богъ-Отецъ.—Пытливый разумъ могъ бы здѣсь предложить еще вопросъ: какимъ образомъ опять существа конечныя—твари—могутъ быть въ общеніи съ Словомъ и чрезъ Слово съ тріединымъ Богомъ, если само Слово есть такъ же существо безконечное и Богъ, какъ и Богъ-Отецъ? Но, св. Аванасій, предвидя этотъ вопросъ, прямо сознается, что постигнуть непостижимое — человѣку невозможно, и что здѣсь есть *тайна*, требующая съ нашей стороны благоговѣйной и разумной вѣры, какъ говоритъ Апостолъ: *вѣрою разумуемъ совершится въкомъ глаголомъ Бо-*

жизнью, во еже отъ не являемыхъ видимымъ быти (Евр. 11, 3) ⁽²²⁾.

3. Такимъ образомъ и со стороны тварей ясно открывается нелѣпость нечестиваго ученія арианскаго о Сынѣ Божіемъ и нѣкоторымъ образомъ подтверждается православное ученіе Церкви о творческомъ Словѣ Божіемъ, вѣчномъ и самосущемъ. Если наконецъ мы посмотримъ на ученіе еретиковъ со стороны самаго предполагаемаго ими сотвореннаго посредника между Богомъ и тварями, то опять откроется крайняя ихъ неосновательность. Сынъ Божій или Слово, по мнѣнію Арианъ, есть не что иное, какъ твореніе, назначенное творить всѣ прочія твари—вотъ ихъ посредникъ между Богомъ и тварями! Такое *творящее твореніе*, по словамъ св. Аѳанасія, заключаетъ противорѣчіе въ самомъ себѣ. Какъ твореніе, оно само принадлежитъ къ числу тварей (это уже доказано), и слѣдов. подъ именемъ всего состава творенія надобно разумѣть и его ⁽²³⁾: «если же вся, яже Отецъ—творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ (Іоан. 5, 19), и что творитъ Сынъ,

⁽²²⁾ De decr. Nic. Syn. c. 18. Or. II. c. 32. Or. III. c. 1. Contr. Arollinar. L. 1. c. 13. Самое понятіе св. Аѳанасія о вѣрѣ соотвѣтствуетъ такому взгляду его на отношеніе Бога къ міру: Ἐπεὶ πρῆξις ἢ τὸ ἀδύνατον ἐν δυνάμει πρῆξουσα καὶ τὸ ἀσθενὲς ἐν ἰσχύϊ καὶ τὸ παθητὸν ἐν ἀπαθείᾳ καὶ φθαρτὸν ἐν ἀφθαρσίᾳ καὶ τὸ θνητὸν ἐν ἀθανασίᾳ... С. Aroll. L. II. c. II.

⁽²³⁾ Кромѣ вышеприведенныхъ мѣстъ см. еще: Or. II. c. 24. Or. I. c. 19. Epist. ad Episc. Aeg. et Lib. c. 15. Для дальнѣйшаго см. Or. II. c. 21. 22. 24. 28—30. 50. 54. Or. IV. c. II. Or. III. ad Serap. c. 4. De decr. Nic. Syn. c. II.

есть произведеніе и Отца, говоритъ св. Аѳанасій, то слѣдуетъ, что или Сынъ творитъ самаго Себя, есть самъ Свой Творецъ (ибо яже Отецъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ), а это нелѣпо и невозможно, или творя дѣла Отца, самъ Онъ не есть твореніе; иначе Онъ же будетъ въ числѣ твореній Отца (ибо что творитъ Сынъ, то есть произведеніе Отца) и опять вмѣстѣ съ Отцемъ будетъ творитъ Себя самаго, какъ твореніе Отца; но лучше сказать, для Него все невозможно будетъ творитъ дѣла Отца. Ибо какъ возможно, чтобы существо сотворенное изъ ничего, воззвало несущее изъ небытія—къ бытію? На вопросъ, заключающійся въ послѣднихъ словахъ Святителя, можно отвѣчать (какъ и дѣлали Аріане) двумя предположеніями: «существо, о которомъ говоримъ мы, или въ самой природѣ своей имѣетъ способность творитъ, или заимствовало эту способность отъ другаго, напр. отъ Бога». Но, то и другое предположеніе, умѣстное при какомъ-либо другомъ дѣлѣ, свойственномъ существамъ сотвореннымъ, не имѣетъ рѣшительно никакой силы, когда идетъ рѣчь о твореніи изъ ничего. Творитъ не свойственно твари, какъ бы высока ни была она по своему достоинству; а приписывать какой-либо одной изъ тварей способность творитъ, значить приписывать ее всѣмъ: «если онъ—посредникъ аріанскій,—говоритъ св. Отецъ, сотворенъ изъ ничего и, не смотря на то, можетъ приводить существа изъ небытія къ бытію, то надобно тоже самое приписать и всѣмъ тварямъ, надобно и въ нихъ допустить способность творчества... Но этого объ нихъ нигдѣ не на-

писано и быть не можетъ. Общій законъ: существа сотворенныя, конечныя, не могутъ творить; самые Ангелы не могутъ творить, потому что и они сотворены (развѣ согласитесь съ еретиками Валентиномъ, Маркіономъ, Василидомъ?). Существа конечныя могутъ только измѣнять, разнообразить, давать различныя формы вещамъ уже существующимъ, но творить изъ ничего— не ихъ дѣло». Слѣдов. одно изъ двухъ: или Сынъ Божій — тварь, тогда Онъ не можетъ творить въ собственномъ смыслѣ сего слова, творить изъ ничего, или Онъ творитъ (что утверждали и Аріане), тогда Онъ не принадлежитъ къ числу тварей. Къ такому же заключенію приходитъ св. Аѳанасій, опровергая другое предположеніе еретиковъ: «Софистъ Астерій, говоритъ Онъ, дерзнулъ написать, что Сынъ Божій научился творчеству отъ Бога Отца ⁽²¹⁾; онъ и не подумалъ о томъ, какія нелѣпости слѣдуютъ отсюда. Если творчество можетъ изучаться, подобно какому-либо искусству, то не будетъ ли, по ихъ мнѣнію, и самъ Богъ творцемъ по искусству, а не по природѣ? — и не можетъ ли Онъ когда нибудь лишиться сей способности,

(21) Св. Иларій говоритъ (De Trinit. L. VII. c. 19), что Аріане основывали такое предположеніе на словахъ: Отецъ любитъ Сына и вся показываетъ Ему, даже Слѣзъ творить (Іоан. 5, 20). Астерій софистъ, родомъ изъ Каппадокіи, лицо малоизвѣстное по исторіи, игралъ тогда, какъ видно, важную роль между Аріанами. Св. Аѳанасій называетъ его *πολυκέφαλος, πάνουργος σοφιστής, ὅτι εἰ ἀρέσκειος πανήγορος* (patronus)—Or. 1. contr. Arian. c. 30. de Syn. c. 18, и часто приводитъ отрывки изъ его сочиненія (*συναγαγμάτων*), *ibidem et* Or. II. c. 35. Or. III. c. 2 и мног. друг.

ибо что не въ природѣ, а пріобрѣтено изученіемъ, то можетъ быть и забыто? Далѣе, если премудрость Божія пріобрѣла способность творчества посредствомъ изученія, то можно ли и назвать ее премудростію? Что это за премудрость, которая имѣетъ нужду въ наученіи? Чѣмъ она была прежде, нежели научилась? И не перестанетъ ли также быть премудростію, когда забудетъ выученное?» Далѣе, допустивъ возможность изученія творчества, мы должны будемъ, говорить Святитель, рѣшить множество вопросовъ, напр. почему Богъ не научилъ этому творчеству многихъ изъ своихъ тварей; почему нужно было Ему научить Сына творчеству, тогда какъ, сотворивъ Его, Онъ такимъ же образомъ могъ бы самъ сотворить и другихъ, и насъ? — и все это будучи недостойно истиннаго Бога, унижаетъ вмѣстѣ и Сына, поставляетъ Его не только не выше насъ, но даже ниже: «ибо смотрите, продолжаетъ св. Отецъ, какое странное слѣдствіе выходитъ изъ того ученія, будто Богъ, намѣреваясь сотворить вселенную, вымышляетъ и творить напередъ Сына, дабы потомъ чрезъ Него сотворить насъ. Во-первыхъ отсюда слѣдуетъ, что Сынъ сотворенъ ради насъ, а не мы ради Него (Притч. 16, 4), такъ что скорѣе Онъ обязанъ намъ благодарностію за свое бытіе, нежели мы Ему. Потомъ, мы сотворены для того, чтобы существовать, а Слово Божіе не для того, чтобы существовать, но дабы, подобно орудію, послужить къ произведенію насъ; слѣдов. не мы существуемъ для Него, но Онъ для насъ. Еще, при этомъ можно подумать, будто мы были у Бога прежде Него, потому

что объ Немъ Богъ помыслилъ тогда уже, когда рѣшился сотворить насъ, и можетъ быть никогда не благоволилъ бы подумать о Сынѣ, если бы не захотѣлъ сотворить насъ; ибо Его сотворилъ для того и потому, что желалъ сотворить насъ... Стало быть, собственно говоря, мы должны называться сынами Божиими, а не тотъ Сынъ, который сотворенъ ради насъ и пр.» Сколь ни отдаленны по видимому отъ главной мысли аріанской такіе выводы, но нельзя не согласиться, что они самымъ естественнымъ образомъ вытекаютъ изъ начала еретиковъ, и слѣдов. св. Аѳанасій справедливо могъ упрекать въ нихъ Аріанъ, хотя бы сами они и не подозрѣвали всѣхъ слѣдствій своей ереси, упрекать для того, чтобы яснѣе открылась истина ученія православнаго. Ибо открывши дальнѣйшія слѣдствія нелѣпья, легко показать нелѣпость и главнаго положенія, по видимому сноснаго, и указать способъ вытти на путь истинный. Посему-то, простираясь далѣе Святитель говоритъ, что всѣ вопросы и затрудненія, неизбѣжныя при аріанскомъ взглядѣ на вещи, легко устранятся, какъ скоро мы будемъ имѣть правильное понятіе о Сынѣ Божіемъ и Его отношеніи къ Отцу: «если Богъ, говоритъ Онъ, творитъ и созидаетъ все чрезъ Слово, то само Слово не принадлежитъ къ числу тварей или созданій, но есть собственное Слово творящаго Отца, познаваемое изъ дѣлъ Отца, которыя Оно творитъ вмѣстѣ съ Отцемъ своимъ, потому что Оно во Отцѣ и Отецъ во Немъ (Іоан. 14, 10). Если Слово нарицаетъ несущее яко сущее (т. е. творитъ изъ ничего), то само Оно не есть несущее и никогда не было

такимъ, ибо Словомъ создано все». «Не въ слѣдствіе изученія (*οὐκ ἐκ διδασκαλίας*), говоритъ Онъ въ другомъ мѣстѣ, Слово есть творецъ всего; но такъ какъ Оно есть образъ и премудрость Отца, то и творитъ дѣла Отца. И не сотворилъ Богъ Сына для того, чтобы чрезъ Него создать все прочее; ибо и при Сынѣ Отецъ все-таки дѣйствуетъ, какъ самъ Господь сказалъ: *Отецъ мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17); а по вашему (Аріане), самъ Отецъ уже *не дѣлаетъ?* — Если же Сынъ сотворенъ для того, чтобы произвести все, начавшее существовать послѣ Него, и не смотря на то, Отецъ дѣйствуетъ и при Сынѣ, то для чего же и сотворенъ этотъ Сынъ?» Такъ поражаетъ св. Аѳанасій еретическую мысль Аріанъ въ самомъ ея основаніи и какъ бы уничтожаетъ ее совершенно. Потому что существо, которое заключаетъ противорѣчіе въ самомъ себѣ, не можетъ существовать на дѣлѣ, а воображаемый посредникъ Аріанскій, по глубокому и тонкому взгляду нашего Отца, заключаетъ въ себѣ цѣлую бездну противорѣчій!

Не смотря на логическое противорѣчіе понятій, опредѣляющихъ сотвореннаго Посредника между Богомъ и тварями, Аріане «какъ бы боясь отступить отъ собственныхъ вымысловъ (*μυθοπλασίας*)», по словамъ св. Аѳанасія, хотѣли поддержать себя авторитетомъ Св. Писанія и ссылались на нѣсколько мѣстъ изъ ветхаго и новаго Завѣта, толкуя ихъ выгодно для себя и невыгодно для догмата православнаго. Такъ

а) Въ словахъ Притч. Соломон. гл. 8. ст. 22: *Господь созда мя (премудрость) начало путей своихъ*

въ дѣла своя (по переводу LXX толковн.), Аріане хотѣли найти полное подтвержденіе своего ученія о Сынѣ Божіемъ, какъ твари (*созда мя*), высшей другихъ или первой (*начало путей своихъ*), назначенной — творить (*въ дѣла своя*). «Нельзя, замѣчаетъ предварительно св. Отецъ, нельзя словъ книги приточной (*παροιμία ἐστὶ*), сказанныя приточно и прикровенно (*παρακρυφῶς, κερκρυμένως*), принимать въ смыслѣ строго-догматическомъ», и потомъ, вникая въ самый составъ рѣчи, говоритъ ⁽²⁴⁾, что α) выраженіе *созда мя* не означаетъ здѣсь происхожденія Премудрости изъ небытія въ бытіе, ибо не сказано просто: *созда мя*, но прибавлено: *созда мя начало путей, въ дѣла своя*; слѣдов. указываетъ на особенное назначеніе лица, уже существующаго (въ примѣръ подобной конструкціи приводитъ Кол. 1, 18. Иса. 49, 8. Пс. 2, 6); β) Слова: *созда мя начало путей своихъ* не могутъ означать какой-либо особенной твари, не похожей на другія твари и сотворенной прежде другихъ; ибо самое понятіе *начала* внушаетъ мысль о продолженіи чего-то подобнаго началу. Такъ Рувимъ былъ началомъ дѣтей праотца Іакова или пер-

⁽²⁴⁾ Св. Аванасій обширно и во многихъ мѣстахъ занимается разборомъ этого текста (Ог. 1 соп. Аг. с. 53. Ог. II. с. 1 и 44—61. 66—82. De decret. Nic. Syn. с. 13 и 14. Epist. ad Episc. Aeg. et Lib. с. 17) какъ потому, что онъ считался у противниковъ его главною опорою ихъ нелѣпаго мнѣнія (Ог. II. с. 18), такъ и потому, что сами православные тогда вообще относили этотъ текстъ къ лицу I. Христа (Tertull. с. Hermog. с. 18. Cyprian. de Test. с. Jud. с. 1. Eriphan. Basil. М. и друг. смотр. D. Petav. de Trinit. L. II. с. 1), съ тѣмъ только различіемъ, что одни читали: *созда мя* (*ἐκτίσας*), другіе— *стязя мя* (*ἐκτίσθητο*, съ Еврейск. קני).

вымъ между ними, потому что за нимъ слѣдовали его родные братья; одна часть города называется началомъ его, потому что вмѣстѣ съ другими составляетъ одно цѣлое. «Подобнымъ образомъ, продолжаетъ Святитель, когда Премудрый называетъ Слово или Премудрость началомъ путей или тварей Божіихъ, то безъ сомнѣнія хотеть сказать о Словѣ нѣчто такое, въ чемъ Оно совершенно подобно путямъ, или пути — Ему». Какъ же послѣ сего, на основаніи приписаннаго Сыну Божію особеннаго назначенія—быть началомъ путей или тварей, утверждать, будто Онъ есть какая-то тварь не похожая на другія твари, и будто Онъ созданъ прежде другихъ тварей и существуетъ отдѣльно отъ другихъ? «Извѣстно, что никакая тварь въ мірѣ не существуетъ сама по себѣ, независимо отъ своихъ сотварей, но, будучи сотворены всѣ вдругъ⁽²⁶⁾, онѣ существуютъ въ тѣсной связи между собою, какъ члены одного тѣла, какъ части одного великаго цѣлаго—вселенной, хотя

(26) ... 'Οὐδέν ἐστιν ἔμμορον κατ' εἰκοτὸ καὶ πρῶτον γενόμενον, ἀλλὰ μετὰ πάντων ἅμα τὴν γένεσιν ἔχει. Къ чему бы мы ни стали относить эти слова св. Аѳанасія, къ родамъ ли тварей, какъ выходитъ по контексту рѣчи (Ог. II. с. 28), гдѣ онъ говоритъ о одновременномъ происхожденіи (*μὴ ἡμέρα καὶ τῶ αὐτῷ προσάρματι*) свѣтилъ небесныхъ, потомъ четвероногихъ, птицъ, рыбъ, всего рода человѣческаго въ лицѣ Адама, или къ цѣлой совокупности творенія, какъ позволяетъ думать другое подобное мѣсто (Ог. II. с. 60. *ἀλλ' ἀθρόως ἅμα πάντα*), во всякомъ случаѣ они не противорѣчатъ той постепенности творенія, о которой повѣствуетъ Моисей. Твари являлись одна за другою постепенно въ продолженіи шести дней, но ихъ элементы или зародыши уже положены были въ совокупномъ происхожденіи изъ ничего неба и земли Ср. Сир. 18, 1. Грив. Нисс. in haesep.

одна отъ другой и отличаются степенями своего достоинства». Слѣдов. и Слово, если бы Оно было тварію, положимъ—первою или самую высшею, не могло бы ни произойти прежде другихъ, ни существовать отдѣльно отъ другихъ тварей, тѣмъ менѣе могло бы сотворить какую-нибудь тварь; отсюда γ) очевидна несправедливость Аріанскаго толкованія и послѣднихъ словъ текста: *въ дѣла своя*, т. е. Слово не сотворено для того, чтобы сотворить другихъ. Итакъ изреченіе Премудраго, по изъясненію св. Аванасія, указываетъ не на сотвореніе Сына Божія изъ ничего, но на особенное назначеніе Его, выраженное словами: (въ) *начало путей, въ дѣла* Божіи. Какое жъ именно? Конечно, замѣчаетъ Святитель, нельзя относить этого назначенія къ Божеской природѣ І. Христа самой въ себѣ, потому что въ такомъ случаѣ невозможно было бы сказать, для чего Онъ существуетъ: «когда Св. Писаніе говоритъ объ І. Христѣ, какъ Богѣ, то обыкновенно выражаетъ бытіе Его безъ всякаго ограниченія (*ἀπολελυμένως*): *въ началѣ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1), *Азъ во Отцѣ и Отецъ во мнѣ* (—14, 10), *Сый въ лонѣ Отчи* (—1, 18), не сказано: для чего». Какъ нельзя сказать, для чего существуетъ Богъ—Отецъ, такъ нельзя сказать, для чего существуетъ и Сынъ; Они существуютъ, потому что существуютъ. Посему слова Премудраго, въ которыхъ говорится о цѣли *созданія* вѣчной Премудрости, надобно относить къ откровенію Ея въ мірѣ. Св. Отецъ нашъ, соотвѣтственно своему глубокому взгляду на отношеніе Бога къ міру, относитъ ихъ какъ къ общему откровенію Премудрости Божіей во всемъ мірѣ, такъ во особен-

ности и преимущественно къ частному или чрезвычайному откровенію—Воплощенію самой Упостасной премудрости ради нашего спасенія. «Поелику на насъ и на всѣхъ твореніяхъ, говоритъ онъ, напечатлѣнъ нѣкоторый образъ (τύπος) Божественной Премудрости, то истинная и творческая Премудрость, относя къ себѣ то, что свойственно Ея образу, справедливо говоритъ: *Господь созда мя въ дѣла своя*», подобно тому, какъ Она же сказала въ послѣдствіи: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Мат. 10, 40) или: *Савле, Савле, что Мя гониши* (Дѣян. 9, 4); и такъ какъ образъ или отпечатокъ (εἰκὼν καὶ τύπος) вѣчной Премудрости, положенный на вещахъ сотворенныхъ (дѣлахъ), есть первое средство для существъ разумныхъ познавать Ее саму и чрезъ нее Бога-Отца, то и говоритъ: *созда мя начало путей своихъ*, т. е. въ начало, или нѣкоторымъ начаткомъ познанія (ἀρχὴ τις καὶ ὡσπερ χειρῶσις τῆς ἐπι Θεοῦ γνώσεως) для существъ разумныхъ. Когда же этотъ первоначальный путь познанія былъ родомъ человѣческимъ потерявъ, то по предвѣчному совѣту Божию, въ предназначенное время Премудрость открылась уже не въ образѣ и тѣни Своей (εἰκὼν καὶ σκιά), но сама Упостасная Премудрость Божія, она же и Слово, содѣлалась плотію и, освободивъ людей отъ грѣха, проклятія и смерти, наияснѣйшимъ образомъ открыла имъ Себя и чрезъ Себя Отца Своего: *Слово плоть бысть и вселися въ ны, и видѣхомъ Славу Ею, славу яко едиnorodнаго отъ Отца* (Іоан. 1, 14). Здѣсь-то при Воплощеніи и совершеніи домостроительства нашего спасенія, Она опять какъ бы поставляетъ Себя на мѣсто

тварей и изъ любви къ роду человѣческому (φιλανθρώπως) говорить: *Господь созда мя начало путей своихъ въ дѣла своя.* Сынъ Божій называетъ Отца Своего *Господомъ* не какъ рабъ, но какъ принявшій зракъ раба (Филип. 2, 7); вѣчное Слово называетъ Себя *началомъ путей*, потому что облекшись человѣческою плотію, въ ней Оно содѣлалось начаткомъ и какъ бы представителемъ возрожденнаго человѣчества, по словамъ Апостола: *иже есть начатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ Той первенствуя* (Кол. 1, 18); Несозданный называетъ Себя созданнымъ въ дѣла, потому что Отецъ небесный *человѣческое тѣло совершилъ Ему* (Евр. 10, 5) и послалъ Его въ міръ не для него Самаго, но для насъ (δι' ἡμᾶς Евр. 2, 14. 1 Кор. 15, 21. Рим. 8, 3. Іоан. 3, 17. 9, 39). Посему Онъ и созидается не по отношенію къ Себѣ, но по отношенію къ намъ (ὑπὲρ ἡμῶν), и не въ себѣ, но въ насъ (εἰς ἡμᾶς), какъ и говоритъ Св. Апостоль въ посланіи къ Ефесеямъ 2, 14. 15: *Той бо есть миръ нашъ, сотворившій обоя едино... да оба созиждетъ собою во единого новаго чловѣка, творя миръ: и примиритъ обоихъ во единомъ тѣлѣ Богу.* «Ибо какъ Онъ — Сынъ Божій — называется немощнымъ потому, что понесъ наши немощи, хотя Самъ, будучи силою Божіею, и не немощенъ; какъ Онъ за насъ содѣлался грѣхомъ и клятвою, понесши наши грѣхи и проклятіе, хотя Самъ *грѣха не сотвори* (1 Петр. 2, 22): такъ и созидавая или возраждая насъ въ Себѣ, Онъ, какъ бы возражаясь Самъ въ насъ, сказалъ: *Господь созда мя въ*

дѣла Своя , хотя Самъ по Себѣ Онъ отнюдь не есть Существо сотворенное».

б) Второе мѣсто Писанія , которымъ преимущественно ⁽²⁷⁾ Аріане хотѣли поддержать свое понятіе о Сынѣ Божіемъ , находится въ посланіи къ Евреямъ гл. 3. стих. 2: разумѣйте Иисуса Христа, *вѣрна суща Сотворшему Его* (τῷ ποιήσαντι αὐτόν). Здѣсь, говорили они, І. Христосъ ясно называется существомъ сотвореннымъ, слѣдов. Онъ есть тварь. «Не слѣдуетъ», отвѣчаетъ имъ св. Аѳанасій. Въ Свящ. Писаніи глаголь *ποιέω* не всегда означаетъ произведеніе чего-нибудь изъ ничего, но часто значитъ рожденіе и употребляется вмѣсто *τίκτω* или *γεννάω*, напр. Иса. 38, 19: *отъ днесь бо дѣти сотворю*, *ποιέω* употреблено о дѣтяхъ по отношенію ихъ къ родителямъ. Подобнымъ образомъ, когда и о Сынѣ Божіемъ въ Св. Писаніи встрѣчаются выраженія: *сотворенъ*, *содѣланъ* и т. п. (*ἔτε ἐγένετο*, *ἔτε πεποίηται*, *ἔτε ἔκτισαι*, *ἔτε πέπλασαι*, *ἔτε κατεσάθη* . . . Быт. 4, 1. 48, 5. Іов. 1, 2 и др.); то не надобно разумѣть ихъ буквально, но такъ, какъ требуетъ свойство подлежащаго , къ которому онѣ относятся , т. е. Сына или Слова Божія. «Названія не измѣняютъ природы существа , напротивъ сами измѣняются въ значеніи сообразно природѣ существа , коему приписываются ; ибо не названія прежде природы , но природа прежде названій». Изъ названій обоюдныхъ и неопредѣленныхъ

(27) Or. II. contr. Arian. c. 4... ὡς μέχρι τι βοηθημα τῆς ἀρέσεως αὐτῶν. Опроверженіе in Orat. II. c. 1 и 4—11. Также см. Athanasii fragmenta in Iob, pag. 1262 et 1263. Edit. Montfaucon.

нельзя съ безопасностію опредѣлять происхожденіе и природу какого-либо существа; слѣдов. и на основаніи мѣста (Евр. 3, 2), гдѣ о Сынѣ Божіемъ употреблено слово *ποίησ*, имѣющее разныя значенія, нельзя почитать Его существомъ сотвореннымъ. Чтоже именно надобно разумѣть о Немъ въ словахъ: *вѣрна суща сотворшему Его*, продолжаетъ Святитель, это видно изъ самаго контекста рѣчи (гл. 2, 14—гл. 3, 2). Не о чемъ-нибудь, происходившемъ прежде сотворенія міра (*τὰ πρὸ κτίσεως*), помышлялъ Апостоль, когда писалъ сии слова, но о Воплощеніи Бога-Слова и Его первосвященническомъ служеніи, какъ бы такъ говоря: *вѣрна суща* Тому, который облекъ Его плотию человѣческою и содѣлалъ Посланникомъ и Святителемъ (Первосвященникомъ) исповѣданія нашего. «И подобно тому, замѣчаетъ мудрый Отець, какъ Первосвященникъ ветхаго завѣта (напр. Ааронъ) не раждался въ этомъ званіи, но родившись простымъ человѣкомъ дѣлался Первосвященникомъ послѣ, когда угодно было Богу, чрезъ облеченіе въ извѣстныя священныя одежды, и за тѣмъ все-таки не переставалъ быть человѣкомъ: такъ и Господь нашъ І. Христось *въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово*, потомъ облекся плотию человѣческою, какъ бы нѣкою одеждою, и сдѣлался человѣкомъ, Пророкомъ и Первосвященникомъ новаго Завѣта, не переставши однакожъ быть тѣмъ же Словомъ Божіимъ, *Имъ же вся быша*».

в) Но вотъ, говорили еретики, тотъ же Апостоль прямо называетъ І. Христа не только тварію, но и первую изъ тварей, какъ и мы учимъ: *иже есть...*

перворожденъ всея твари (Кол. 1, 15). «Глупые (*ἄφρονες*), восклицаетъ св. Аѳанасій! Напротивъ, если Онъ—*І. Христосъ*—есть *перворожденъ рѣшительно всея твари*, то и слѣдуетъ, что Онъ совершенно отличенъ отъ всѣхъ тварей и не есть тварь; иначе Онъ былъ бы *перворожденнымъ Самаго Себя*»⁽²⁸⁾. Посему-то *І. Христосъ* называется въ Св. Писаніи не только *перворожденнымъ*, но и *единороднымъ* (Іоан. 1, 14. 18. 1 Іоан. 4, 9), — названія, которыя имѣютъ различный и даже противоположный между собою смыслъ: «*первороднымъ* называется тотъ, который имѣетъ у себя братьевъ, а *единороднымъ*—тотъ, у котораго нѣтъ ихъ», слѣдов. сихъ названій нельзя было бы приписать одному и тому же лицу т. е. *І. Христу*, если бы Онъ былъ только тварію или одною изъ тварей. Но когда они приписаны одному и тому же лицу Спасителя, то и должны приниматься въ различномъ значеніи и выражать совершенно различныя свойства Его. Именно: «название *Единороднаго* собственно принадлежитъ Ему, какъ *Слову Божію* (Премудрости и Сыну), потому что нѣтъ инаго Слова и ивой премудрости, но Онъ есть единственный и истинный *Сынъ Бога-Отца*»; а *первороднымъ* называется Онъ не по отношенію къ Отцу своему, ибо не сказано: *перворожденъ Бога*,—и не по отношенію къ Себѣ самому (*ὄντε δι'ἑαυτὸν*) или своему происхожденію—ибо не сказано просто: *тварь Божія*, а *перворожденъ всея твари* ⁽²⁹⁾, но потому что «бу-

(28) Ог. II. с. 63. Полное изложеніе сего отдѣла in Ог. II. contr. Аг. с. 61. 62. 63 и 64.

(29) Впрочемъ у св. Аѳанасія встрѣчаются различныя толко-

дучи въ началѣ у Бога и Богомъ, Онъ по особенной любви къ роду человѣческому, Самъ наконецъ явился человѣкомъ, принявши плоть нашу, а чрезъ Себя содѣлалъ и насъ—существо сотворенныхъ—сынами Божиими (благодатными), свободивши отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ, и такимъ образомъ какъ бы приобрѣлъ Себѣ многихъ братьевъ (*διά τὴν τῶν πολλῶν ἀδελφοποίησιν*)).

г) Наконецъ словами Самаго І. Христа: *вся мнѣ предана суть Отцемъ моимъ* (Mat. XI, 27) Аріане надѣялись подтвердить свою нелѣпную мысль объ отношеніи Его къ міру, какъ твари творящей и промышляющей о другихъ. «Но сими-то словами, говоритъ св. Аѳанасій, наиболѣе и изобличается невѣжество нечестивыхъ». Изъ нихъ слѣдуетъ совершенно противное тому, что еретики выводятъ въ свою пользу: ибо во-первыхъ «если *все* предано Ему, то Онъ долженъ быть отличенъ отъ всего, полученнаго Имъ», т. е. не есть существо сотворенное; во вторыхъ, мы спросимъ ихъ: когда все предано Отцемъ Сыну, при

ванія этого текста: такъ in *Exposit. fid.* с. 3. Онъ говоритъ: «называя Сына Божія *перворожденнымъ*, Апостоль ясно выразилъ, что Сынъ не созданъ, но рожденъ отъ Отца». Въ *Ог. III*, с. 9. говорится: «*перворожденъ* *всѣя твари*, т. е. Творецъ всего». Такое различіе толкованій объясняютъ неопредѣленностію слова *перворожденъ* (*πρωτότοκος*). *Generatio vel τόκος in nomine πρωτότοκος*, говоритъ *D. Petavius* (de *Trinit. L. II. c. IV. § 4*), *utrisque, Verbo et creaturis, accommodatur, ut tamen in ambobus ejusdem vocabuli significatio diversa sit.* *Schubert* (*Inst. Theol. polem. T. 1. p. II. p. 71*) замѣчаетъ, что оно можетъ имѣть два смысла смотря по произношенію: *πρωτότοκος* значитъ *перворожденный*, а *πρωτοτόκος*—*первородилцій*.

сотвореніи или послѣ сотворенія? «Если скажутъ, что міръ преданъ Господу при самомъ сотвореніи, то мы отвѣтствуемъ, что въ такомъ случаѣ не было нужды и предавать Ему міръ, ибо *вся тѣмъ быша, и всяческая о Немъ состоятся*; значить, излишне было бы предавать во власть Господу то, чего Онъ Самъ Виновникъ, и чего, при самомъ сотвореніи, былъ уже Владыкою.» Если по сотвореніи, то «мы подвергаемъ опасности согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, кои баснословятъ, будто Отецъ, предавши все Сыну, Самъ оставилъ попеченіе о мірѣ,» что противорѣчитъ и здравому понятію о Богѣ и словамъ Спасителя: *Отецъ мой досель дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17). Нѣтъ, продолжаетъ Святитель, слова тѣ указываютъ не на владычество Господа надъ природою или господство Его надъ вещами сотворенными, которое Ему — какъ Богу—всегда принадлежало, но на домостройство искупленія и спасенія нашего, совершенное Имъ во плоти человѣческой, какъ научаютъ насъ и слѣдующія за тѣмъ слова Спасителя: *приидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (ст. 28). «Въ такомъ-то смыслѣ должно понимать изреченіе: *вся предана мнѣ*, если подъ симъ хочешь разумѣть, что Ему предано было то, чего Онъ не имѣлъ. Дѣйствительно, прежде Онъ не былъ человѣкомъ, но содѣлался имъ для того, дабы спасти человека. Въ началѣ Слово не было плотію, но потомъ стало плотію ⁽³⁰⁾».

(30) См. толкованіе на слова: *вся мнѣ предана суть Отцѣмъ*

Б.

Такимъ образомъ мнимыя опоры аріанскаго ученія о Сынѣ Божіемъ совершенно пали предъ великимъ Святителемъ. Всѣ доказательства, приводимыя еретиками, оказались ничтожными ; всѣ усилія поддержать себя-тщетными ; всѣ хитрые и двусмысленные извороты рѣчи обнажены отъ своей обманчивой наружности и, явившись во всей наготѣ своей, обличили нелѣпность главной мысли аріанства и коварное невѣжество его изобрѣтателей! Послѣ сего можно было бы коротко и прямо отвѣчать на *вторую часть* даннаго вопроса, что Господь нашъ І. Христосъ есть истинный Богъ: ибо, между Богомъ и тварями нѣтъ и быть не можетъ ничего средняго ; если-же І. Христосъ не есть тварь, то Онъ долженъ быть Богъ, Богъ точно также истинный, какъ и Богъ-Отець. Такъ требуетъ здравое разсужденіе; такъ думалъ и св. Аѳанасій: но не такъ думали Аріане: «вмѣсто того, говоритъ св. Отець, чтобы спрашивать, для чего І. Христосъ, бу-

моимъ и Ог. III, с. 35—40. Аріане ссылались и на другія мѣста, гдѣ употреблено слово *ποίησ, γίνωμαи* и т. п. (Дѣян. 2, 36. Евр. 1, 4), или гдѣ І. Христосъ какъ бы сравнивается съ людьми (Иоан. 1, 12. Рим. 8, 29), также на примѣръ Моисея, ветхозавѣтнаго посредника между Богомъ и людьми (Ог. II, с. 27): но мы оставляемъ все это безъ особеннаго разбора частью потому, что во времена св. Аѳанасія Аріане не слишкомъ настаивали на сихъ доказательствахъ, частью и болѣе потому, что въ объясненіяхъ св. Отца (in Ог. II, с. 11—14. Ог. I, с. 53—64. Ог. II, с. 59—63. Ог. II, с. 27) не представляется никакихъ новыхъ и важныхъ въ догматическомъ отношеніи мыслей.

лучи Богомъ, содѣлался человѣкомъ, они спрашиваютъ, почему Онъ, будучи человѣкомъ (тварію...), сдѣлался Богомъ, точь-въ-точь какъ Фарисеи, которые не смотря на яснѣйшія доказательства Божественности Спасителя, въ упорствѣ своемъ спрашивали: какъ ты человекъ сый, твориши себе Бога (Іоан. 10, 33)³¹⁾». Последователи Арія, не имѣя возможности удержаться при своей нечестивой мысли, будто І. Христосъ есть просто твореніе Божіе, старались всячески избѣгнуть и противоположной мысли, что Онъ есть истинный Богъ, употребляли всѣ возможные мѣры—объяснить, въ чемъ именно состоитъ Божество І. Христа и какъ Оно относится къ Божеству Бога—Отца, дѣлали съ своей стороны все, чтобы только не сдѣлать одного—не признать православнаго ученія о единосущіи Сына Божія съ Богомъ—Отцемъ. Посему св. Аѳанасій, въ борьбѣ съ этими врагами православія, положилъ для себя задачу—доказать, что Спаситель нашъ І. Христосъ не только не есть существо сотворенное въ какомъ бы то ни было смыслѣ, но есть истинный Богъ, Богъ въ томъ единственномъ смыслѣ, въ какомъ называется Богомъ и Самъ Отецъ, есть *единосущенъ* (*ὁμο-*

³¹⁾ De decret. Nic. Synod. c. 1. Плодомъ аріанскихъ усилій—объяснить свойство Божественной природы І. Христа и склониться отъ исповѣданія Никейскаго, были всѣ тѣ выраженія, которыя они съ безразсуднымъ непостоянствомъ употребляли о Сынѣ Божіемъ въ своихъ многочисленныхъ символахъ, какъ то: *ὁμοιος τῷ Πατρὶ, κατὰ πάντα ὁμοιος κατ' οὐσίαν, ὁμοιοῦσιος* и т. п. V. Sabassut. Synops. Concilior. 1838. Т. 1. р. 213 и д. Подробное раскрытіе этого принадлежитъ исторіи и будетъ во второй части сего сочиненія.

ὄσιος) Богу-Отцу. Аріане являются здѣсь только какъ бы разбитыми и уже отступающими врагами, но такими, которые при самомъ отступленіи своемъ стараются вредить торжествующему побѣдителю всѣми зависящими отъ нихъ средствами (посредствомъ возраженій). Тѣмъ свободнѣе дѣйствуетъ противъ нихъ ревностный защитникъ истины; опровергнувъ положительное ученіе Аріанъ объ І. Христѣ, направленное противъ ученія Церкви, Онъ становится теперь учителемъ, неистощимымъ въ доказательствахъ истинности православнаго догмата. Впрочемъ, сколь ни многочисленны и разнообразны доказательства единосущія Сына Божія съ Богомъ-Отцемъ, приводимыя св. Аѳанасіемъ, всѣ онѣ по свойству своему могутъ быть раздѣлены на три главныя вида: 1) доказательства, состоящія изъ умственныхъ соображеній; 2) основанныя на Св. Писаніи, и 3) заимствованныя изъ сущности всей Христіанской вѣры.

1) «Богъ, говорили Аріане, не всегда былъ Отцемъ, но сдѣлался Отцемъ въ послѣдствіи. Сынъ Его не всегда существовалъ; ибо сталъ существовать послѣ того, какъ рожденъ ⁽³²⁾».—Такія положенія еретиковъ, прямо противоположныя православному ученію о единосущіи Сына Божія съ Богомъ-Отцемъ,

(32) ... Οὐκ ἔστι ὁ Θεὸς πατὴρ ἦν, ἀλλ' ὕστερον γέγονεν κ. τ. λ. Or. 1, с. 9. De decr. Nic. Syn. с. 6. Ep. ad episc. Aeg. et Lib. с. 12. Опроверженія можно читать in Or. 1. cont. Ar. с. 11. 14—16. 19. 20. 24—29. Or. II. с. 2. 3. 26. 34—36. 48. Or. III. с. 6. 9 и 66. De decr. Nic. Syn. с. 10—13. 16 и 17.

очевидно проистекали изъ неправильныхъ понятій о личныхъ свойствахъ двухъ Упостасей Божества, именно объ Отчествѣ, приписываемомъ первому лицу Св. Троицы, о Сыновствѣ, принадлежащемъ второму, и взаимномъ отношеніи ихъ другъ къ другу, которое означается однимъ словомъ: рожденіе. Посему діалектическія доказательства единосущія Сына Божія съ Отцемъ у св. Аѳанасія основываются на раскрытіи понятій: *Отца, Сына и рожденія*, свойственнаго природѣ Божественной.

Свойство, извѣстное подъ именемъ *отчества*, будучи приписываемо какому-либо существу, по мнѣнію св. Аѳанасія, выражаетъ не то, будто это существо имѣетъ лишь *возможность*—произвести что-нибудь отъ себя или чрезъ себя, но съ понятіемъ отчества всегда соединяется строго-относительное или соотвѣтствующее отчеству понятіе сыновства; съ именемъ отца необходимо соединяется мысль о *дѣйствительномъ* бытіи сына, происшедшаго отъ извѣстнаго существа. «Художникъ, говоритъ Онъ, можетъ быть названъ художникомъ и тогда, когда еще не явились его произведенія; но отцемъ никто не можетъ быть и называться, если у него еще нѣтъ сына». Быть отцемъ значить не имѣть только возможность рождать;—иначе всякой изъ людей могъ бы называться отцемъ,—но значить—уже на самомъ дѣлѣ имѣть у себя сына, такъ что если кому-либо приписывается наименованіе отца, то симъ выражается дѣйствительное бытіе сына: «называющій отца указываетъ вмѣстѣ (ἐνθὺς) на бытіе сына—(на существующаго сына)».—И притомъ, что злѣсь особен-

но важно, отчествомъ называется не внѣшнее дѣйствіе извѣстнаго существа, произволящаго что-нибудь не относящееся къ самой природѣ существа (какова напр. дѣятельность художника), но-особенное свойство, тѣсно связанное съ природою отца, характеризующее его, какъ отца, такъ что выраженіе *быть отцемъ* равносильно выраженію: *имѣть рожденнаго изъ своей природы* ³⁵⁾: «какъ свѣтъ не будетъ свѣтомъ, если въ немъ нѣтъ сіянія, какъ источникъ не есть источникъ, если онъ безъ потоковъ воды: такъ и отецъ не можетъ быть отцемъ, если у него нѣтъ рожденнаго изъ его природы». Переносъ эти понятія объ отчествѣ къ Существу высочайшему и разумѣя ихъ богоприлично (*θεοπρεπῶς*), мы должны будемъ, говорить св. Аѳанасій, сдѣлать такое заключеніе: у Бога Отца всегда былъ и есть Сынъ и не иной какой-либо, но именно единосущный Ему. Ибо, если быть отцемъ значить дѣйствительно имѣть сына, то у Отца, по природѣ своей вѣчнаго и неизмѣняемаго, не можетъ быть и Сына не - вѣчнаго. «Если скажемъ, что рожденное (*γέννημα*) отъ Отца-Бога вѣчно, то справедливо ска-

(35) Это свойство обыкновенно называютъ техническимъ терминомъ *σχετικὸς* и отличаютъ какъ отъ свойствъ самой природы существа, такъ и отъ свойствъ внѣшней его дѣятельности: *Patris vox relativa est et σχετικῆ*, quae respondentem sibi ex adverso filium, ad quem referatur, non nasciturum, sed jam natum et existentem requirit. D. Petav. de Trinit. L. V. c. IV. § 6. *Ὅτι οὐσίας ὄνομα ὁ πατήρ, ὅτι ἐνεργείας· σχέσεως δὲ καὶ τοῦ πῶς ἔχει πρὸς τὸν υἱὸν ὁ πατήρ, ἢ ὁ υἱὸς πρὸς τὸν πατέρα.* Greg. Naz. Or. 25. (D. Petav. de Trinit. L. II. c. V. § 11).

жемъ. Ибо природа Отца (Бога) не была когда-либо несовершенною, такъ чтобы къ Ней послѣ привзошло то, что Ей свойственно (*τὸ ἴδιον αὐτῆς...*). Людямъ свойственно раждать во времени по несовершенству ихъ природы, но роженіе Божіе вѣчно, потому что природа Божественная всегда въ высочайшей степени совершенна». Если быть отцемъ значитъ имѣть рожденнаго изъ своей природы или сущности, то у Бога-Отца, вѣчнаго по Существому Своему, вѣчно былъ и есть Сынъ, происходящій изъ собственной природы Его или, что тоже, Ему *единосущный*: «Поелику Отецъ (Богъ) всегда существуетъ, то у Него всегда должно быть то, что свойственно Его природѣ (*τὸ ἴδιον τῆς οὐσίας*), т. е. Слово и Премудрость Его. Твари, хотя бы онѣ и не существовали, нисколько не уменьшили бы (*ἐλάττωσι*) Творца-своего, потому Онъ могъ и можетъ сотворить ихъ, когда хочетъ; а представить роженіе (*γεννημα*) не совѣчнымъ Отцу нельзя безъ ущербъ для совершенства природы самаго Отца. Посему твари произведены словомъ Божіимъ тогда, когда Онъ восхотѣлъ того, а Сынъ всегда есть собственное порожденіе существа Отчаго».

Къ тому же заключенію неизбежно и еще скорѣе придемъ мы, когда вникнемъ въ подлинный смыслъ понятія о Сынѣ или *Сыновствѣ*, приписываемомъ второму лицу Св. Троицы. Ибо что такое сынъ, по обыкновенному значенію сего слова? «Сынъ, говоритъ св. Аѳанасій, есть не что иное, какъ то, что рождается отъ отца,» или лучше сказать, изъ сущности отца: «ибо кто, слыша названіе сына, въ тоже время не ра-

зумѣть чего-то *собственнаго существу отца* (τὸ ἴδιον τῆς τοῦ πατρὸς οὐσίας)? Сынъ тѣмъ и отличается отъ всякой другой собственности отца, что онъ носитъ въ себѣ природу того, отъ котораго онъ получилъ начало своего бытія; а всѣ прочія вещи, которыя не называются именемъ сыновъ, чужды природѣ отца: «что находится внѣ меня и чуждо мнѣ, τὸ ἐστὶν μου οὐκ ἐστὶν μου, то есть моя собственность или мое твореніе (напр. домъ или другая вещь) и отъ меня можетъ перейти къ другому; а сынъ отъ меня (ἐξ ἐμοῦ) происходитъ, есть собственное и точное подобіе моего существа, не чуждое мнѣ произведеніе, но мое порожденіе: я весь въ немъ, самъ оставаясь впрочемъ тѣмъ же, чѣмъ и былъ». Соединяя тѣснѣйшимъ образомъ сына съ отцемъ, единство природы опредѣляетъ и личность самаго сына, какъ сына: ибо сынъ можетъ называться и дѣйствительно быть сыномъ только въ такомъ случаѣ, если онъ *одной природы или одного существа съ отцемъ своимъ*: «сынъ таковъ, каковъ отецъ, отъ котораго онъ естественно родился (οὗ καὶ ἐστὶ τῆς οὐσίας ἴδιον γέννημα). Это собственность (ἴδιον) сына по отношенію къ отцу, по которой и отецъ называется собственнымъ его отцемъ: иначе почему онъ и сынъ, если не изъ него (ἐξ αὐτοῦ т. е. отъ отца или изъ сущности отца имѣетъ начало своего бытія)»? Если же такія положенія, продолжаетъ Святитель, имѣютъ полную силу и совершенно справедливы въ приложеніи къ обыкновеннымъ, смертнымъ и тѣлеснымъ отцамъ и сыновьямъ, не смотря на то, что здѣсь отецъ всегда существуетъ прежде своего сына, сынъ есть нѣкоторымъ образомъ часть

своего отца, и тотъ и другой существуютъ внѣ другъ друга и отдѣльно одинъ отъ другаго (ибо природа человѣческая, смертная, матеріальная и сложная, ограничена пространствомъ и временемъ): то они дѣлаются еще необходимѣе и точнѣе въ отношеніи къ Богу-Отцу и Его Сыну. «Пусть они (Аріане) скажутъ, что пренятствуетъ Богу быть всецѣло (*ὁλως*) Отцемъ Своему Сыну, когда доказано, что раждаемое—Сынъ—раждается изъ Отца—изъ сущности Отца? Напротивъ, если такимъ родителямъ (т. е. смертнымъ) свойственно быть естественными (*φύσει*) родителями дѣтей своихъ, то не ужели Богъ менѣе существъ сотворенныхъ?» Это значитъ, что между Богомъ Отцемъ и Сыномъ Божіимъ гораздо болѣе соотношенія, нежели между обыкновенными отцами и сынами, и слѣдов. допустивши бытіе Сына Божія, Сына въ подлинномъ смыслѣ сего слова, мы должны допустить и Его единосуціе съ Богомъ Отцемъ гораздо болѣе и неизбѣжнѣе, нежели единство природы въ смертныхъ дѣтяхъ и родителяхъ. Ибо что есть Сынъ Божій? «Сынъ есть не что иное, какъ то, что раждается отъ Отца, а раждаемое отъ Отца (Бога) есть Его Слово, Премудрость и Сіяніе». Изъ понятій о Словѣ и Премудрости, которыя у св Аѳанасія однозначительны съ понятіемъ *Сына*, Онъ извлекаетъ частнѣйшія доказательства той мысли, что въ Богѣ-Отцѣ и Сынѣ надобно допустить единосуціе предпочтительнѣе предъ земными родителями и дѣтьми. — Сынъ Божій естя *Слово Божіе* (*λόγος*): слово вообще всегда указываетъ на своего виновника — *говорящаго*, должно выражать то, что находится внутри его и какъ на-

строена самая природа его : таково же отношеніе и Слова Божія къ Богу-Отцу : но какъ *Слово Божіе* , а не человѣческое , оно не можетъ быть выраженіемъ Существа Божія несовершеннымъ , неполнымъ , отрывочнымъ и скоропреходящимъ , потому что все , относящееся къ существу Божію , должно быть и есть такъ же совершенно и выше человѣческаго , какъ и самая природа Божеская . Равнымъ образомъ и *Премудрость Божія* не можетъ имѣть въ себѣ тѣхъ недостатковъ , какіе принадлежатъ премудрости человѣческой , приобрѣтаемой извнѣ , ограниченной , неполной , но по свойству *премудрости* вообще—выражая собою премудраго , она должна выражать Премудраго Бога въ высочайшей степени совершенства , иначе сказать , должна быть по *существу* своему *такою же , каковъ Самъ Богъ Отецъ* . Все это мудрый учитель совокупляетъ въ слѣдующемъ замѣчательномъ отрывкѣ : « Слово Божіе не есть одинъ простой звукъ , разсѣвающійся въ воздухъ , и одинъ простой знакъ (мысли) , но существенное (*ὀσιώδης*) Слово , существенная (*ὀσιώδης*) премудрость , истинный Сынъ Божій... Богъ—не человѣкъ : посему и Слово Его не подобно слабому слову человѣческому... но какъ изъ Бога—Богъ , изъ Премудраго—Премудрость , изъ глаголющаго—Слово , изъ Отца—Сынъ : такъ (долженъ быть или рождаться) изъ самобытнаго—самобытный , изъ сущности—существенный и присный , изъ сущаго—сущій » ⁽³⁴⁾ . Доказывая далѣе

⁽³⁴⁾ Последнія слова отрывка , прекрасно выраженныя въ подлинникѣ , не совсѣмъ удобны для перевода ; вотъ они : *ὡς ἐκ Θεοῦ*

нѣкоторыми выводами *ad absurdum*, почему въ Богѣ, Существо простишемъ по своей природѣ, Слово, Премудрость или, что тоже, Сынъ не могутъ существовать какъ свойства Его существа (какъ *accidentia ad substantiam*), или имѣть бытіе отдѣльное отъ Его сущности (какъ бы въ Богѣ были *duo principia*), св. Отецъ заключаетъ свое разсужденіе такъ: «посему надобно исповѣдать, что Сынъ Божій есть собственное порожденіе самаго Бога-Отца (*γεννημα κυριως ἐξ αὐτοῦ τοῦ Πατρὸς*), по подобію свѣта отъ свѣта. Ибо какъ свѣтъ происходитъ изъ огня, такъ Слово изъ Бога, Премудрость изъ Премудраго, Сынъ изъ Отца».

Такимъ образомъ понятіе объ Отцѣ даетъ разумѣть, что у Бога-Отца есть рожденный изъ Его существа, а понятіе о Сынѣ внушаетъ, что этотъ рожденный изъ сущности Бога-Отца и есть не кто иной, какъ Сынъ Его, Слово и Премудрость. Происходящее отсюда взаимное отношеніе между Отцемъ и Сыномъ обозначается не какъ вѣдучь произвольно, но извѣстнымъ опредѣленнымъ терминомъ—*рожденіемъ* (*γεννησις*). Нельзя избѣжать сего термина или замѣнить его другимъ,

Θεός ἐστι, καὶ ἐκ σοφῆς σοφία, καὶ ἐκ λογικῆ λόγος, καὶ ἐκ Πατρὸς Ἰδιός· οὗτος ἐξ ὑπόστασεως ὑπόστατος, καὶ ἐξ οὐσίας οὐσιώδης καὶ ἐνούσιος, καὶ ἐξ οὗτος ὦν.
Ἐπόστατος мы перевели словомъ *самобытный* потому что, по смыслу рѣчи, здѣсь указывается на существо, а не на лице. Надобно замѣтить, что *ὑπόστασις* у св. Афанасія вѣрѣдко поставляется вмѣсто *οὐσία* напр. *От. III. с. 65. От. I. 20. De Synod. с. 41*, вообще въ сочиненіяхъ, написанныхъ имъ до 362 года, когда онъ же, по требованію обстоятельствъ, далъ опредѣленное значеніе симъ словамъ, то самое, какое удерживаютъ онѣ до нынѣ. См. 2-ю часть сего сочиненія.

если мы хотимъ быть точными въ выраженіи, если хотимъ называть отношеніе двухъ лицъ именемъ, наиболѣе соответствующимъ свойствамъ самихъ лицъ — Отца и Сына. «Никто, говоритъ св. Аѳанасій, творенія не называетъ рожденіемъ, и рожденія твореніемъ»⁽⁵⁸⁾. Отецъ раждаетъ Сына, Сынъ раждается отъ Отца—вотъ самое точное и правильное выраженіе взаимнаго отношенія ихъ между собою! Чтоже значитъ *раждать* и что значитъ *раждаться*? Устранивъ всѣ случайныя принадлежности рожденія, свойственныя существамъ сотвореннымъ, самую сущность дѣла, то, почему рожденіе есть именно рожденіе, а не что-нибудь другое, и почему оно употребляется для выраженія взаимнаго отношенія и лицъ Божественныхъ, по мнѣнію св. Отца, можно опредѣлить такъ: «раждать значитъ дѣлать кого-либо причастникомъ себя самага; раждаться значитъ получать или имѣть причастіе въ комъ-либо (*ταυτόν ἐσι μετέχεσθαι καὶ γεννᾶν... τὸ δὲ ὅλως μετέχεσθαι τὸν Θεὸν ἴσον ἐσι λέγειν ὅτι καὶ γεννᾶ. Τὸ δὲ γεννᾶν τι σημαίνει ἢ Ὑἱον κ. τ. λ.*)». Богъ-Отецъ раждаетъ, слѣдов. есть Существо, которое причастно Ему; Сынъ раждается отъ Него, слѣдов. Онъ причастенъ Богу-Отцу. Такое причастіе одного Божескаго лица въ отношеніи къ дру-

(58) Ὁμοθεῖς ἀπερ κτίζει λέγει γεννᾶν, οὐδὲ τὰ ἴδια γεννήματα καλεῖ κτίσματα и Or. II. с. 47. τὸ μὲν ἔκτισε τῷ γεννήματι ἐναντίονъ еще Or. II. с. 56. 59. 60. Разграниченіе понятій κτίζειν и γεννᾶν, всегда необходимое для точности при раскрытіи и объясненіи догмата, особенно важно было для св. Аѳанасія по отношенію къ Аріанамъ, которые злонамѣренно или по невѣжеству принимали эти слова за синонимическія. Ясно указаніе на это in Or. II. с. 20 и 58.

тому можетъ быть дѣйствительнымъ и полнымъ не иначе, какъ если оно состоитъ во взаимномъ причастиі, совершенномъ подобіи или тождествѣ самыхъ природъ ихъ, однимъ словомъ, если Богъ-Отецъ и Сынъ Божій *единосущны* другъ другу. Ибо представьте, продолжаетъ Святитель, что Сынъ причастенъ Богу не самою природою своею, а какъ-нибудь иначе (еретики изобрѣтательны), то выйдетъ, во-первыхъ, что Сынъ причастенъ не самому Богу, но чему-то постороннему, воображаемому внѣ природы Божественной: «если же это постороннее нѣчто чуждо природѣ Отца (*ἕξωθεν ἐστὶ ἐπινοηθέν παρὰ τοῦ Πατρὸς*), то Сынъ причастенъ уже не Отцу, а тому, что внѣ Отца и посему находится не непосредственно при Отцѣ, но между имъ и Отцемъ есть нѣчто третіе; слѣдов. Онъ и не Сынъ Отца въ собственномъ смыслѣ, а Сынъ того третьяго, чему Онъ причастенъ»; во-вторыхъ выйдетъ, что у Отца нѣтъ никого, кто былъ бы причастенъ Ему самому, иначе сказать (поелику дѣлать кого-либо участникомъ себя и раждать—одно и тоже) выйдетъ, что Богъ-Отецъ никого не раждаетъ, не есть и Отецъ въ собственномъ смыслѣ сего слова: «если Онъ (Богъ-Сынъ) не есть Сынъ въ точномъ смыслѣ слова, то пусть назовутъ Его твореніемъ и припишутъ Ему все, обыкновенно приписываемое тварямъ; пусть не называютъ Его одного Сыномъ, Словомъ и Премудростію. Также, пусть и самага Бога не называютъ Отцемъ (въ собственномъ смыслѣ), но только лишь Зиждителемъ сотвореннаго Имъ. Такъ-то для нихъ (Аріанъ) Сынъ Божій есть простая тварь, образъ и подобіе одной

творческой воли Божіей, и самъ Богъ вовсе не имѣетъ природы раждающей (*γεννητικῆς*); потому что Сынъ, по ихъ мнѣнію, не есть истинное Слово, Премудрость и Образъ собственнаго существа Божія (*ιδίας οὐσίας αὐτοῦ*)!»

Всѣ эти соображенія, сколько глубокомысленныя, столько же и неоспоримыя, у св. Аванасія направлены противъ разныхъ возраженій Аріанскихъ, съ большою хитростію на основаніи ложной діалектики составленныхъ ими для того, чтобы низвратить православный догматъ о вѣчномъ рожденіи и единосущіи Сына Божія съ Богомъ—Отцемъ, и косвеннымъ образомъ подкрѣпить свою мечту о твари, не подобной другимъ тварямъ, о созданіи не похожемъ на созданія и пр. Возраженія основывались также на понятіяхъ объ *Отцѣ, Сынѣ и рожденіи*. Главный и общій недостатокъ ихъ тотъ, что съ словами Отецъ, Сынъ и рожденіе, еретики соединяли такія представленія, которыя хотя дѣйствительно идутъ къ нимъ по обыкновенному употребленію языка и въ приложеніи къ вещамъ и лицамъ конечнымъ, но по отношенію къ существу высочайшему—Богу должны быть устранены. Посему великій учитель нашъ въ своихъ опроверженіяхъ неоднократно замѣчаетъ, что «Богъ, существуя не такъ, какъ мы, творя не такъ, какъ мы, и раждаетъ не такъ какъ люди, но какъ Богъ», что «рожденія Сына Божія отъ Бога Отца нельзя измѣрять природою человѣческою», или лучше сказать, его не можетъ постигнуть никакой разумъ человѣческій, потому что «рожденіе Божіе превышаетъ предѣлы самаго разума человѣческаго». Распутывая хитросплетенія частныхъ

возраженій⁽³⁶⁾, онъ разительнымъ образомъ показываетъ, къ какимъ странностямъ ведутъ Аріанъ ихъ матеріальныя представленія о Богѣ, и какъ напротивъ православное ученіе, при всей непостижимости своей, приводитъ въ самую стройную связь наши понятія о Богѣ-Отцѣ, Сынѣ и взаимномъ ихъ отношеніи между собою.

Представляя вѣчное, естественное и существенное рожденіе Сына чѣмъ-то вышнимъ для *Бого-Отца*, Аріане спрашивали православныхъ, когда же оно было: «тогда ли Богъ родилъ Сына, когда сей послѣдній существовалъ, или тогда, когда Онъ еще не существовалъ»? Св. Аѳанасій, замѣчая, что этотъ вопросъ скрываетъ подъ собою мысль, будто Богъ не всегда былъ Отцемъ, но сталъ имъ въ послѣдствіи, и желая прямо разсѣчь запутанный узелъ, спрашиваетъ ихъ съ своей стороны: Богъ существовалъ прежде, нежели сталъ существовать, или не существовалъ?—послѣдній вопросъ, говорить, такъ же нелѣпъ и нечестивъ, какъ и первый; потому что въ Богѣ нѣтъ ничего предшествовавшаго и послѣдующаго. Богъ вѣченъ по существу Своему, и потому все, что относится къ существу Его, такъ же вѣчно, какъ и Онъ самъ: «поелику Отецъ вѣчно существуетъ, то вѣчно и Его сіяніе, или, что то же, Слово Его. Богъ есть *Сый*, посему и рожденный отъ Него есть также *Сый*». — «И такъ, продолжали

(36) Св. Отецъ занимается ими in Or. 1. cont. Ar. c. 9. 11—16. 21. 22. 24. 25. 28. 30. 31. 33. 34. Or. III. c. 16. 59. 62. 63. 65—67. Or. IV. c. 9. De decret. Nic. Syn. c. 10—12. 30 et 31.

Ариане, два существа вѣчныхъ (*ἀγένητα*) или одно? Мы думаемъ, что, если одинъ Отецъ называется *ἀγένητος* (*ἀγένητος?*..), то Сынъ по необходимости долженъ быть *γένητος*». Прилагательное *ἀγένητος* (несотворенный),—имя неопределенное, заключающее въ себѣ много разныхъ смысловъ и заимствованное отъ языческихъ философовъ, говоритъ Святитель, — иногда употребляется о Богѣ по отношенію Его къ тварямъ, т. е. когда хотятъ сказать, что Онъ одинъ имѣетъ основаніе своего бытія въ самомъ Себѣ, а всѣ твари получили бытіе отъ Него, Имъ сотворены и сохраняются. Но къ Сыну Божию такая противоположность понятій *ἀγένητος* и *γένητος* не имѣетъ никакого отношенія: «слово *ἀγένητος*—несотворенный—указываетъ не на Сына, но на существа сотворенныя чрезъ Сына». Посему-то, когда благочестивые и правдолюбивые Христіане хотятъ говорить объ отношеніи Бога къ Сыну, то предпочтительнѣе употребляютъ имя *Отца*; и тѣмъ не только не утверждаютъ, будто есть два отдѣльныя вѣчныя существа или два Бога, ибо «нарицающій Отца, въ Немъ же вмѣстѣ называетъ и Сына... такъ какъ именемъ Отца указывается на извѣстное собственное порожденіе существа Отчаго»,—но еще нѣкоторымъ образомъ отличаютъ и Сына отъ всѣхъ существъ сотворенныхъ: ибо «сколько Слово (Сынъ) отлично отъ тварей, столько же и еще болѣе не одно и то же—называть Бога Отцемъ или называть Его—несотвореннымъ (*ἀγένητον*)»⁽³⁷⁾.

(37) Въ указанныхъ сочиненіяхъ (De decr. Nic. Syn. с. 28—32. От. I. с. 30—34) св. Аѳанасій подробно объясняетъ, какъ много на-

Пусть такъ , говорили Аріане; но и слова Отецъ и Сынъ , родившій и рожденный , не одно и тоже: «если Отецъ родилъ Сына , то *рожденный* долженъ имѣть начало своего бытія и слѣдов. было нѣкогда, когда Его не было (*ἦν ποτε , ὅτε οὐκ ἦν . . . οὐκ ἦν υἱός, πρὶν γεννηθῆ...*)». Прежде, нежели дѣлать такія заключенія о Сынѣ Божіемъ , отвѣчаетъ св. Аѳанасій , надобно было бы узнать природу Лица, о которомъ идетъ рѣчь. Сынъ, Лице Божественное, Слово и Премудрость Бога-Отца, сотворившій міръ и самое время , которое не можетъ быть безъ міра и прежде міра , никакъ не можетъ зависѣть отъ условій времени, Онъ выше времени , Онъ вѣченъ : «говорить объ Немъ, будто было время, когда Его не было, значитъ безумно утверждать, что было время, когда не было Вѣчнаго, или что Сынъ произошелъ изъ ничего». Правда, употребляемая Аріанами выраженія , *οὐκ ἦν, πρὶν, ὅτε* , встрѣчаются и

дѣялись Аріане на силу этого возраженія, какіе смыслы можно давать слову *ἀγεννητος*, и сильно упрекаетъ своихъ противниковъ въ злонамѣренномъ обманѣ при употребленіи сего слова вмѣсто *πατήρ*. Упреки, кажется, мѣтятъ на то, что Аріане часто злоупотребляли въ свою пользу однозвучными словами *γέννητος* и *γεννητος* (Theodoret. Hist. Eccl. L. I. c. 6). Первое значитъ *рожденный* и употреблялось православными учителями о Сынѣ Божіемъ, равно какъ и *ἀγεννητος* (нерожденный) о Богѣ-Отцѣ (Ath. Exposit. fid. c. 1. De Syn. c. 46). Последнее значитъ *сотворенный*, и никогда не прилагалось Христіанами ни къ Отцу, ни къ Сыну, хотя отрицательное *ἀγεννητος*, какъ говоритъ св. Аѳанасій, можетъ быть употребляемо о Богѣ въ извѣстномъ *благочестивомъ* смыслѣ. Св. Отцы дѣлали между сими словами строгое различіе V. D. Petav. de Trinit. L. V. c. I. II и III.

въ Св. Писаніи (Быт. 2, 5. Псал. 89. 1. Притч. 8, 23. Иоан. 14, 18 и др.), но лишь въ отношеніи къ вещамъ сотвореннымъ, конечнымъ, временнымъ, а о Сынѣ Божіемъ можно сказать только *τὸ ἀγίον*, именно потому, что Онъ есть Сынъ Бога-Отца: «Онъ родился не какъ человѣкъ отъ человѣка, т. е. не началъ существовать послѣ своего Отца, но Онъ есть порожденіе (*γεννημα*) Божіе, и посему, какъ естественный Сынъ вѣчнаго Отца, и Самъ вѣченъ».—Но если, возражали Аріане, оба они — Отецъ и Сынъ — равно вѣчны, то Сына надобно было бы назвать не сыномъ, а скорѣе братомъ Отца? Этотъ софизмъ, замѣчаетъ Святитель, имѣлъ бы нѣкоторый видъ правдоподобія, если бы мы разсуждали о двухъ существахъ, живущихъ вмѣстѣ и не имѣющихъ между собою никакого отношенія. Но мы исповѣдуемъ вѣчнымъ—Сына,—рожденнаго отъ вѣчнаго Отца; какъ же рожденный можетъ быть названъ братомъ родившаго? Какъ Слово можетъ быть братомъ Того, чье Оно—Слово?.. «Чтобы Отцу и Сыну быть братьями, для сего имъ обоимъ надобно было бы происходить отъ одного начала, прежде ихъ существовавшаго. Но Отецъ самъ есть Начало и Вина Сына (*ἀρχὴ τοῦ Υἱοῦ καὶ γεννήτωρ*); Отецъ есть Отецъ, а не Сынъ чей-либо, и Сынъ есть Сынъ, а не братъ.» Такимъ образомъ, по ученію св. Аѳанасія, Сынъ Божій не имѣетъ начала своего бытія по подобію твари отъ Творца, начала во времени (т. е. не есть *γεννητός*), но имѣетъ Свое Начало или Вину, какъ Сынъ отъ Отца (есть *γεννητός*).

Когда вы допускаете, говорили Аріане православному учителямъ, что Сынъ Божій имѣетъ Свое

начало въ Богѣ - Отцѣ по *рожденію*, то мы спросимъ опять: «какъ Богъ родилъ Его, по волѣ или не по волѣ? но конечно не противъ воли, слѣдов. по волѣ. Стало быть, воля Отца предшествовала рожденію Сына, и значитъ было время, когда Его не было». Хитрая дилемма враговъ православія, очевидно, основывалась на ложной мысли, будто все, совершающееся *не по волю*, бываетъ уже *по неволѣ* или противъ воли, и будто между ними не можетъ быть ничего средняго. Допустить это въ отношеніи къ Богу, говоритъ св. Аѳанасій, все равно—что сказать, будто Богъ милосердъ, благъ и пр. только по волѣ, такъ что Онъ можетъ, если захочетъ, и не быть благимъ и милосердымъ: ибо, никто не можетъ утверждать, что Существо высочайшее по неволѣ или противъ воли есть то, чтò Оно есть, а отъ неволи—прямой переходъ къ волѣ, по ученію аріанскому. Но какъ Богъ не началъ быть благимъ по волѣ и однако благъ не противъ воли — ибо чтò Онъ есть, то не противно Его волѣ (*ὁ γὰρ ἐστὶ τοῦτο καὶ θελήτων ἐστὶν αὐτῷ*),—такъ и Сынъ существуетъ не по волѣ и однако не противъ воли Отца». Т. е. къ *рожденію* нельзя приложить ни одного изъ двухъ выраженій, ни по волѣ, ни противъ воли; эти выраженія могутъ относиться только къ дѣйствіямъ внѣшнимъ, напр. къ творенію, а когда дѣло идетъ о происхожденіи Сына или Отца, то надобно имѣть въ виду нѣчто третіе, чтò не исключаетъ воли, но не подлежитъ и неволѣ, необходимости или принужденію, именно—*природу*. «Аріане, говоритъ св. Отецъ, ухватились за то, что противоположно волѣ, а что больше и выше

ея (*μείζον και ὑπερχείμενον*), того не примѣтили; ибо какъ противоположна волѣ — неволя, такъ выше и прежде воли природа (*τὸ κατὰ φύσιν*). Строить домъ или что нибудь подобное внѣшнее по волѣ, дѣтей раждають по природѣ. И сколько сынъ выше внѣшняго дѣйствія, столько происходящее изъ природы или изъ сущности выше и превосходитѣ зависящаго отъ свободы воли». Слѣдоват. Богъ-Отецъ родилъ и раждаетъ вѣчнаго Сына Своего ни просто по волѣ, ни противъ воли, а дѣйствиємъ высшимъ, совершеннѣйшимъ, внутреннимъ,—по природѣ, по естеству. «Если, какъ мы сказали выше, природа или существо (*οὐσία και ὑπόστασις*) Бога-Отца не по волѣ стала и есть таковою, какова она есть, очевидно слѣдуетъ, что не есть произведение воли и τὸ, что существенно принадлежитъ къ Его природѣ (*τὸ ἴδιον τῆς πατρικῆς ὑποστάσεως*), т. е. естественное порождение или Сынъ Бога-Отца». — Но, продолжали Ариане, признать Сына за существенное порождение Бога-Отца, за Сына естественнаго, значить или допустить раздѣленіе (*μέρος*) и нѣкоторую страстность (*τι πάθος*) въ существѣ Божественномъ, или впасть въ савелміанизмъ. На первое изъ сихъ обвиненій св. Аѳанасій говоритъ: «можетъ быть *значить* по понятію тѣхъ, кои о безтѣлесномъ судятъ такъ же, какъ и о тѣлесномъ, кои отъ слабостей собственной природы заключая къ Существу высочайшему осмѣливаются отвергать свойственное природѣ Отца (*τὸ φύσει και ἴδιον τοῦ Πατρὸς*), кои готовы отвергнуть и Самаго Бога-Отца, потому только, что не понимаютъ, какъ Онъ Богъ и какъ Онъ Отецъ...» Дерзость, которую Ариане позво-

ляли себѣ касательно столь чувственно понятого ими православнаго ученія о рожденіи Сына Божія и Единосущи Его съ Богомъ-Отцемъ, Святитель отклоняетъ тѣмъ, что выставляетъ нелѣпости грубыхъ представленій своихъ противниковъ, «выдумającychъ, по словамъ его, и прилагающихъ къ Богу разныя разности, относящіяся къ плоти и чувственности . . . *τοιὰς, καὶ ἀπορροίας, καὶ ἐπιρροίας . . .*», и, послѣ многихъ подобныхъ симъ выраженій наконецъ замѣчаетъ: «Богъ не челоуѣкъ, и потому не все, что можно сказать о челоуѣкѣ, можно говорить и о Богѣ; Существо Божественное не состоитъ изъ частей, Оно безстрастно и просто (*ἀποσῆς καὶ ἀπλοῦς*, въ высочайшей степени); посему Богъ есть Отецъ Своего Сына безстрастно и нераздѣльно, о чемъ неопровержимо свидѣтельствуешь и св. Писаніе...» Противъ обвиненія въ савелліанизмѣ, которое столь часто обращалось въ устахъ Аріанъ въ спорахъ ихъ съ православными, св. Аѳанасій говоритъ: «Савеллій думалъ, что Отецъ и Сынъ суть не больше, какъ имена одного и того же лица, не признавая такимъ образомъ ни Отца, ни Сына; отвергая Отца, когда называлъ Бога — Сыномъ, отвергая Сына, когда называлъ—Отцемъ... Но мы совсѣмъ не такъ вѣруемъ; напротивъ Они суть два, поколику Сынъ у Отца, и изъ Отца Слово, и суть одно по Божеству, по единству существа (*κατὰ τὸ ὁμοούσιον*): два, какъ Отецъ и Сынъ или Слово (т. е. какъ лица), и одно, какъ единъ Богъ. Посему-то и въ Писаніи сказано: *Азъ и Отецъ едино есма*» (Іоан. 10, 30).

2. Св. Аѳанасій былъ убѣжденъ, что ученіе православной Церкви объ отношеніи Сына Божія къ Богу-Отцу и ученіе св. Писанія объ этомъ предметѣ—одно и тоже. Посему онъ, какъ бы совокупляя все, сказанное въ Св. Писаніи о божественности нашего Спасителя, въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «вотъ что мы извлекаемъ изъ божественныхъ Писаній касательно православной вѣры и поставляемъ, какъ свѣцу на свѣщницѣ: Сынъ Божій есть дѣйствительный, истинный, естественный Сынъ Отца (*ἀληθινὸς φύσει καὶ γνήσιος*) и существенный (*ἴδιος τῆς οὐσίας αὐτοῦ*), едиnorodная Премудрость и истинное и единственное Слово Божіе, не тварь или созданіе, но собственное порожденіе существа Отца; Онъ есть Богъ истинный и единосущный (*ὁμοούσιος*) Богу-Отцу». Правда, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, въ Св. Писаніи нѣтъ тѣхъ выраженій, которыя 318 Отцевъ Никейскаго Собора внесли въ символъ вѣры въ противоположность ученію аріанскому, т. е. *изъ сущности и единосущный*; но «мысль, въ нихъ содержащаяся, есть истинно библейская и совершенно ясна для тѣхъ, кои внимаютъ словамъ Писанія неиспорченнымъ слухомъ благочестія ⁽³⁸⁾». Что касается до самыхъ доказательствъ православнаго

⁽³⁸⁾ Аріане, какъ извѣстно, отказывались принять символъ Никейскій подъ тѣмъ предлогомъ, что въ немъ употреблены нѣкоторыя выраженія, не встрѣчающіяся въ Св. Писаніи. «А сами безбожные, замѣчаетъ нашъ св. Отецъ, первые изобрѣтаютъ и пускаютъ въ ходъ разныя выраженія, которыхъ нѣтъ въ Писаніи (*ἐξ ἄουκ ὄντων, τρεπτόδ, προεπιάρχειν* и др.); они обвиняютъ такимъ образомъ сами себя.» De decr. N. с. с. 18. 21.

догмата, заимствованныхъ св. Аѳанасіемъ изъ Св. Писанія, то ихъ можно подраздѣлять на *не прямыя* и *прямыя*. Именемъ первыхъ назовемъ тѣ изъ нихъ, которыя выводятся св. Отцемъ изъ священнаго текста посредствомъ правильнаго умозаключенія; ко второму роду отнесемъ тѣ мѣста Писанія, гдѣ онъ находитъ прямое указаніе на единосущіе Сына Божія съ Богомъ—Отцемъ и ограничивается только раскрытіемъ и объясненіемъ выраженій библейскихъ.

Изъ *не прямыхъ* библейскихъ доказательствъ Божественности І. Христа—господствующее и болѣе другихъ развитое у св. Аѳанасія основывается на словахъ Апостола Павла: *иже (І. Христосъ) сый сіяніе славы и образъ (χαρὰχτῆρ) вполнотѣ Его (Евр. 1, 3). Иже во образъ Божіи (μορφῆ) сый, не восхищеніемъ нещеза быти равенъ Богу (Фил. 2, 6). Иже есть образъ (εἰκὼν) Бога невидимаго (Кол. 1, 15. 2 Кор. 4, 4).* «Истиннымъ образомъ Бога—Отца, говоритъ Онъ, не можетъ быть какое-нибудь внѣшнее изображеніе, чуждое природѣ Божественной или приближающееся къ ней однимъ слабымъ подобіемъ (*ὁμοίας ὁμοίας*), но такимъ образомъ можетъ быть лишь тотъ, кого раждаетъ самъ Отецъ, въ комъ созерцая Себя самаго Онъ радуется, по словамъ Писанія: *Азъ бѣхъ, о ней же (премудрости) радовалася* (Притч. 8, 30). Когда же Богъ Отецъ не созерцалъ Себя въ своемъ образѣ? Когда Онъ имъ не радовался? Слѣдов. дерзко говорить, будто образа Божія когда либо не было... И опять, какъ Творецъ и Создатель можетъ созерцать Себя въ существѣ (*ὁμοία*) сотворенномъ и созданномъ? Слѣдов. таковъ долженъ

быть образъ, каковъ и первообразъ—Отець Его (*τοιαύτην εἶναι δεῖ τὴν εἰκόνα, διὸς ἐστὶν ὁ ταύτης πατήρ*)». Перечисляя далѣе различныя имена, свойства и дѣйствія Бога—Отца (Онъ вѣченъ, безсмертенъ, всемогущъ, свѣтъ, Царь, Владыка, Богъ, Господь, Творецъ и Промыслитель), говоритъ: «Все это должно быть и въ образѣ Божіемъ, дабы по истинѣ и вполнѣ можно было сказать: *видѣ- вый Сына, видѣ и Отца* (³⁹)». Какъ бы въ подтвержденіе сего строго-логическаго вывода, Св. Писаніе представляетъ безчисленное множество мѣстъ, въ которыхъ приписывается Сыну Божію то, что принадлежитъ Богу истинному, и на основаніи которыхъ св. Аѳанасій искуснымъ оборотомъ мыслей быстро доходить и убѣдительно доводитъ своихъ противниковъ до оспориваемой ими истины (⁴⁰).

(³⁹) Замѣчательно не только по мысли, но и по самымъ выраженіямъ, мѣсто изъ *Or. III. cont. Ag. c. 5*, гдѣ св. Отець, объяснивши свое доказательство подобіемъ образа царскаго съ самимъ Царемъ, дѣлаетъ такое заключеніе: *ἐπει τοίνυν ὁ Ὑἱὸς εἰκὼν ἐστὶ τοῦ Πατρὸς, ἐξ ἀνάγκης ἐστὶ νοεῖν, ὅτι ἡ θεότης καὶ ἰδιότης τοῦ Πατρὸς τὸ εἶναι τοῦ Ὑἱοῦ ἐστὶ καὶ τοῦτο ἐστὶν ὁ ἐν μορφῇ Θεοῦ ὑπάρχων· οὐκ ἐκ μέρους δὲ ἡ τῆς θεότητος μορφή, ἀλλὰ τὸ πλήρωμα τῆς τοῦ Πατρὸς θεότητός ἐστι τὸ εἶναι τοῦ Ὑἱοῦ καὶ ὅλος Θεὸς ἐστὶ Ὑἱὸς*. Для поясненія этого прибавимъ, что св. Аѳанасій дѣлаетъ различіе между: *быть образомъ* и *быть по образу* Божію: «хотя и мы, говоритъ онъ, сотворены *по образу* Божію и называемся *образомъ* и *славою* Отца (1 Кор. 11, 7), но это принадлежитъ намъ не ради насъ самихъ, но ради живущаго въ насъ естественнаго (*φύσει*) образа Божія и истинной славы Божіей—Слова Божія». *Or. III. c. 10*.

(⁴⁰) *V. in Or. 1. cont. Ag. c. 38. 39. Or. II. c. 22—24. Or. III. c. 4. 5. 7—14. 36. Epist. II. ad Ser. c. 2—5. Epist. ad Episc. Aeg. et L. c. 13—18. Ad Adelphium ad Maximum, De Synod. c. 49. 50* и др.

Сыну, говоритъ онъ, въ Св. Писаніи приписываются всѣ наименованія, усвоенныя Богу-Отцу, кромѣ одного имени Отца. Такъ онъ называется *Богомъ* (Іоан. 1, 1), *благословеннымъ во вѣки* (Рим. 9, 5), *Богомъ истиннымъ, Вседержителемъ*, который *былъ, есть и будетъ* (Іоан. 17, 3. Апок. 1, 8), *Господомъ* (1 Кор. 8, 6. Іоан. 20, 28), *свѣтомъ* (Іоан. 8, 12), *истиною, жизнью* (Іоан. 14, 6) и т. под. Самое свойство сихъ именъ, рѣшительный тонъ, съ какимъ онѣ высказаны, и снесеніе съ именами Бога-Отца (Быт. 19, 24. Второз. 6 4. Псал. 49, 1. и др.) достаточно ручаются за то, какъ мы должны понимать ихъ. «Это, продолжаетъ великій Учитель, сдѣлано въ Св. Писаніи для того, дабы всякой, слыша о Сынѣ тоже, что сказано и объ Отцѣ, тотчасъ видѣлъ Отца въ Сынѣ и Сына равнымъ образомъ созерцалъ во Отцѣ, потому что тому и другому приписывается совершенно одно и тоже. Почему же принадлежащее Отцу усвоится Сыну, какъ не потому, что послѣдній рожденъ отъ (ἐξ) перваго? Почему и все Сыновнее принадлежитъ Отцу, если не потому, что первый рожденъ отъ послѣдняго по естеству? Именно по этой и одной этой причинѣ справедливо (εἰκότως, τρεπόντως καὶ ἀκολούθως) сказано: *вся твоя—моя суть, и моя—твоя* (Іоан. 16, 15. 17, 10)».—Приведенныя слова Спасителя, по замѣчанію св. Аѳанасія, указываютъ и на тожество *свойствъ* въ Богѣ-Отцѣ и Сынѣ Его, почему мы справедливо можемъ заключать, что оба лица Св. Троицы еднородны. Ибо, если и одного изъ тѣхъ совершеннѣйшихъ свойствъ, коими обладаетъ Существо высочайшее, въ полной мѣрѣ не

можетъ имѣть никто изъ существъ сотворенныхъ и конечныхъ, то тѣмъ выше тварей, тѣмъ несомнѣннѣе долженъ быть истиннымъ Богомъ тотъ, которому принадлежатъ всѣ тѣ свойства и совершенно въ равной мѣрѣ съ Богомъ—Отцемъ: «слова: *вся, елика имать Отець*, даютъ разумѣть, что Отецъ имѣетъ владычество надъ всѣмъ, а слова: *моя суть*, означаютъ нераздѣльное единеніе Сына съ Отцемъ. Посему, когда ты хочешь имѣть познаніе о Сынѣ, то прежде уразумѣй, что находится въ Отцѣ, а потомъ вѣруй, что тоже самое находится и въ Сынѣ... Отцу принадлежитъ нескончаемость, вѣчность, безсмертіе и несозданность: тѣже свойства принадлежатъ и Сыну. Ибо Писаніе говоритъ: *якоже Отець имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ* (Іоан. 5, 26)». Что касается до частныхъ свойствъ, общихъ Богу—Отцу съ вѣчнымъ Сыномъ Его, то Святитель нашъ не только не оставилъ безъ вниманія ни одного мѣста Св. Писанія, которыми обыкновенно доказывается *вѣчность* Сына—Божія І. Христа (Іоан. 17, 5. Еф. 1, 4. Апок. 1, 17. 1 Іоан. 1, 2. Евр. 1, 10—12.), Его *всевѣденіе* (Іоан. 16, 30. Мат. 9, 4. 11, 27. 25, 31. Дѣян. 17, 31. 1 Кор. 4, 5 . . .), *всемогущество* (Мат. 28, 18. Іоан. 5, 21. 1 Кор. 8, 6 . . .) и проч., но часто называетъ Его *умомъ* Бога Отца, *волею*, *силою* и т. п., безъ сомнѣнія, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Сынъ Божій называется *Словомъ* и *Премудростію* Божіею, т. е. какъ особенное, самосущее, Божественное Лице, единое и нераздѣльное по Существоу съ другими лицами Св.

Троицы ('). Свойства существа выражаются въ его дѣйствіяхъ; посему дальнѣйшимъ доказательствомъ единосущія Сына-Божія съ Богомъ—Отцемъ служатъ Божественныя дѣйствія, которыя равно, нераздѣльно и совершенно одинаково принадлежатъ тому и другому, и о которыхъ Самъ Спаситель столь рѣшительно сказалъ: *Отець мой досель дѣлаетъ и Азъ дѣлаю... яже Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. 5, 17—19). «Слово и Премудрость Отца, говоритъ св. Аѳанасій, имѣетъ все, что есть у Отца, и вѣчность, и неизмѣняемость и совершеннѣйшее сходство съ Нимъ по всему и во всемъ, такъ что для Него нѣтъ прошедшаго и будущаго, но одно настоящее-бытіе вмѣстѣ съ Отцемъ, одно Божество (*αὐτὸ τὸ Θεότητος εἶδος*), одно дѣйствіе... и поелику Онъ совершенно подобенъ Отцу по существу, то Онъ и не есть твореніе, но Творецъ, какъ Онъ самъ изрекъ: *Отець мой досель дѣлаетъ и Азъ дѣлаю...* Въ частности, изъ тѣхъ самыхъ дѣйствій—творенія и промышленности, которыя служили для Аріанъ поводомъ къ униженію Сына Божія передъ Отцемъ Его небеснымъ,

(') Такъ говоря о Сынѣ Божіемъ: *δυσιώδης λόγος καὶ δυσιώδης σοφία, ἥτις ἐστὶν ὁ Υἱὸς ἀληθῶς*. Ог. IV. с. 1, Онъ въ другихъ мѣстахъ называетъ Его: *ἡ φρόνησις καὶ ἡ ζῶσα βουλή καὶ ἐνοούσιος ἐνέργεια... ἀληθεία καὶ φῶς καὶ δύναμις τοῦ Πατρὸς*—Ог. II. с. 2. Ог. III. с. 63—65. Это значитъ: хотя существо Божіе само въ себѣ непостижимо, но съ другой стороны мы не можемъ представить и того, какимъ образомъ Существо высочайшее есть *Богъ живой* и дѣйствующій, если мы не будемъ вѣровать въ *Сына Бога живаго*. Подобныя выраженія о Сынѣ встрѣчаются и у другихъ святыхъ Отцевъ — V. Dion. Petav. de Trinit L. V. с. X.

слѣдуетъ совсѣмъ противное ихъ ученію. Когда Св. Писаніе съ такою выразительностію и силою увѣряетъ насъ, что *Сыномъ любви Божіей создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая* (Кол. 1, 16.), *вся тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 3.), *имъ же и всѣи сотвори Богъ* (Евр. 1, 2.), и что *Имъ вся и мы Тѣмъ* (1 Кор. 8, 6.) *и всяческая въ Немъ состоится* (Кол. 1, 17.); то какое мы должны сдѣлать отсюда заключеніе, если не подобное слѣдующему: «изъ дѣлъ Отца, яже и Сынъ такожде творить, видно, что Онъ во Отцѣ и Отецъ въ Немъ и видѣвый Его, видѣ и Отца, т. е. что у Сына съ Отцемъ одно Существо (*τὸ ἴδιον τῆς οὐσίας*) и совершенное сходство во всемъ». Дѣйствія, чисто божескія, несвойственныя никакой твари, указываютъ на божескую и природу Существа творящаго и промышляющаго о тваряхъ: «ибо какъ Богъ чрезъ Него творить все, если Онъ не есть Слово и Премудрость Бога-Отца? А какъ Онъ можетъ быть Словомъ и Премудростію, если Онъ не рожденъ естественно изъ сущности Отца?» Съ неменьшею послѣдовательностію и убѣдительностію мы дойдемъ до того же заключенія, когда наконецъ вникнемъ въ тѣ мѣста Писанія, гдѣ заповѣдуются воздавать *почитаніе* I. Христу наравнѣ съ Богомъ-Отцемъ, почитаніе такое, которое причисляется одному Богу истинному, называемое высокимъ именемъ поклоненія или служенія (*λατρεία, προσκύνησις, adoratio*): «въ книгахъ Св. Писанія, говоритъ св. Аѳанасій Аріанамъ, заповѣдуются почитать Сына Божія не только всѣмъ людямъ: *да вси чтутъ Сына, якоже*

чтуть Отца (Юан. 5, 23.), но даже и Ангеламъ: и да поклонятся Ему вси ангели Божіи (Евр. 1, 6.). Можетъ быть потому, вы скажете, что Онъ есть тварь превосходнѣйшая другихъ тварей? Но если бы такая причина была достаточна и справедлива, то слѣдовало бы, что каждая тварь должна почитать всѣ другія твари, которыя выше и превосходнѣе ея, между тѣмъ на дѣлѣ вовсе не такъ. Тварь не чтитъ (*оу прохливѣ*) твари; чтитъ только рабъ Господа, тварь—Творца-Бога». И потомъ, подтвердивши мысль свою многими мѣстами Писанія (Пс. 47, 9. 23, 10. Иса. 45, 14. Суд. 13, 16. Мат. 12, 21. Юан. 17, 1. 1 Кор. 16, 22. 2 Кор. 12, 8. Фил. 2, 10. Юан. 13, 13. 20, 28...), заключаетъ: «такъ и І. Христосъ не предлагался бы намъ въ предметъ поклоненія, если бы Онъ былъ изъ числа тварей Божіихъ; но такъ какъ Онъ не тварь, а существенный и естественный Сынъ достопоклоняемаго Бога, потому-то Ему и поклоняются и вѣруютъ въ Него какъ въ Бога, Господа силъ, Владыку и Вседержителя такого же, каковъ Самъ Богъ-Отецъ».

Противъ столь сильныхъ доводовъ, основанныхъ на безчисленномъ множествѣ текстовъ какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта, Аріане приводили нѣкоторыя мѣста Писанія, въ которыхъ объ І. Христѣ говорится нѣчто такое, что не свойственно природѣ божественной. Напр. они спрашивали: «какъ можетъ быть истиннымъ Словомъ Божіимъ тотъ, о которомъ сказано: *о дни же томъ или часть никтоже вѣсть, ни ангелы, ни Сынъ* (Марк. 13, 12), и рече: *идѣ положисте его—Лазаря* (Юан. 11, 34) или: *колико хлѣбы имате* (Марк.

6, 38)? Какъ можетъ быть вѣчною и совершеннѣйшею Премудростію Тотъ, который *преспѣваше премудростію и возрастомъ и благодатію у Бога и чловѣкъ* (Лук. 2, 52)? Какъ можетъ быть естественнымъ Сыномъ Божиимъ Тотъ, который говорилъ о себѣ: *пыль душа моя возмутися, и что реку; Отче, спаси мя отъ часа сего* (Іоан. 12, 27); *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ* (Мат. 27, 46) ⁽⁴²⁾ и т. п. Очевидно, еретики не умѣли или не хотѣли отличать во І. Христѣ природы Божеской отъ чловѣческой, видѣли въ немъ только Сына чловѣческаго и не видали Сына Божія; потому и въ Св. Писаніи, которое не могло изображать І. Христа иначе, какъ такимъ, какимъ Онъ былъ и есть на самомъ дѣлѣ, не отличали относящагося къ чловѣчеству І. Христа отъ того, что сказано объ Немъ выше чловѣческаго, божественнаго, и даже съ намѣреніемъ скрывали послѣднее. Посему св. Аѳанасій, въ отвѣтъ на возраженія своихъ противниковъ, предварительно дѣлаетъ строгое различіе между божескою природою и природою чловѣческою, соединившимися въ одномъ лицѣ Богочловѣка, и для объясненія приводимыхъ ими мѣстъ Св. Писанія предлагаетъ имѣть въ виду одно общее правило: относить ихъ не просто къ *Слову Божию*, но къ *Слову, воплотившемуся нашего ради спасенія*: «Св. Евангелистъ, говоритъ онъ, свидѣ-

(42) Возраженія съ обширными опроверженіями на нихъ помѣщены In Og. III. c. Ag. c. 27—58, отчасти in Epist. II. ad Ser. и преимущественно въ книгѣ De Incarnat. Verbi et contr. Ag., которая почти вся состоитъ изъ подобнаго рода возраженій и опроверженій.

тельствуетъ, что *Слово плоть бысть* (Юан. 1, 14), и св. Апостолъ пишетъ: Христосъ пострадалъ *за ны плотию* (1 Петр. 4, 1). Слѣдов. когда въ Св. Писаніи говорится, что онъ алкалъ и жаждалъ, родился и возрасталъ, утруждался, того или другаго не зналъ, спалъ, плакалъ, молился о чашѣ и тому подобное, чтò свойственно человѣку, то ко всему этому надобно прибавлять: *за ны плотию*. Держась своего прекраснаго правила Онъ раскрываетъ потомъ, какъ въ мѣстахъ Писанія, по видимому унижительныхъ для божественнаго достоинства Спасителя, нѣтъ ничего недостойнаго для него—*Богочеловѣка* (*ὁ χριστὸς ἄνθρωπος*, homo dominicus), и какъ напротивъ изъ тѣхъ же самыхъ мѣстъ внимательный можетъ видѣть, что во I. Христѣ тѣснѣйшимъ образомъ соединены двѣ природы—Божеская и человѣческая, изъ которыхъ каждая творила дѣла, себѣ свойственныя, только не внѣ другой и не отдѣльно отъ другой.

Такъ, I. Христосъ спрашивалъ окружавшихъ Его, *гдѣ лежитъ Лазарь умершій, сколько у васъ хлѣбовъ и пр.*; во отсюда отнюдь не слѣдуетъ, будто Онъ не былъ тогда Богомъ истиннымъ. «Неужели всегда, говоритъ св. Отецъ, вопрошающій не знаетъ того, о чемъ спрашиваетъ? Не случается ли иногда, что и знающій спрашиваетъ другихъ о томъ, о чемъ самъ знаетъ?... Иначе, чтò мы должны были бы подумать о Богѣ, который спрашивалъ Адама въ раю: *Адаме гдѣ еси* (Быт. 3, 9), и Каина: *гдѣ Авель, братъ твой* (—4, 9)? Но какъ о Богѣ-Отцѣ нельзя подумать чего-либо унижительнаго, такъ не должно унижать и Сына Его».

I. Христось, продолжаетъ Святитель, божествомъ своимъ совершенно зналъ, сколько было хлѣбовъ у учениковъ Его, какъ и Евангелистъ замѣчаетъ: *сiе же глаголаше искушая (Филиппа), самъ бо вѣдѣше, что хочетъ сотворити* (Іоан. 6, 6), или, гдѣ погребень былъ Лазарь, о смерти котораго Онъ еще вдали отъ Виваніи сказалъ: *Лазарь другъ нашъ усне* (Іоан. 11, 11); но такъ какъ Божество Его, ради нашего спасенія, было соединено съ человѣчествомъ, которому свойственно незнаніе (*ἐν μὲν τῇ Θεότητι οὐκ ἔστιν ἄγνοια, τῆς δὲ σαρκὸς ἰδίον ἐστὶ τὸ ἀγνοεῖν*), то свойство одной природы и приписывается всему лицу Спасителя: «святѣйшее Слово Божіе претерпѣло все насъ ради; и въ этомъ случаѣ оно поступило такъ (т. е. спрашивало), для того, дабы понесши наше незнаніе даровать намъ знаніе единаго истиннаго Отца своего и научить насъ, что Оно низошло на землю для спасенія насъ и всѣхъ людей — благодѣяніе, больше котораго и представить невозможно!» По тому же закону божественнаго домостроительства нашего спасенія (*οἰκονομία*) объясняется и другое мѣсто Писанія, служившее для еретиковъ камнемъ претыканія и соблазна: *о дни же томъ и часть никтоже вѣсть, ни ангелы, ни Сынъ*. Возможно ли, спрашиваетъ ихъ св. Отець, чтобы Тотъ, который и *вѣки сотвори*, не зналъ послѣдняго дня міра?—чтобы Тотъ, который сказалъ о Себѣ: *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ* (Мат. 11, 27), не зналъ времени и лѣтъ, *яже Отець положи во своей власти* (Дѣян. 1, 7), тогда-какъ знать самаго Бога-Отца, конечно, несравненно важнѣе и труднѣе, нежели знать *день или часъ тотъ*? Напротивъ изъ самаго хода

рѣчи можно заключать, что Онъ зналъ день и часъ кончины міра. Ибо раскрыть съ такою точностію всѣ обстоятельства, предшествующія и сопровождающія будущую кончину міра, и не знать, когда будетъ самый день тотъ, — это невозможно; это походило бы на то, какъ еслибы кто-нибудь, описывая путешественнику, отправляющемуся въ извѣстный городъ, все, что тотъ встрѣтитъ на дорогѣ, что увидитъ во вратахъ городскихъ, — не зналъ, гдѣ находится самый городъ! Нѣтъ, продолжаетъ Аѳанасій, I. Христось, какъ истинный Сынъ Божій, зналъ и знаетъ день и часъ своего втораго пришествія, но какъ облекшійся человѣческою плотію, какъ нашъ Спаситель, Онъ по человѣчески (*σαρκικῶς, τὸ ἀνθρώπινον δείκνυς*) сказалъ: *и Сынъ не знаетъ, какъ бы такъ говоря: хотя я самъ и знаю, но вамъ не нужно знать, потому-что здѣсь пезнаніе для васъ спасительно... Оно будетъ постоянно возбуждать васъ къ спасительному бдѣнію: бдите убо, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ приидетъ, и въ оныже часъ не мните, сынъ человѣческой приидетъ* (Мат. 24, 42—44)». Подобнымъ образомъ, и слова Евангелиста Луки (2, 52), если относить ихъ къ самому Божественному Слову, какъ дѣлали Аріане, не могутъ имѣть никакого значенія, но въ отношеніи къ домостроительству нашего спасенія, совершеннаго Словомъ Божіимъ во плоти, они получаютъ смыслъ глубокій. Ибо дѣйствительно, говоритъ великій Учитель, «какъ возможно, чтобы Сама Премудрость — преспывала премудростію? — чтобы подающій благодать другимъ (1 Сол. 3, 12) возрасталъ благодатію?» Слѣдов. не Сынъ Бо-

жій, не Слово, какъ Слово, преспѣвало во Христѣ Спасителѣ; но поелику вмѣстѣ съ Божескою природою въ лицѣ Его была и плоть человѣческая, которой свойственно возрастать постепенно и лѣтами и премудростію и всѣмъ другимъ, то и сказано о Немъ по человѣчески (*ἀνθρώπικῶς*): *преспѣваше премудростію и возрастомъ и благодатию у Бога и человекъ*, т. е. во I. Христѣ челоѣчество болѣе и болѣе развивалось дѣйствіемъ природы Божественной, мало по малу становилось выше естества человѣческаго, постепенно обоготворялось и содѣловалось способнѣйшимъ орудіемъ для проявленія и дѣйствія Его природы Божеской⁽⁴³⁾. Посему-то и не сказано: *Слово* преспѣвало, но *Иисусъ преспѣваше*. Съ такою же удобностію и отчетливостію мудрое правило Святителя прилагается ко всѣмъ другимъ подобнымъ мѣстамъ Св. Писанія и—рѣшаетъ недоумѣнія.

Прямое свидѣтельство Св. Писанія о единосущіи Сына Божія съ Богомъ-Отцемъ⁽⁴⁴⁾ св. Аѳанасій находитъ, во первыхъ, въ изреченіи самаго Спасителя: *Азъ во Отца и Отецъ во мнѣ* (Іоан. 14, 10). По началамъ аріанскимъ, говоритъ Онъ, это изреченіе не можетъ относиться къ I. Христу и небесному Отцу Его въ строгомъ и буквальномъ смыслѣ, какъ тре-

(43) Or. III. cont. Ar. c. 53... τὸ ἀνθρώπινον ἐν τῇ σοφίᾳ προέκοπτεν, ὑπεραναβαίνον κατ' ὀλίγον τὴν ἀνθρώπινην φύσιν καὶ θεοποιούμενον, καὶ ὄργανον αὐτῆς πρὸς τὴν ἐνέργειαν τῆς θεότητος καὶ τὴν ἐκλαμψιν αὐτῆς γινόμενον καὶ φαινόμενον πᾶσι...

(44) Vid. in Or. III. c. 1—10. item. Or. II. c. 33. Epist. II. ad Serap. c. 9 и друг.

буеть того рѣшительный и прямой тонъ рѣчи. Ибо «какъ можетъ большій (Отець) находиться или заключаться въ меньшемъ (Сынѣ), или Творецъ въ своемъ твореніи»? Между тѣмъ по ученію православному изреченіе Спасителя удерживаетъ весь глубокий, хотя и непостижимый для ума нашего, смыслъ свой: «Отець есть полный (πλήρης) и совершенный Богъ, и Сынъ есть полнота (πλήρωμα) Божества». Напрасно хитрые враги православія приводятъ мѣсто изъ Дѣян. Апост. гл. 17, 18. *О немъ бо живемъ, движемся и есмы*, и утверждаютъ, будто Отець такъ же находится въ Сынѣ Своемъ, какъ и во всѣхъ живыхъ существахъ, особенно въ разумныхъ. О Сынѣ Божіемъ мы знаемъ еще, что Онъ есть *Сила* и *Премудрость* Отца, что Онъ есть *жизнь* и *податель жизни* для всѣхъ другихъ существъ сотворенныхъ, точно такъ, какъ и Отець *имать животъ въ Себѣ*. Слѣдов. объ Немъ нельзя сказать того же, чтò говорится объ насъ: «жизнь не можетъ жить въ жизни; иначе не будетъ и жизнию (въ строгомъ смыслѣ, ... *ὁὐ γὰρ ἡ ζωὴ ἐν ζωῇ ζῆ· ἐπεὶ οὐκ ἂν εἶη ζωὴ ἀλλ' αὐτὸς μᾶλλον ζωογονεῖ τὰ πάντα*)»... Несправедливо и такое толкованіе словъ Господа (принадлежащее извѣстному софисту Астерію), будто въ нихъ выражается тоже, чтò и въ слѣдующихъ: *Азъ отъ себе не глаголахъ, но якоже рече Мнѣ Отець, тако глаголю* (Іоан. 12, 50) и *якоже заповѣда Мнѣ Отець, тако творю* (—14, 31), т. е. согласіе ученія и дѣйствиіи Спасителя съ заповѣдію Бога-Отца. Ибо, въ такомъ случаѣ, чѣмъ Сынъ Божій будетъ отличаться отъ Давида, Соломона, Моисея, всѣхъ Пророковъ и Апостоловъ, которые также

говорили не свое учение и творили чудеса не своею силою, по Божіею (Псал. 84, 9. 4 Цар. 5...), и могли бы тогда Онъ сказать о Себѣ: *Азъ (ἐγώ) во Отца и Отецъ во Мнѣ?*—Тогда надобно было бы сказать: *и Азъ (καὶ γώ) во Отца, Отецъ и во Мнѣ (καὶ ἐν ἐμοί)*; но Господь выразился такъ, а не иначе, именно для того, дабы мы по мѣрѣ силъ своихъ уразумѣли, что «все Существо Сына въ Существоѣ Отца (σύμψαν τὸ εἶναι τοῦ Ὑιοῦ τοῦτο τῆς τοῦ Πατρὸς οὐσίας ἰδίον ἐστίν) и изъ Него беретъ свое начало (τοῦ Ὑιοῦ τὸ εἶναι ἐκ τοῦ Πατρὸς ὄν), подобно тому, какъ сіяніе изъ свѣта и потокъ изъ источника, и на оборотъ, *Отецъ въ Немъ*, т. е. Сущность Отца въ Сынѣ, какъ солнце въ сіяніи, умъ въ словѣ и источникъ въ потокѣ, иначе сказать, Сынъ есть Богъ по существу совершенно равный Богу-Отцу (τοῦ εἶδους καὶ τῆς θεότητος τοῦ Πατρὸς οὐσης τὸ εἶναι τοῦ Ὑιοῦ), такъ что *видѣвый Сына, видѣ Отца*, и Отецъ и Сынъ—*едино суть*..—Таже самая мысль о единосущіи Сына Божія съ Богомъ-Отцемъ, говоритъ далѣе Святитель, заключается и въ слѣдующихъ двухъ изреченіяхъ Спасителя: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30); *видѣвый Мене, видѣ Отца* (14, 9). Ибо только тотъ, «кто принимаетъ единство Божества въ Сынѣ и Отцѣ, можетъ быть вполне увѣренъ, что видѣвшій Сына видѣлъ Отца, такъ какъ Божество Отца является (θεωρεῖται) въ Сынѣ;» и тотъ только, кто вѣруетъ, что «самое существо Сына есть естественное порожденіе сущности Отца, по истинѣ уразумѣетъ смыслъ изреченій: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ*, и *Азъ и Отецъ едино есма*; ибо здѣсь каковъ Сынъ, таковъ и Отецъ, и все Отчее

имѣеть и Сынъ.» Посему-то неудивительно, что Аріане, не допускающіе единосуція двухъ лицъ Св. Троицы, при объясненіи сихъ мѣстъ Писанія впадаютъ въ не-лѣпости и непристойности. Такъ они утверждаютъ, будто Сынъ Божій потому есть едино со Отцемъ, что Онъ во всѣхъ своихъ мысляхъ, желаніяхъ и намѣреніяхъ совершенно согласенъ съ волею Отца... (48). Но если однимъ единствомъ волей объяснять то единство, о которомъ говоритъ Спаситель, то и о другихъ существахъ міра видимаго и невидимаго, объ Ангелахъ, Престолахъ, Господствахъ, о многихъ людяхъ, даже о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ надобно было бы сказать,

(48) От. III. с. 10. *Φασι γαρ, ἐπει ἃ θέλει ὁ Πατήρ, ταῦτα θέλει καὶ Ὑἱός, καὶ οὕτε τῆς νοήματιν. οὕτε τοῖς χρίμασιν ἀντίκειται, ἀλλ' ἐν πάσιν ἐστὶ σὺμφωνός αὐτῷ κ. τ. λ. ср. с. 17—25.* Объяснять единство Сына Божія съ Богомъ Отцемъ тѣмъ единеніемъ, въ какомъ могутъ находиться и всѣ люди съ Богомъ, было въ большемъ обычаѣ у Аріанъ. Еще на Никейскомъ Соборѣ, когда св. Отцы хотѣли просто сказать объ І. Христѣ, что Онъ рожденъ *отъ Бога*, во всемъ *подобенъ* Отцу и всегда *присущъ* Ему, *свѣченъ*, *неизмѣняемъ*, и т. п.; Аріане соглашались принять сіи выраженія, прибавляя отъ себя: и все отъ *Бога* (1 Кор. 8, 6. 2 Кор. 5, 17), и о насъ написано: *образъ и слава Божія* (1 Кор. 11, 7), *о немъ живемъ, и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28), *присно мы живимъ* (2 Кор. 4, 11) и *кто ны разлучитъ отъ любви Божія* (Рим. 8, 35). «Тогда-то Отцы Собора, говоритъ великій Защитникъ Никейскаго Символа, замѣтивъ коварство упорныхъ и злыхъ еретиковъ, рѣшились выразить ученіе православной Церкви и Св. Писанія словами болѣе точными и ясными, и написали: *изъ сущности* Отца, *единосущенъ* Отцу, дабы въ одно и тоже время постыдить лукавство враговъ вѣры и показать, что Сынъ Божій по существу своему не только подобенъ Богу-Отцу (*ὁμοιος*), но и совершенно равенъ Ему (*ταυτόν*). De desc. N S. с. 19 и 20.

что «и онѣ всѣ суть *едино* со Отцемъ и каждое изъ нихъ есть Слово Бога-Отца, потому что онѣ дѣйствуютъ согласно съ волею Бога-Отца и во всемъ повинуются Творцу Своему». Между тѣмъ І. Христосъ говоритъ только о Себѣ: *Азъ и Отецъ едино есма*, и въ другихъ мѣстахъ Писанія Онъ одинъ называется Сыномъ *Единороднымъ* (Іоан. 1, 14), Словомъ, Премудростию и истиннымъ образомъ невидимаго Бога, а о всѣхъ прочихъ существахъ сказано безъ исключенія: *нлсть подобенъ тебѣ въ бозьхъ Господи* (Пс. 85, 8), и *кто во облацѣхъ уравнился Господеви, уподобится Господеви въ сынѣхъ Божіихъ* (Пс. 88, 7)? Итакъ, приведенныя слова Спасителя, заключаетъ Аѳанасій, ничего иного означать не могутъ, какъ только «единство существа и тожество Божественной природы Сына и Отца (*τὴν μὲν ταυτότητα τῆς Θεότητος, τὴν δὲ ἐνότητα τῆς οὐσίας*). Они оба *едино* суть не такъ, какъ бы двѣ части одного цѣлаго или два имени одного и того же Существа—это еретическая мысль Савеллія—: но Они суть два, потому что Отецъ есть Отецъ, а не Сынъ, и Сынъ есть Сынъ, а не Отецъ (т. е. два лица), и суть одно, потому что одна у Нихъ природа (*μία δὲ φύσις*); суть два, какъ родившій и рожденный, и суть одно, какъ Богъ, т. е. по единству и тожеству природы (*τῇ ἰδιότητι καὶ δικαιοῦτητι τῆς φύσεως*)».

Такое объясненіе рѣшительныхъ мѣстъ Св. Писанія, очевидно, подрывало систему аrianства въ самомъ ея основаніи. Посему враги православія, желая какъ-нибудь удержаться при своихъ началахъ, придумали слѣдующій способъ согласить несогласимое: І. Христосъ, го-

ворили они, будучи по природѣ Своей не одно съ Богомъ, сдѣлался такимъ, въ слѣдствіе твердости въ добрѣ и заслугъ своихъ предъ Богомъ, на землѣ, во плоти, по словамъ Писанія: *тѣмъ же и Богъ Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени* (Фил. 2, 9); *возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза тя Боже Богъ Твой* (Пс. 44, 8) и др. ⁽¹⁶⁾. «Какъ скоро они, замѣчаетъ св. Аѳанасій, вымыслили себѣ бога, сотвореннаго изъ ничего, то такое заключеніе ихъ о Сынѣ Божіемъ очень естественно». Но этотъ способъ соглашенія, при всей своей благовидной наружности, крайне неудаченъ. Ибо, если Сынъ Божій, не будучи по природѣ своей едино съ Богомъ—Отцемъ, сдѣлался такимъ въ послѣдствіи времени; если Его единеніе съ Богомъ есть не что иное, какъ только превознесеніе предъ всѣми другими тварями, какъ награда или слѣдствіе Его необыкновенныхъ успѣховъ въ нравственномъ усовершенствованіи: то слѣдуетъ, что Онъ и теперъ не едино со Отцемъ въ смыслѣ строгомъ, «слѣдуетъ, что Онъ не есть ни истинный Богъ, ни истинный Сынъ, ни подобенъ Отцу, а есть только благодатный Сынъ Божій, по существу своему сотворенный отъ Бога такъ же, какъ и всѣ»; а это явно про-

(16) . . . Ἐν δὲ αὐτῷ ὑψώθη καὶ χάριν ἔλαβε καὶ διὰ τοῦτο κέχρισται, μισθὸν τῆς προαιρέσεως ἔλαβε; προαιρέσει δὲ πράξας, τρεπτῆς ἐστὶ πάντως φύσεως... Ог. I. с. 37. Μετοχῆ καὶ αὐτὸς ἐθεοποιήθη... Ог. I. с. 9. Настоящее достоинство Сына, по ихъ мнѣнію, есть не что иное, какъ τῶν ἔργων ἐπαθλον καὶ προκοπῆς, или ἄθλον τῆς ἀρετῆς... Ог. I. с. 5 и 38. Опроверженія св. Аѳанасія in Ог. I. с. 35—52. Ог. III. с. 17—25. Ог. IV. с. 6. De incarn. et contr. Ar. с. 2. Epist. ad Afros, с. 7 и 8.

творѣчитъ и самому имени Сына, Слова и Премудрости, свойствамъ и дѣйствіямъ, приписываемымъ Ему въ Св. Писаніи, и словамъ самага Спасителя: *прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самага славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5). Если же Онъ теперъ одно съ Богомъ, какъ допускають отчасти и Аріане, то никакъ нельзя сказать, что Онъ сдѣлался такимъ когда-нибудь и за что-нибудь, не будучи по природѣ своей единосущенъ Отцу. Глаголъ *дѣлаться* въ приложеніи къ лицу означаетъ измѣнчивую природу сего лица, а никакое измѣняемое существо въ подлинномъ смыслѣ не можетъ быть одно съ Существомъ Неизмѣняемымъ: «можетъ ли измѣняемый быть подобенъ Неизмѣняемому? Видя измѣняемаго, какъ можно подумать, что видишь Неизмѣняемаго? И въ какомъ состояніи его измѣненія можетъ быть видимъ въ Немъ Отецъ Его? Подлинно, никто никогда не увидѣлъ бы въ Немъ Отца неизмѣняемаго, если бы Сынъ по природѣ своей былъ Существо измѣняемое; Сынъ отнюдь не былъ бы во Отцѣ, если бы имѣлъ волю, колеблющуюся между зломъ и добромъ (*ἀμφίβολον ἔχων τὴν προαίρεσιν*), если бы не былъ такъ же совершенъ, какъ Отецъ Его совершенъ есть». Послѣ сего, и мѣста Св. Писанія, въ которыхъ говорится о *превознесеніи* І. Христа, объ *освященіи*, о *помазаніи* и т. п. означаютъ не то, какъ полагали еретики, будто І. Христосъ, не бывши прежде истиннымъ Богомъ, потомъ сдѣлался Имъ, но имѣють совсѣмъ другой смыслъ. Раскрытіе сего смысла придаетъ много силы опроверженію еретическаго мнѣнія, и вотъ какъ объясняетъ приведен-

нья мѣста св. Аѳанасій. Слова Апостола Павла: *се да мудрствуется въ васъ, еже и во Христъ Иисусъ, иже во образъ Божіи сый, не восхищеніемъ нещеза быти равенъ Богу: но себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи чловѣчествъ бывъ, и образомъ обрѣтесе якоже чловѣкъ: смирилъ себе, послушилъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имене: да о имени Иисусовъ всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ: и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Фил. 2, 5—11), говоритъ Святитель, ясно свидѣтельствуютъ, что І. Христосъ не чрезъ свое воплощеніе только достигъ Божеской славы; ибо Онъ, уже *будучи во образъ Божіи, себе умалилъ*, будучи равнымъ Богу содѣлался рабомъ, будучи Богомъ содѣлался вмѣстѣ и чловѣкомъ: это, очевидно, не возвышеніе, но униженіе. «Какъ же послѣ сего утверждать, будто Слово для того сошло на землю, дабы возвыситься? Если Оно есть истинное Слово Божіе, то Ему не было нужды унижаться, дабы потомъ получить то, чѣмъ Оно уже обладало... Какъ возвышаться Тому, Который и прежде того былъ выше всего, былъ Богомъ?» Такимъ образомъ говорить, будто Сынъ Божій, который унижилъ себя, содѣлавшись чловѣкомъ, возвысился въ слѣдствіе того же воплощенія и тѣхъ заслугъ, какія Онъ совершилъ во плоти чловѣческой, по мнѣнію нашего Отца, есть чистое противорѣчіе. Слѣдов. слова Апостола: *себе умалилъ, зракъ раба пріимъ и тѣмъ же и Богъ Его превознесе* надобно разумѣть

въ лицѣ І. Христа не въ одномъ и томъ же отношеніи: *уничженіе* въ принятіи на Себя зрака раба принадле-
 житъ прямо Слову или предвѣчному Сыну Божію, ко-
 торый будучи *образомъ Божіимъ*, сталъ въ подобіи че-
 ловѣчества и *образомъ обрѣтается якоже челоувкъ*; а
превознесеніе и прославленіе, о коихъ далѣе говоритъ
 Апостоль, относятся собственно къ челоувческой при-
 родѣ І. Христа, которая одна только и могла въ Немъ
 возноситься: «Вотъ по истинѣ Божественное таинство:
въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ
Слово, и тоже самое Слово напоследокъ время ради
 насъ содѣлалось плотію, *плоть бысть*. Посему изрече-
 ніе: *Богъ Его превознесе*, не означаетъ того, будто пре-
 вознеслась природа Самаго Слова—Оно всегда было и
 есть равно Богу—Отцу, но указываетъ на прославленіе
 челоувческой природы, соединенной съ Словомъ; ибо
 то только можетъ возвышаться, что само по себѣ
 не высоко». Напрасно Аріане, продолжаетъ св. Ава-
 насій, настаиваютъ на выраженіи Апостола: *тѣмже*,
 и говорятъ, будто все существо І. Христа прослави-
 лось и возвысилось въ слѣдствіе заслугъ, оказанныхъ
 Имъ во плоти *послушаніемъ* Богу до смерти, *смерти*
же крестныя: ибо, хотя Апостоль приписываетъ про-
 славленіе всему лицу Спасителя—тѣмже и Богъ *Его*
 превознесе—по тѣсному соединенію въ Немъ двухъ ес-
 тествъ Божескаго и челоувческаго: но какъ Онъ (І.
 Христосъ) потерпѣлъ смерть собственно плотію чело-
 увческой, которою безсмертное Слово Божіе облеклось
 и въ которой Оно принесло себя Богу въ жертву за
 насъ, такъ равно и превознесся Онъ, какъ челоувкъ,

ради насъ и за насъ, соединенныхъ съ Нимъ единствомъ природы (*σύσσωμοι ἐκείνου*): «Слово не умалилось, принявши на Себя плоть человѣческую, и не приобрѣло себѣ какой-либо благодати, но Само обоготворило (*ἐθεοποίησεν*) то, чѣмъ одлеклось Оно, и облагодатило (*ἐχαρίσατο*) родъ человѣческій. Ибо Оно, какъ Слово Божіе, *сущее во образъ Божіи*, всегда было предметомъ поклоненія; но теперь тоже Слово Божіе, уже содѣлавшись человѣкомъ и нарекшись *Иисусомъ*, имѣетъ всѣ твари *покоренными подъ ногама своими*, и о томъ имени *Его* всѣ силы небесныя, земныя и преисподнія преклоняютъ колѣна свои и исповѣдаютъ, что Слову содѣлаться плотію и ею претерпѣть смерть для спасенія людей не безславно и для Божества, которое одно у Сына со Отцемъ, но *въ славу Богу-Отца* ⁽⁴⁷⁾»... Другія мѣста Писанія, въ которыхъ упоминается о *помазаніи* І. Христа (Псал. 44, 8. Евр. 1, 9), объ *освященіи*

(47) «Я думаю, прибавляетъ св. Афанасій, что такова-же мысль сихъ словъ и по ученію Церкви (*μάλα ἐκκλησιαστικὴν ὄυσαν*)» с. 44. Подобныя указанія на ученіе всей Церкви встрѣчаются въ писаніяхъ Его часто. Не недостатокъ доказательности, какъ думаютъ нѣкоторые (*Möhter's* указ. Соч. Т. 2. р. 83), но твердое убѣжденіе въ истинѣ вѣры, содержимой Христ. Церковію, и ясно-видящее чувство неправости ученія, чуждаго Церкви, выражаются въ этихъ замѣчательныхъ изреченіяхъ. Притомъ, такіе обороты рѣчи употребляются Имъ по большей части послѣ того, какъ онъ уже раскроетъ сходство ученія Аріанскаго съ какою-либо другою ересью, прежде отвергнутою голосомъ Церкви, или доведетъ ихъ положенія до нелѣпныхъ слѣдствій: тогда-то Онъ говоритъ: не такъ вѣруютъ Христиане, не такъ вѣра Церкви (...ἀλλ' ὁμοῦ ἐστὶ Χριστιανῶν ἡ πίστις αὐτῆ... ἀλλ' ὁμοῦ ἐστὶ τοῦτο τῆς ἐκκλησίας... Ог. 1. с. 36. 38. 63. Ог. III. с. 7. 10 и др.)!

ни (Іоан. 10, 36. 17, 19.) и *сошествіи на Него Св. Духа* (Марк. 1, 10) и т. п., и которыя Аріане объясняли такъ, будто І. Христосъ чрезъ все это получилъ нѣчто такое, чего ни въ какомъ отношеніи прежде не имѣлъ, св. Аѳанасій относитъ также къ плоти Спасителя и ко всему человѣчеству (искупленному), соединенному съ Нимъ единствомъ плоти. «Онъ помазуется, говоритъ св. Отець, не для того, чтобы сдѣлаться Богомъ, ибо Онъ и прежде былъ и всегда есть Богъ (*престолъ твой Боже въ вѣкъ вѣка*, взываетъ Псалмопѣвецъ), или чтобы сдѣлаться Царемъ, ибо Онъ отъ вѣчности царствуетъ, какъ образъ невидимаго Бога (2 Кор. 4, 4. Кол. 1, 15); но это было съ Нимъ ради насъ. Цари Израильскіе помазывались въ Царей, потому что они прежде не были Царями; но Спаситель, будучи всегда Богомъ и Царемъ царствующихъ и раздаятелемъ (*χρηγος*) Святаго Духа (даровъ Св. Духа), помазуется теперь Духомъ, какъ человѣкъ, помазуется для того, дабы насъ людей содѣлать жилищемъ и общниками Св. Духа (*ἵνα τοῦ Πνεύματος ἐνοικήσιν καὶ δικαιοσύνη κατασκεβασῆ*)». Самъ Господь сказалъ въ молитвѣ къ Отцу Своему: *мене послалъ еси въ міръ.., и за нихъ Азъ свящу Себе, да и ти будутъ священи во истину* (Іоан. 17, 19). Слѣдов. Онъ по природѣ Своей не есть освящаемый, но освящающій, не освящается отъ кого-либо другаго, но Самъ освящаетъ другихъ; освящающій Себя самаго есть Господь освященія, а освящая Себя, Онъ освящаетъ плоть Свою и въ ней все человѣчество, какъ бы такъ говоря: «Я, Слово Отчее, дарую Духа Святаго своей плоти человеческой (*ἐμαυτῷ ἀνθρώπῳ γενόμενα*) и освящаю ее, дабы

потомъ во мнѣ, который есмь *Истина* (Іоан. 17, 17), освятились всѣ». Равнымъ образомъ, когда въ Св. Писаніи говорится, что на І. Христа сошелъ Духъ Святый, напр. во время крещенія на Іорданѣ, это не значитъ, будто Онъ содѣлался тогда выше Себя самаго, но Онъ получилъ Духа *ради насъ*, поколику Онъ носилъ *нашу* плоть и поколику мы въ Немъ содѣловаемся причастниками Св. Духа (1 Кор. 3, 16. 1 Іоан. 2, 20. Ефес. 1, 13). Ибо если Онъ Самъ сообщаетъ другимъ Св. Духа, какъ сказано: *отъ моего пріиметъ, пошлю Его къ вамъ, пріимите Духъ Святъ* (Іоан. 16, 7. 14. 20. 22), и если объ Немъ же говорится, что Онъ *святится* Отцемъ или Духомъ; то стало-быть, Онъ святится не по своей божеской природѣ, но по принятой Имъ человѣческой, не для Себя, но за насъ и ради насъ: «одинъ и тотъ же даетъ и принимаетъ: даетъ, какъ Слово Божіе, принимаетъ, какъ человѣкъ. Принимаетъ не Слово, какъ Слово, но люди принимаютъ въ Немъ и чрезъ Него. Такъ, когда Онъ помазуется по своей природѣ человѣческой (*ἀνθρώπινως*), мы въ Немъ помазуемся; когда Онъ крещается, мы въ Немъ крещаемся; когда Онъ святитъ Себя, мы въ Немъ освящаемся; когда Онъ прославляется, мы въ Немъ прославляемся, по слову самаго Спасителя: *и Азъ славу, юже далъ еси мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино (любвию), якоже мы едино есмы (по естеству)* (Іоан. 17, 22)».

3. Всѣ эти высокія и столь важныя въ Христіанствѣ мысли, къ раскрытію которыхъ св. Афанасію подавали поводъ аріанскія догадки, естественно вели святаго ревнителя православія къ тому, чтобы вник-

нуть въ самую сущность Христіанской религіи и , поставивъ ее въ соотношеніе съ аріанствомъ , извлечь оттуда новое доказательство Божественности нашего Спасителя. Онъ и сдѣлалъ это блистательнымъ образомъ. Проникая въ истинный смыслъ каждаго догмата Христіанскаго , имѣющаго отношеніе къ лицу Спасителя (а какой Христіанскій догматъ не держится догматомъ о лицѣ І. Христа?!), или лучше, проникая въ истинное значеніе всей Христіанской религіи для рода человѣческаго, мудрый Учитель говоритъ: «какъ скоро Аріане изрекли свою хулу на Слово Божіе , въ тоже время они отступили отъ всего (*πάντων ἐνθὺς ἐξέπεσαν* т. е. догматовъ), и сдѣлалось яснымъ, что они не понимаютъ ничего; если же и допускаютъ все прочее, то притворно, совсѣмъ не въ такомъ, не въ истинномъ смыслѣ (*μηδὲν ὁλως ἀληθὲς φρονοῦντες ὑποκρίνονται*)»... Поэтому , на оборотъ , однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ Божественности нашего Спасителя служить раскрытіе цѣлаго состава Христіанства , который не могъ бы произойти , не могъ бы и держаться безъ истиннаго Виновника его—Богочеловѣка. «Крайнюю непрочность всего, говоритъ св. Отецъ въ другомъ мѣстѣ, что противопологаютъ они намъ изъ Евангелія, въ особенности легко можно видѣть, если обратить вниманіе на всю совокупность нашей Христіанской вѣры ⁽⁴⁸⁾».

(48) Ог. III. с. 28... Ἐὰν μάλις καὶ νῦν τὸν σκοπὸν τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦς Χριστιανοὺς πίσεως λόβωμεν, καὶ τούτῳ ὡπερ κανόνι χρῆσάμενοι, προσέχωμεν, ὡς εἶπεν ὁ Ἀπόστολος, τῇ ἀναγνώσει τῆς θεοκένυτου γραφῆς κ. τ. λ. Въ другомъ мѣстѣ св. Отецъ выражаетъ свою мысль такъ: τὸν σκο-

Держась сей точки зрѣнія, какъ твердаго якоря вѣры, св. Аѳанасій высказываетъ по мѣстамъ глубокія и рѣшительныя свидѣтельства въ защиту православнаго догмата о единосущіи Сына Божія съ Богомъ-Отцемъ. Соберемъ эти рѣдкія черты, блистающія, какъ звѣзды, во множествѣ свѣтлыхъ мыслей Святителя, и расположимъ ихъ въ возможномъ порядкѣ.

Христіанская религія есть новый союзъ или соединеніе падшаго рода человѣческаго съ тріипостаснымъ Богомъ крестною смертію воплотившагося Сына Божія. Какъ союзъ новый или возстановленный, она предполагаетъ во *первыхъ* религію первобытную, но утраченную человѣкомъ или до крайности ослабѣвшую; во *вторыхъ* указываетъ на исправленіе и вознагражденіе утраты І. Христомъ, и въ *третьихъ* даетъ знать, что въ Христіанствѣ опять есть дѣйствительный и надежнѣйшій союзъ между Богомъ и людьми. Всѣ эти понятія, вытекающія изъ сущности самаго Христіанства, удерживаютъ свой истинный и подлинный смыслъ только тогда, когда допустимъ догматъ о единосущіи Сына Божія съ Богомъ-Отцемъ, когда будемъ вѣровать, что І. Христось, Виновникъ нашего союза съ Богомъ, совсѣмъ не такое Существо по своей природѣ, какимъ представляли Его Аріане.

πὸν τὸν ἐκκλησιαστικόν, ὡς ἄκουραν τῆς πίστεως, и говоритъ, что главная причина всѣхъ аріанскихъ заблужденій есть невѣденіе или намѣренное отступленіе отъ сего якоря вѣры—Ог. III. с. 58. Кажется, подъ именемъ этого *Ἐκκλησιαστικὸς ἀκόπος τῆς πίστεως* надобно разумѣть τὸ, что обыкновенно называется *аналогією вѣры*.

Первобытный союзъ Бога съ человѣками, по учению св. Аѳанасія, держался тѣмъ Словомъ Божиимъ, которымъ сотворено все видимое и невидимое, и для внутренняго принятія котораго люди во глубинѣ разумной (*λογικός*) души своей носили и въ большей или меньшей мѣрѣ всегда носятъ печать Божественную, наложенную на нихъ самимъ Творцемъ ихъ, т. е. *образъ и подобіе Божіе* или лучше нѣкоторый отобразить истиннаго образа Божія-Сына, Слова, Премудрости Божественной. *Принятіе* въ себя *Слова Божія* или *духовное единеніе съ Нимъ* было для существа разумно-свободнаго источникомъ всякаго вѣденія, первобытной правоты и внутренняго блаженства, началомъ его безсмертія и духовной-истинной жизни, коротко сказать: оно-то и составляло собственно первобытную религію человѣчества ⁽⁴⁹⁾. Если же религія, по неложному о ней понятію, есть союзъ человѣка съ самимъ Богомъ, а посредникомъ религіи было предвѣчное Слово Божіе, то можно ли безъ униженія для первобытной религіи

(49) Эти мысли до очевидности раскрыты in *Orat. contr. Gentes* и *De Incarn. Verb. Dei*, часто повторяются и въ сочиненіяхъ противъ Аріанъ. *Διὰ τοῦ ἰδίου λόγου τοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τὸ ἀνθρώπινον γένος κατ' ἰδίαν εἰκόνα πεποίηκε (Θεός), ἵνα ταυτότητα (т. е. единеніе съ Словомъ Божиимъ) σώζων, ἔχων καὶ τὴν ἰδίαν ἐκ τοῦ Πατρικοῦ λόγου δύναμιν (т. е. свой образъ и подобіе), ἀγάλληται καὶ συνομιλῇ τῷ Θεῷ, ζῶν τὸν ἀπῆμονα καὶ μακάριον ὄντως τὸν ἀθάνατον βίον κ. т. л. *Advers. Gent.* с. 2. ср. *de Incarn.* с. 3—3. *item Or. 1. cont. Ar.* с. 39. *Or. II.* с. 78. 79. Все, что дальше будетъ сказано, можно видѣть in *Or. 1. cont. Ar.* с. 8. 16. 37—39. 41. 44—47. 49. 51. 59—61. *Or. II.* с. 14. 18. 22. 55. 56. 59. 63. 67—70. 75—77. *Or. III.* с. 13. 15. 21—24. 32—34. *Or. VI.* с. 22 и 30. *De desc. Nic. Syn.* с. 5 и 31 и друг.*

представить, что это Слово не есть истинный Сынъ Божій, не то Божественное несозданное Слово, о которомъ сказано: *и Богъ бѣ Слово?* Можетъ ли соединять человѣка съ Богомъ какое-либо существо сотворенное изъ ничего, конечное, само имѣющее нужду въ посредникѣ между имъ и Существомъ высочайшимъ? «Какимъ образомъ тѣ, говоритъ св. Аѳанасій, кои искони были причастны Богу (*οἱ μέτοχοι πρῶτοι*), могли быть не причастны Слову? Кто могъ когда либо знать Бога-Отца безъ истиннаго Сына Его (*χωρὶς τοῦ ἀληθινοῦ Υἱοῦ*), когда самъ Онъ говоритъ: *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Мат. 11, 27)? Если же всѣ такъ называемые Сыны Божіи или боги на землѣ ли то или на небѣ (Іоан. 10, 35. т. е. бывшіе въ религіозномъ союзѣ съ Богомъ), содѣловались сынами и богами чрезъ Слово, а Слово есть Сынъ: то очевидно, что самъ Сынъ есть едиnorodный истинный Сынъ Божій, единственный Богъ истинный отъ Бога истиннаго, не въ награду за добродѣтели содѣлавшійся Сыномъ и не иной какой-либо, по Сынъ Божій естественный и существенный (*φύσει καὶ ὁμοίᾳ*)». *Не въ награду за добродѣтели содѣлавшійся Сыномъ Божіимъ и не иной какой-либо*, говоритъ Святитель, потому что подобное понятіе о І. Христѣ, придуманное Аріанами, уничтожаетъ всякое внутреннее и дѣйствительное единеніе человѣка съ Богомъ, какъ до того времени, когда воображаемый ими посредникъ самъ еще не содѣлался Богомъ, такъ и послѣ того, какъ Онъ удостоенъ столь необыкновеннаго величія, потому что во всякомъ случаѣ онъ оставался бы чуж-

дымъ Богу по существу своему, былъ бы Сыномъ , но только усыновленнымъ , не единосущнымъ и слѣдов. не истиннымъ; а за нимъ и люди (положимъ что соединенные съ Нимъ , какъ твари съ Творцемъ своимъ) всегда были бы внѣ союза съ самимъ Богомъ, который никогда не творилъ ихъ и не находился съ ними въ непосредственномъ общеніи , оставались бы безъ Бога и безъ религіи, которая дѣлается для нихъ невозможною такъ же, какъ (по словамъ Аріанъ) тварь не можетъ снести непосредственнаго дѣйствія на нее Существа высочайшаго. Такимъ образомъ, по началамъ аріанскимъ рушится тотъ первобытный союзъ , о которомъ учитъ Церковь Христіанская , или по крайней мѣрѣ онъ теряетъ свой смыслъ дѣйствительный. Съ тѣмъ вмѣстѣ низвращается и догматъ о паденіи чело-вѣка , о томъ глубокомъ поврежденіи естества чело-вѣческаго, по которому люди падшіе не въ состояніи спастись своими собственными силами, но имѣютъ для сего нужду въ помощи Божественной. «Благій Богъ содѣлалъ людей причастниками Своего Образа, Господа нашего І. Христа, сотворивъ ихъ по образу и по подобію своему , дабы они при помощи сей благодати созерцая образъ или Слово Отчее , могли чрезъ Него познавать и Отца, и познавая Творца, вести жизнь счастливую и блаженную; но люди , не умѣя цѣнить дарованной имъ благодати Божіей, до того удалились отъ Бога и исказили душу свою, что не только забыли о Богѣ истинномъ, но и выдумали для себя боговъ мнимыхъ»... Вотъ подлинное значеніе христіанскаго догмата о паденіи, по разумѣнію св. Аванасія! Чрезъ

преступленіе заповѣди Божественной человѣкъ искажилъ въ себѣ образъ Божій, помрачилъ умъ, низвернулъ волю и сердце и лишился первобытнаго общенія съ Богомъ, или точнѣе, лишился истиннаго Слова Божія, которое составляло блаженную жизнь души его, которое соединяло его съ самимъ Собою, а въ Себѣ и чрезъ Себя съ Богомъ Отцемъ своимъ. Потому-то и паденіе человѣка есть дѣло столь великое и важное, — онъ отступилъ отъ несозданнаго блага къ противоположному, къ злу! —, есть паденіе столь глубокое и рѣшительное, — тварь не можетъ сама опять привлечь къ себѣ Творца Бога, оскорбленнаго ея непослушаніемъ, раздробленный сосудъ не можетъ дать себѣ стройный и цѣлый видъ! Но могло ли все это удержаться въ подлинномъ своемъ смыслѣ при началахъ аріанскихъ? Отнюдь нѣтъ: если человѣкъ никогда не находился въ непосредственномъ общеніи съ самимъ Богомъ, то конечно онъ не могъ и *на столько* удалиться отъ Бога, не могъ совершить и паденія *столь великой важности*, какъ учитъ о томъ Вѣра Православная. Если же человѣкъ никогда не ощущалъ внутренняго и дѣйствительнаго общенія съ Богомъ и никогда не терялъ такого общенія, то возможно ли для него какое-нибудь чувство потребности новаго тѣснѣйшаго соединенія съ Богомъ въ истинной религіи? Почему для восстановленія человѣка необходимо пришествіе самаго Сына Божія на землю? Не могъ ли восстановить человѣка (если допустимъ какое-либо паденіе) простой учитель своимъ хорошимъ примѣромъ или полезными прави-

лами жизни ⁽⁵⁰⁾?... Мало того; самъ І. Христось былъ бы тогда ближайшимъ образцомъ того, какъ и человекъ своими собственными силами или заслугами можетъ достигать всего, чѣмъ Богъ наградилъ І. Христа. Ибо І. Христось, будучи тварію (по началамъ аріанскимъ), могъ познать Бога, могъ угодить Ему и даже возвыситься до сѣдѣнія одесную Бога: почему же и всѣ прочія твари не могутъ познавать Бога и угождать Ему, *безъ содѣйствія Сына І. Христа*, только съ извѣстными добрыми расположеніями сердца, подобными Его расположеніямъ? «Почему, спрашиваетъ Аѳанасій, Онъ одинъ можетъ открывать намъ Отца, и никто другой кромѣ Его не знаетъ Отца? Почему и всѣ другія твари не могутъ познавать Бога-Отца, по своимъ силамъ и достоинству? Онѣ-твари, и Онѣ-тварь, слѣдов. въ этомъ отношеніи равны между собою!» Объясняя далѣе мѣста Писанія Исход. 33, 20. Іоан. 6, 46. и Мат. 11. 27, онъ прибавляетъ: «по нашему ученію понятно, почему сказано: *не бѣ узритъ человекъ*

(50) Что Аріане, на основаніи своего ложнаго понятія о Сынѣ Божіемъ, дѣйствительно доходили до подобныхъ заключеній, можно видѣть изъ слѣдующихъ выраженій св. Аѳанасія: «если І. Христось по природѣ своей созданъ, то мы въ Немъ не возсозданы; если же мы въ Немъ не возстановлены, то мы чужды Ему, Онъ чуждъ намъ, и Его ученіе есть для насъ ученіе простаго учителя (*ὡς διδασκάλου* Ор. II. с. 56. ср. Ор. II. с. 51).» Такъ еретики четвертаго вѣка были истинными предшественниками современнаго намъ *Социніанства*, которое по справедливости, хотя и не совсѣмъ точно, называютъ *возрожденнымъ аріанствомъ* (Cohen, Hist. d'Arrianism. p. 411 — 420). Превосходные доводы св. Аѳанасія, направленные противъ Аріанъ, могли бы идти и противъ позднѣйшихъ ихъ послѣдователей!

лице мое (Божіе) и живъ будетъ; не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо Сый отъ Бога, сей видѣ Отца, и ни Отца кто знаетъ токмо Сынъ, потому что это свойственно одному лишь естественному Сыну Божію; но Арію это конечно не понравилось бы (*καὶ Ἀρείου μὴ δοκῆ*)».

Какъ бы то ни было, и Св. Писаніе и собственный опытъ, вопреки аріанскимъ началамъ, увѣряютъ насъ, что природа человѣческая носить въ себѣ глубокое и существенное поврежденіе (Рим. 3, 23. 7, 23), что вмѣсто первобытнаго союза съ Богомъ люди отпали отъ Него чрезъ преступленіе заповѣди Его и, содѣлавшись чадами праведнаго гнѣва Божія (Ефес. 2, 3), подверглись страшнымъ послѣдствіямъ грѣха, которыми угрожало имъ небесное правосудіе (Быт. 3, 15—19. Рим. 6, 23). Для изглажденія всего, чѣмъ сопровождалось для рода человѣческаго преступленіе заповѣди Божіей, у самихъ людей не было и нѣтъ никакихъ средствъ дѣйствительныхъ (Евр. 10, 4); для нихъ необходима помощь существа высшаго, и—вотъ сошелъ на землю І. Христосъ для совершенія великаго дѣла нашего искупленія. Кто же это І. Христосъ? То ли это Существо, въ которомъ нуждался родъ человѣческій, стлавшій подъ бременемъ собственныхъ грѣховъ своихъ? И таковъ ли Онъ по своей природѣ, чтобы могъ къ жестокимъ ранамъ больнаго приложить врачество дѣйствительное? «Вся тварь съ нами совоздышаетъ и сбользнуетъ даже до нынѣ, ожидая свободы отъ работы истлѣнія, гѣворитъ св. Аѳанасій вмѣстѣ съ Апостоломъ (Рим. 8, 21. 22). Если же І. Христосъ есть также тварь, то и Онъ воздыхалъ бы вмѣстѣ съ

нами, ожидая свободы отъ кого-либо другаго, и въ такомъ случаѣ не могъ бы Самъ быть нашимъ Искупителемъ». Дѣйствительно, искупленіе падшаго рода человѣческаго, по свойству самаго паденія, есть такое дѣло, котораго никто изъ существъ сотворенныхъ, хотя бы самаго высшаго достоинства, не могъ совершить такъ, какъ необходимо было совершить его; *ни ходатай, ни Ангелъ* не могли помочь намъ въ этомъ случаѣ; *Самъ Господь*, и одинъ только Господь имѣлъ достаточныя средства для возстановленія сыновъ Адамовыхъ. Потому что для искупленія нашего требовалось прежде всего исправить и очистить природу человѣческую, омраченную по уму, развращенную по волѣ и сердцу, иначе сказать, *освободить насъ отъ грѣха*,—дѣло, которое совершить не въ состояніи никто, по словамъ св. Аѳанасія, кромѣ единосущнаго Отцу Сына Божія. «Какую помощь, спрашиваетъ св. Отецъ, могъ бы оказать подобный подобнымъ, тогда какъ самъ нуждался бы въ такой же помощи? Какимъ образомъ Слово, еслибы Оно было существомъ сотвореннымъ, могло бы отмѣнять опредѣленіе Божіе и отпускать грѣхи, когда это свойственно одному Богу, по словамъ Пророка: *кто Богъ, якоже Ты, отъемляй беззаконія и оставляяй нечестія* (Мих. 7, 18)? Какъ тварь могла бы освобождать насъ отъ грѣховъ? Но Господь І. Христъ освобождаетъ насъ отъ нихъ, какъ Онъ самъ сказалъ: *аще Сынъ вы свободитъ, во истину свободни будете* (Іоан. 8, 36). Слѣдоват. Сынъ—Освободитель не сотворенъ, ни созданъ, но есть собственное Слово и образъ Существа Отцаго». Приводя по-

томъ возраженіе Аріанъ, будто для освобожденія насъ отъ грѣховъ Богу всемогущему стоило только возвѣстить намъ о томъ волю свою, а это легко могла сдѣлать и тварь, непохожая на другія твари, и замѣчая, что здѣсь надобно смотрѣть на истинную пользу людей, а не на всемогущество Божіе, и что въ такомъ случаѣ люди все-таки въ душѣ своей остались бы рабами грѣха и нравственнаго тлѣнія, св. Аѳанасій продолжаетъ: «вотъ, дабы не случилось этого (чтобы въ человѣкѣ не остался грѣхъ, но былъ вырванъ съ корнемъ), Богъ послалъ собственнаго Сына Своего, который принялъ плоть человѣческую и, тогда какъ всѣ подлежали смерти, Онъ, будучи отличенъ отъ всѣхъ (*ἄλλος ὢν τῶν πάντων*, по своей Божеской природѣ), умеръ плотію своею за всѣхъ, такъ что всѣ, какъ бы умерши въ Немъ и чрезъ Него (*ἐν Χριστῷ καὶ δι' αὐτοῦ*), освободились отъ грѣха, проклятія и смерти. Ибо когда Слово содѣлалось *плотію*, тогда угрызение змія прекратилось, зло, происходившее отъ вождельній плоти, усѣчено до корня, и смерть, сопутница грѣха, потеряла свою силу, какъ самъ Господь сказалъ: *грядетъ бо сего міра князь, и во мнѣ не имать ничесоже* (Іоан. 14, 30), или какъ говоритъ Апостоль: *сего ради явился Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діаволя* (1 Іоан. 3, 8). Онѣ разрушены Спасителемъ, явившимся во плоти, и мы отъ нихъ освободились по единству у насъ съ Нимъ человѣческой природы (*κατὰ τὴν συγγένειαν τῆς σαρκός*), и по нашему общенію съ тѣмъ Словомъ». — Подвергшись грѣху, мы содѣлались врагами Богу, потому что грѣхъ *вражда на Бога есть* (Іак. 4, 4). Посему, дѣло искупленія должно

было состоять и въ томъ, чтобы примирить насъ съ Богомъ, разгнѣваннымъ нашими беззаконіями, изгладить вину, которая лежала на всемъ родѣ человѣческомъ за преслушаніе высочайшей воли Существа совершеннѣйшаго, и такимъ образомъ возвратить намъ первобытную невинность и предъ очами Божиими. «Представь же, говоритъ Святитель, что І. Христось не есть истинный и естественный Сынъ Божій: тогда надобно будетъ согласиться, что и въ этомъ случаѣ Онъ не могъ бы принести намъ никакой пользы. Человѣкъ не смѣлъ бы предстать предъ лице Отца небеснаго... Но теперь, поелику облекшійся человѣческою плотію есть истинный Сынъ Божій, есть Образъ и безсмертное Слово Отчее, принявшее на себя образъ раба и потерпѣвшее за насъ смерть, какъ человѣкъ, то смерть Его есть жертва за насъ предъ Отцемъ Небеснымъ (*ὑπὲρ ἡμῶν διὰ τοῦ θανάτου προσευέχη τῷ πατρὶ*), и мы съ дерзновеніемъ *приступаемъ къ престолу благодати*, потому что *предтеча о насъ вниде Иисусъ*, по словамъ Апостола, и не въ рукотворенная святая вниде Христось, *противообразная истинныхъ, но въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію о насъ* (Евр. 6, 20. 9, 24)». І. Христось, пострадавшій за насъ, есть возлюбленный Сынъ Божій и Богъ истинный; посему не удивительно, что жертва, принесенная Имъ на крестѣ, столь драгоценна въ очахъ Божиихъ, столь дѣйствительна въ дѣлѣ очищенія насъ отъ грѣховъ и примиренія съ разгнѣваннымъ правосудіемъ небеснымъ!—Не удивительно послѣ сего, если Онъ же, всемогущій и милосердый Владыка всего видимаго и невидимаго, избавилъ насъ и отъ тѣхъ гн-

бельныхъ послѣдствій, которыя произошли отъ грѣховнаго поврежденія природы человѣческой и расторженія союза съ Богомъ, и отъ которыхъ освободить насъ въ теченіи цѣлыхъ тысящелѣтій не могло и никогда не могло бы никакое существо конечное и сотворенное. Важнѣйшими и гибельнѣйшими для рода человѣческаго послѣдствіями грѣха, по мнѣнію св. Аѳанасія, были языческое многобожіе или идолопоклонство и власть надъ людьми врага Божія и человѣческаго—сатаны: отъ нихъ-то избавленіе несомнѣнно для насъ только тогда, когда мы непоколебимо вѣруемъ, что І. Христосъ, нашъ Искупитель, есть истинный Сынъ Божій: «мы признаемъ, говоритъ Святитель, одно начало въ Божествѣ, почитая Слово не инымъ какимъ-нибудь Божествомъ (*οὐχ ἑτερόν τινα τρόπον ἔχειν θεότητος*), но такимъ же, каковъ единъ Богъ, отъ (ἐξ) котораго родилось Оно. Потому-то у насъ одинъ Богъ-Отець, Сынъ и Св. Духъ, — одинъ Богъ въ Троицѣ . . . Но Аріане, отвергая единосущіе Сына Божія съ Отцемъ Его, и между тѣмъ не смѣя не называть Богомъ и Его, продолжаютъ исповѣдывать языческое многобожіе» (81) . . . Разсѣявши мракъ идолопоклонства, І.

(81) Св. Аѳанасій часто упрекаетъ Аріанъ въ многобожіи (Ог. II. с. 14, 16. Ог. III. с. 16), не признаетъ истиннымъ и ихъ крещенія, хотя они крестились во имя Отца и Сына и Св. Духа (Ог. II. с. 42). Очевидно, здѣсь онъ судилъ о еретикахъ по началу ихъ ученія, а не по приложенію начала къ практикѣ. Справедливость такого упрека, съ указанной точки зрѣнія, очевидна сама собою. In Ог. II. с. 14 и 16. Св. Отець высказываетъ тотъ же упрекъ болѣе тонкимъ образомъ: «намъ нуженъ, говоритъ онъ, такой Иску-

Христось, какъ Божественный Искупитель нашъ, обуздаль и врага невидимаго, дѣйствовавшаго въ *сынѣхъ противленія*, такъ что Христіане могутъ и ему противиться. «Намъ нечего теперь бояться, замѣчаетъ св. Аѳанасій, древняго змія сатаны; онъ прогнанъ Спасителемъ нашимъ, явившимся во плоти и сказавшимъ: *иди за мною (ἀπίσω μου) сатано* (Мат. 4, 10), прогнанъ и поверженъ въ огонь вѣчный въѣ рая... Но этого конечно не случилось бы, еслибъ воплотившееся Слово было просто тварію. Потому что діаволъ, который и самъ есть также тварь, вель бы постоянную борьбу съ тварію, а человѣкъ, находясь между ними, навсегда остался бы подверженъ смерти и, не имѣя въ комъ и чрезъ кого соединиться съ Богомъ, никогда не освободился бы отъ страха и опасности. Такъ-то самая истина показываетъ, что Слово не принадлежитъ къ числу тварей»!.. Истина искупленія рода человѣческа-

питель, который былъ бы по природѣ своей нашимъ Господомъ, дабы въ слѣдствіе искупленія, намъ не сдѣлаться опять идолослужителями, дабы, вмѣсто Господа, не покланяться человѣку или какой-либо другой твари». Т. е. дѣло искупленія столь дорого для человѣка, что онъ въ чувствѣ благодарности къ Искупителю своему, не можетъ не воздавать Ему божескаго почитанія. Поэтому, если бы нашъ Искупитель не былъ истиннымъ Богомъ, то люди послѣ искупленія (положимъ, что оно было бы совершеннѣе), впади бы въ новаго рода идолопоклонство, и предметомъ и какъ бы виновникомъ этого идолопоклонства было бы то самое лице, которое имѣло между прочимъ цѣлю своего пришествія на землю—избавить насъ отъ идолопоклонства. Какимъ образомъ и почему многобожіе стало упадать со времени пришествія Сына Божія во плоти, это съ особенною ясностію раскрылъ св. Аѳанасій—въ книгѣ *De Incarn. Verbi D.* с. 55.

го отъ грѣха , проклятiя и смерти показываетъ , что Искупитель нашъ есть истинный и единосущный Отцу Сынъ Божiй!

Тоже самое показываетъ наконецъ третья истина, неразрывная съ двумя предъидущими, та истина , что Христiанская религiя сообщаетъ роду человѣческому дѣйствительный , надежнѣйшiй союзъ съ самимъ Богомъ Вседержителемъ. Христiанинъ, освобождаясь отъ грѣха , проклятiя и смерти въ спасительной купели крещенiя, не только вступаетъ въ первобытное состоянiе невинности, изъ котораго онъ низпалъ преступленiемъ праотца, но и получаетъ божественныя силы содѣловаться святымъ человѣкомъ (2 Петр. 1 , 3) , вмѣсто чада гнѣва Божiя становится Сыномъ Божiимъ (Юан. 1, 14. 15) , вмѣсто осужденнаго на вѣчное мученiе раба діавола нарицается наследникомъ небесныхъ благъ и вѣчно – блаженной жизни (1 Петр. 1, 3. 4): *Христiанинъ* получаетъ все это, слѣдов. вѣрующiй, что *Г. Христосъ* , нашъ Искупитель и Виновникъ Христiанства, есть истинный , едиnorodный и единосущный Сынъ Бога-Отца. «Слово Божiе, говоритъ св. Аонасiй, принявши на себя плоть человѣческую, исправило и возстановило (*ὁλόκληρα ἐποίησε, ἀναλέωσε*) твари, содѣлавшiяся несовершенными и повредившiяся преступленiемъ, да представитъ Отцу своему славу Церковь, не имущу скверны или порока , или нѣчто отъ таковыхъ , но да будетъ свята и непорочна (Еф. 5, 27). Въ Немъ родъ человѣческiй опять содѣлался такимъ же, какимъ созданъ былъ въ началѣ, и даже сталъ гораздо выше и совершеннѣе (*μειζονι μᾶλλον χάριτι*). Отъ чего же это,

если не отъ того, что плотію человѣческою облеклось Слово, естественно рожденное отъ Бога-Отца? Ибо, если бы оно имѣло природу сотворенную, то подлинно родъ человѣческій и по воплощеніи Слова остался бы тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде, внѣ союза съ Богомъ (*οὐ συναφθεῖς τῷ Θεῷ*)». Доказательствомъ — служить тѣ самыя блага, которыя получаетъ истинно-вѣрующій въ Христіанской религіи, или все то, изъ чего слагается, чѣмъ создается и чѣмъ сопровождается новый союзъ человѣка съ Богомъ. Такъ, вѣрный членъ Христовой Церкви получаетъ *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3), изъ человѣка *ветхаго* содѣлывается *новымъ, созданнымъ по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины* (Еф. 4, 24), изъ человѣка плотскаго становится духовнымъ; вотъ что значитъ быть членомъ Церкви І. Христовой! «Чего не могъ сдѣлать законъ, немоществовавшій плотію, говоритъ Святитель, то сдѣлалъ Богъ, пославши Сына своего *въ подобіи плоти грѣха и о грѣсѣ осудивши грѣхъ во плоти* (Рим. 8, 3), такъ что мы теперь ходимъ не по плоти, но по духу, и часто повторяемъ, мы не въ плоти, но мы въ духѣ... Какъ же это стало, если Сынъ не есть тотъ самый, который возсѣдаетъ одесную Бога, если Онъ не истинный Сынъ Божій, единый со Отцемъ по Божеству?» Пересоздать природу человѣка, совершенно обновить и возвысить духъ его, даровать ему *Божественныя силы не дѣла твари* какой-бы то ни было, но дѣла истиннаго Бога: «еслибы Я не пришелъ и не облекся человѣческою плотію—такія слова влагааетъ въ уста Спасителю св. Аѳанасій,

объясняя мѣсто (Іоан. 17, 21) *да вси едино будутъ*, якоже ты Отче во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ—, то подлинно никто изъ людей не сдѣлался бы совершеннымъ (ἐτελειώθη), но всѣ остались бы рабами тлѣнія. Дѣйствуй же въ нихъ, Отче мой, и подобно тому, какъ мнѣ уготовалъ плоть сію, такъ и имъ послѣ Духа Твоего, да будутъ *едино* въ Немъ и *совершени* во Мнѣ. Ихъ совершенство послужитъ доказательствомъ того, что Твое Слово низошло на землю, и мѣръ, видя ихъ совершенными и исполненными божественности (θεοφοροῦμένους), повѣритъ, что Я Тобою посланъ и пришелъ къ нимъ. Ибо откуда въ нихъ было бы это совершенство, если бы Я — Слово Твое — не сдѣлался человѣкомъ, принявши плоть ихъ, и не совершилъ дѣла, которое Ты Отче далъ еси Мнѣ? Я совершилъ дѣло Твое; люди искуплены Мною отъ грѣха, уже не подлежатъ больше смерти, но содѣлались Божественными (θεοποίηθέντες), и созерцая Насъ, которые *едино есмы* по существу, соединены между собою узами любви.» Правда, Совершитель Христіанскаго обновленія людей и какъ бы ближайшій Виновникъ ихъ нравственнаго богоуподобленія есть Духъ Святой, живущій въ сердцахъ вѣрующихъ (1 Кор. 6, 19), но и Духъ Святой, исходящій отъ Отца, даруется и дѣйствуетъ въ душахъ приѣмлющихъ Его не безъ Сына Божія, І. Христа. Напротивъ, замѣчаетъ св. Аѳанасій, известно и несомнѣнно, что Отецъ даетъ все чрезъ Сына (ἀ δίδωσιν ὁ Πατήρ, διὰ τοῦ Υἱοῦ δίδωσι) ⁽⁸²⁾, и никто

(82) Очевидно, въ словахъ св. Аѳанасія заключается болѣе, не-

другой не можетъ соединить человека съ самимъ Духомъ Святымъ (συνάψαι τὸν ἄνθρωπον τῷ Πνεύματι ἁγίῳ), кромѣ Того, который есть образъ Отца, по подобію котораго и мы сотворены въ началѣ; ибо Духъ Святой есть *Духъ Сына* (Іоан. 4, 6)». Духъ Святой, лице Божеское и единое по существу съ Богомъ—Отцемъ, низпосылается на землю Сыномъ Божиимъ (Іоан. 16, 7); слѣдов. Его явленіе и дѣйствіе въ родѣ человѣческомъ есть новое доказательство того, что ниспосылающій Духа отъ Отца есть также единого существа съ Богомъ—Отцемъ: «по словамъ Апостола Петра, говоритъ Святитель, *Иисусъ обѣтованіе Святаго Духа пріемъ отъ Отца, излія Его на насъ* (Дѣян. 2, 33). Давать Духа со властію—не дѣло твари, но Божіе. Твари освящаются Духомъ Святымъ, но Сынъ не дѣлается Святымъ отъ Св. Духа, напротивъ Самъ даетъ Его всѣмъ; отсюда видно, что Онъ не есть существо сотворенное, но истинный, вѣчный и единосущный Сынъ Бога—Отца (πατρικῆς Θεότητος) ⁽⁵³⁾». По-

жели одна простая мысль объ участіи всѣхъ трехъ лицъ св. Троицы въ дѣлѣ нашего возстановленія, какъ можно видѣть и изъ другаго положенія, часто повторяющагося въ Его сочиненіяхъ: «Тому надлежало и обновить людей, кто въ началѣ сотворилъ ихъ»—(Ἐπερπε δημιουργὸν αὐτῶν ὄντα αὐτὸν (I. Христ.), καὶ τῶν τούτων ἀνανέωσιν εἰς αὐτὸν ἀναδέξασθαι — Ог. II. с. 52 или: δοκ ἂν ἐλυτρώθημεν καὶ ὑπερυψώθημεν, εἰ μὴ ὁ ἐν μορφῇ Θεοῦ ὑπάρχων ἔλαβε δούλου μορφὴν—Ог. I. с. 50. ср. Ог. II. с. 55 и 65. На слова Мат. II, 27. с. 2. De Incarn. Ver. Dei с. 13).

⁽⁵³⁾ Τὸ δὲ μετ' ἐξουσίας διδόναι τὸ Πνεῦμα, οὐ κτίσματος οὐδὲ ποιήματος ἐσιν, ἀλλὰ Θεοῦ δῶρον κ. τ. λ. Это доказательство, основаніемъ котораго служить истина Божества Духа Святаго, заставляетъ думать,

сему-то новый или обновленный союзъ Бога съ чело-
вѣками сопровождается такими великими плодами, ка-
кихъ даровать людямъ не могла бы никакая тварь ни
земная, ни небесная, сопровождается отраднымъ чув-
ствомъ сыновства Богу и Отцу въ жизни настоящей
(Иса. 1, 2. Иоан. 1, 12) и крѣпкою надеждою на по-
лученіе вѣчно-блаженной жизни будущей (1 Петр. 1,
3 и 4). Нѣтъ ничего драгоценнѣе сихъ благъ, даруе-
мыхъ роду человѣческому въ Христіанской религіи, и
вмѣстѣ нѣтъ ничего несомнѣннѣе, свидѣтельствуешь
Аѳанасій, что мы лишимся ихъ, какъ скоро не будемъ
вѣровать въ Божество Сына, заслугами котораго онѣ

что вопросъ о Божествѣ третьяго лица св. Троицы еще не былъ
предметомъ особеннаго изслѣдованія до появленія новаго еретика
4-го вѣка—полуаріанина Македонія. Къ такому заключенію приводятъ
насъ и тѣ обстоятельства, что а) св. Отцы Собора Никейскаго I-го,
сказавши о 3-мъ лицѣ св. Троицы: вѣруемъ *и съ Духа Святаго*, ни-
чего болѣе къ тому не прибавили, б) отъ Аріанъ тогдашняго вре-
мени не осталось ни одного возраженія противъ Божественности Св.
Духа; и в) св. Аѳанасій, доказывая Божество Св. Духа въ пись-
махъ своихъ къ Серапіону (*Epist. I. III и IV ad Serap.* написаны
около 360 года), направляетъ ихъ противъ тѣхъ, которые «*отвра-
щаясь ереси Аріанъ, заблуждающихъ касательно Сына Божія, за-
блуждаютъ касательно Духа Святаго, называютъ Его тварію и рав-
няютъ съ духами служебными*» Ер. 1. с. 1. и которыхъ онъ назы-
ваетъ *Тропиками—Тропикоі*—с. 10 и 32. По всѣмъ симъ причинамъ,
предметъ богословской борьбы св. Аѳанасія съ Аріанами мы огра-
ничиваемъ однимъ вопросомъ о Божествѣ втораго лица св. Троицы,
I. Христа, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Аріане, отвергая Божество
Сына Божія, не могли правильно вѣровать и въ Св. Духа, который
называется *Духомъ Сына, низпосылается Сыномъ* и т. п. Есть не-
многіе намеки на это и у самаго св. Аѳанасія—Ог. I. с. 8. Ог. III.
с. 15.

приобрѣтены намъ на крестѣ. «Извѣстно, говоритъ Святитель, что по природѣ своей мы не дѣти Богу, а твари Его, и Богъ по природѣ Своей не Отецъ нашъ, а Творецъ; но такъ какъ Сынъ, который въ насъ, и Слово, въ которомъ и чрезъ котораго (ἐν ᾧ καὶ δι' οὗ) мы вопіемъ: *Авва Отче* (Гал. 4, 6), есть естественный и истинный Сынъ Божій; то и мы становимся сынами (υἱοποιούμεθα) въ отношеніи къ Творцу своему, и Богъ-Отецъ нарицаетъ сынами своими тѣхъ, въ которыхъ Онъ видитъ собственнаго Сына Своего. Иначе никакъ (ἄλλως) мы не могли бы называться и быть сынами Божіими». Равнымъ образомъ и надежда жизни вѣчной, свойственная христіанамъ, находится въ неразрывной внутренней связи съ истиною единосущія Сына Божія съ Богомъ-Отцемъ, такъ что отвергать Божество Спасителя значитъ отвергать и приобрѣтеніе и самую возможность приобрѣтенія упомянутаго блага. «Тогда только, говоритъ св. Афанасій, надежна (ἀσφαλῆς) благодать, сообщаемая людямъ свыше, когда она происходитъ отъ Существа, неотдѣльнаго (по природѣ) отъ Бога, когда она одна и таже у Сына и Отца. Поэтому-то и Апостоль пишетъ: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (Рим. 1, 7)». Объясняя слова Св. Писанія: *якоже избра насъ въ немъ (Богъ-Отецъ во І. Христѣ) прежде сложенія міра* (Еф. 1, 4. 2 Тим. 1, 9), Святитель прибавляетъ: «какимъ образомъ мы могли бѣ быть предназначены ко спасенію отъ вѣчности, если бы спасеніе насъ чрезъ Сына не было предопредѣлено отъ вѣчности? Какимъ образомъ наше возстановленіе чрезъ Сына было бы предо-

предѣлено отъ вѣчности, если бы Самъ Сынъ не принялъ на Себя домостроительства (*διχονομία*) нашего спасенія также *прежде лѣтъ вѣчныхъ*? Итакъ мы, еще прежде своего рожденія, предназначены ко спасенію во І. Христѣ, который отъ вѣчности принялъ на Себя дѣло искупленія, и на которомъ созидаюсь, какъ живые камни на своемъ основаніи, мы приедемъ жизнь и благодать, отъ Него происходящую, чтобы услышать возжеланный гласъ Его на судѣ всеобщемъ: *приидите благословенніи Отца Моего, насльдуйте уготованное вамъ Царствіе отъ сложенія міра*. И это для того, дабы, воставши отъ смерти временной, мы *могли жить вѣчно*; ибо люди, существа смертныя, не могли бы ожидать себѣ жизни вѣчной, если бы ихъ надежда жизни и спасенія не была уготована имъ во Христѣ отъ вѣчности. Между тѣмъ теперь, пусть земля, горы и всѣ вещи видимыя прейдутъ, когда наступитъ къ тому время, — мы не погибнемъ вмѣстѣ съ ними, мы будемъ жить и послѣ нихъ, жить вѣчно, потому что наша жизнь *сокрыта* во Христѣ Иисусѣ еще *прежде міръ не бысть*» Вѣчное Божество Сына Божія, *хочетъ сказать* св. Отецъ, есть залогъ нашей вѣчной жизни; потому что въ Немъ одномъ, какъ представителѣ искупленнаго человѣчества и Главѣ Церкви Своей, наша жизнь заключена отъ вѣчности и можетъ продолжаться вѣчно. Только тогда мы можемъ быть несомнѣнно убѣждены, что останемся невредимыми при всеобщемъ разрушеніи природы, когда вѣруемъ, что нашъ Господь І. Христосъ, съ которымъ мы соединены, какъ члены таинственнаго Тѣла Его, есть Существо вѣчное, не имѣю-

щее ни начала ни конца, есть Богъ истинный, единосущный Богу-Отцу. Такъ св. Аѳанасій—все высокое въ Христіанствѣ, все драгоцѣнное для вѣрующихъ поставляетъ въ тѣсную связь и необходимую зависимость отъ истины Божества Спасителя! Отвергать единосущное Отцу Божество І. Христа-Сына Божія, для истинно-христіанскаго убѣжденія Святителя, значитъ—отвергать все Христіанство!

Противъ такихъ доводовъ великаго Святителя Аріане ничего не говорили, и безъ сомнѣнія не могли сказать ничего не-еретическаго!!

Итакъ, вотъ краткое изложеніе того, что св. Аѳанасій говорилъ въ свое время въ защиту Православной вѣры противъ аріанской ереси! Всѣ его соображенія, всѣ доводы, всѣ, можно сказать, самыя частныя мысли и выраженія проникнуты одною великою мыслию, съ которою онъ выступилъ на борьбу съ врагами православія, мыслию о Божествѣ Господа нашего І. Христа. Подъ искуснымъ и твердымъ перомъ великаго Святителя, эта мысль дѣйствительно является тою богооткровенною истиною, которая не страшится никакихъ притязаній *лжи*, старавшейся заступитъ ея мѣсто въ душахъ вѣрующихъ, является небеснымъ *свѣтомъ*, который не только самъ горитъ не угасая, но и освѣщаетъ обличительно самую *тьму*, силившуюся объять его. Отъ начала до конца своей продолжительной богословской борьбы съ аріанскою ересью, св. Аѳанасій дѣйствуетъ, скажемъ словами знаменитаго цѣнителя заслугъ его—св. Григорія Назіанзена, «дѣйствуетъ какъ благовременно ниспосланный свыше огонь, очищающій

гнилое и вредное вещество, или лопата земледѣльца, отдѣляющая въ ученіи легкое отъ полновѣснаго, или мечъ, подсѣкающій корни злобы ⁽²⁴⁾». Онъ не уклоняется отъ враговъ, владѣющихъ сильными орудіями оборотливаго ума и хитрой діалектики,—не выжидаетъ, пока они обнаружатъ чѣмъ-нибудь свою слабость или запутають сами себя своими ложными софизмами,—не скрываетъ ничего, на чемъ они могли основывать свое новсе ученіе; но воодушевляемый святою ревностію по вѣрѣ и непоколебимою увѣренностію въ правотѣ защищаемаго дѣла, св. Аѳанасій смѣло становится лицомъ къ лицу съ своими врагами, самъ нападаетъ на нихъ съ той стороны, которую они наиболѣе защищаютъ и, съ искусствомъ опытнаго ратоборца, доводитъ своихъ противниковъ именно до той цѣли, отъ которой они всѣми силами старались уклониться. Съ чего ни начнутъ Аріане доказывать свое ученіе, съ которой стороны ни нападуть на догматъ православный; вслѣдствіе благочестивыхъ усилій св. Аѳанасія, все достигаетъ одного и тогоже конца: ложь становится очевиднѣе и отвратительнѣе, истина дѣлается яснѣе, тверже, несомнѣннѣе. Самыя возраженія еретиковъ подають лишь поводъ ему ниспровергать ихъ ученіе и новыми путями подтверждать единое ученіе Церкви, такъ что, можно сказать, опровергая ересь, онъ въ одно и тоже время защищалъ истину, и защищая истину, опровергалъ ересь. Нельзя не удив-

(24) Похвальн. Слов. Аѳан. Вел. Твор. св. Отц. въ русс. пер. Год. 1. Т. 2. стр. 181.

ляться той крѣпости мыслей и тому вдохновенію рѣчи съ какими онъ исполняетъ то и другое.

Аріане, желая сдѣлать свое ученіе о лицѣ І. Христа всеобщимъ въ Христіанскомъ обществѣ и низвергнуть богопреданный догматъ православный, пользовались всѣмъ для достиженія своей преступной цѣли—и современными понятіями философскими, и авторитетомъ Св. Писанія и отчасти мнѣніями древнихъ учителей Церкви, представляя все въ томъ обманчивомъ видѣ, какой казался имъ выгоднѣйшимъ. «Эта новѣйшая ересь, называемая аріанскою, говоритъ Святитель нашъ, ересь хитрая и изобрѣтательная, искусно прикрывается словами Св. Писанія, вооружается ложными доводами, не щадитъ ничего, чтобы подъ видомъ истины вторгнуться въ рай Христовой Церкви и—успѣваетъ» ⁽⁸⁸⁾! Противъ такихъ-то средствъ, бывшихъ въ рукахъ враговъ вѣры, нужно было ревнителю православія направить свою полемику, чтобы остановить гибельные успѣхи ереси, и сочиненія св. Аѳанасія, написанныя противъ Аріанъ, суть не что иное, какъ сильная и рѣшительная мѣра, въ которой нуждалась тогда Церковь Христіанская, подвергавшаяся столь великой опасности. Въ нихъ великій Архипастырь съ рѣдкою пронизательностію разоблачилъ ересь отъ обольстительной наружности, которая увлекала людей неопытныхъ, показалъ ее въ настоящемъ ея видѣ, раскрылъ самую сущность ея, и всякой, кто только имѣлъ возможность читать или слышать Его творенія,

(88) Cont. Ar. Or. I. c. 1. ср. Or. III. c. 1.

дѣйствительно «не могъ не образумиться, если былъ увлеченъ въ ересь; если же былъ далекъ отъ ней, не могъ не отбѣжать еще дальше»⁽⁸⁶⁾. Раскрывая *новое, нечестивое* ученіе обличительнымъ словомъ своимъ, Онъ въ тоже время побѣдоносно ниспровергалъ всѣ опоры, которыми еретики надѣялись удержаться въ умахъ современнаго общества. Кому казались правдоподобными софистическія доказательства аріанскихъ учителей, тотъ могъ въ сочиненіяхъ св. Аѳанасія найти рѣшительныя опроверженія на нихъ, основанныя на истинныхъ началахъ діалектики, могъ тѣмъ же путемъ умственнымъ дойти до убѣжденія совершенно противнаго, на которое указываетъ самъ Святитель, т. е. что ересь аріанская, въ противоположность съ православнымъ ученіемъ, «не имѣетъ въ себѣ ничего даже разумно-основательнаго (*εὐλογον*)»⁽⁸⁷⁾. Люди, находившіеся въ опасности увлечься доказательствами Аріанъ, аимствованными изъ Св. Писанія, могли видѣть въ сочиненіяхъ св. Аѳанасія безчисленныя свидѣтельства Слова Божія или, лучше сказать, могли видѣть истинный смыслъ всего Св. Писанія, и основательно убѣдиться, что «эти слѣпые вожди—Аріане—напрасно ссылаются на божественныя изреченія, которыя обличаютъ ихъ самихъ»⁽⁸⁸⁾; что самое употребленіе такого рода доказательствъ съ ихъ стороны «есть не что иное, какъ святотатственное злоупотребленіе»⁽⁸⁹⁾! Когда-же глубокомысленный защит-

⁽⁸⁶⁾ Or. I. c. 1. et 8.

⁽⁸⁷⁾ Or. I. c. 1.

⁽⁸⁸⁾ Ibidem cap. 52 et 53.

⁽⁸⁹⁾ Orat. III. cap. 1. et 17.

никъ православія поставлялъ еретическую мысль предъ лице всей Христіанской вѣры и самымъ очевиднымъ образомъ доказывалъ, что эта мысль, выдавая себя за Христіанскую, прямо стремится разрушить Христіанство во всемъ его составѣ; тогда что должны были чувствовать души, сколько-нибудь озаренныя Христіанскою вѣрою? Что должно было происходить въ сердцахъ Христіанъ—современниковъ Святителя, Христіанъ четвертаго вѣка, для которыхъ была еще свѣжа кровь мучениковъ, пролитая за имя Христово, которые были столь близкими свидѣтелями торжества Христіанской религіи надъ суевѣріемъ языческимъ, для которыхъ Христіанская вѣра составляла самое драгоценное сокровище души, самую жизнь ихъ благочестиваго духа?... Они, безъ сомнѣнія, живо и глубоко чувствовали то, что выразилъ за нихъ самъ Святитель Аѳанасій: «узнавши эту ересь, нельзя не сказать, что она горьче самой смерти (*πικροτέρα ὑπὲρ θάνατον εἶναι*)⁽⁶⁰⁾». Однимъ словомъ, пастырскія убѣжденія св. Аѳанасія противъ Аріанъ, выраженныя съ необыкновенною силою, рѣдкимъ краснорѣчіемъ и обиліемъ, всею своею совокупностію и въ томъ искреннемъ и непринужденномъ видѣ, въ какомъ онѣ вылились изъ святой и пламенной души его, должны были производить на сердца внимательныхъ читателей необыкновенно-сильное дѣйствіе, ко благу Христіанской Церкви. Посему-то опытные цѣнители отеческихъ писаній не находятъ довольно словъ, чтобы вполне выразить достоинство про-

⁽⁶⁰⁾ Athan. Epist. ad Monach. c. 2.

тиву—аріанскихъ твореній св. Аѳанасія: «полемическія сочиненія его, говоритъ блаженный Фотій о рѣчахъ его противъ Аріанъ, исполнены остроумія и глубины, силы въ доказательствахъ и обилія, подлинно удивительнаго. Въ нихъ нѣтъ той сухости и вялости мыслей, какія свойственны отрокамъ и юношамъ, желающимъ казаться мудрыми мужами; но все въ нихъ дышетъ истинною философіею и величіемъ, во всемъ видно единство въ разнообразіи и разнообразіе въ единствѣ. Съ доказательствами, заимствованными имъ изъ Св. Писанія, ничто не можетъ сравниться и вообще, одни эти книги суть полный трофей побѣды надъ ересію аріанскою. Если даже кто-нибудь скажетъ, что Григорій Богословъ и божественный Василій отсюда, какъ изъ обильнаго источника, почерпали свои стремительные и чистые потоки словъ противъ той же ереси; то, по моему мнѣнію, скажетъ не несправедливо (61)». Св. Кириллъ Александрійскій еще прежде Фотія сказалъ: «приснопамятный Отецъ нашъ Аѳанасій, сорокъ шесть лѣтъ украшавшій кафедру Александрійской Церкви, съ непобѣдимую и по истинѣ Апостольскою мудростію противостоялъ хитрымъ и нечестивымъ вымысламъ еретиковъ и своими писаніями,

(61) Phot. Bibliothec. cod. 140. Справедливость послѣднихъ словъ Фотія легко видѣть, если сравнить съ рѣчами св. Аѳанасія противъ Аріанъ *первыя четыре слова о Богословіи* св. Григорія Назіанзена и *первыя двѣ книги* противъ Евноміанъ св. Василія В. Есть въ нихъ много и различія потому, что св. Григорій и Василій В. писали уже не противъ прежнихъ Аріанъ, но больше противъ Аеціанъ и Евноміанъ, которыхъ системы имѣли свои особенности.

какъ бы цѣлительнымъ бальзамомъ , оживлялъ всю поднебесную (*κατεσφραίνων τὴν ὑπ' οὐρανῶν*) ⁽⁸²⁾ в.

Но не однимъ опроверженіемъ ложнаго ученія еретиковъ ограничиваются заслуги св. Аѳанасія для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ. Опровергая ересь , Онъ въ тоже время оказалъ прямыя заслуги для Христіанскаго ученія о лицѣ Господа нашего І. Христа. Конечно , не новую или ~~неслышанную~~ истину проповѣдывалъ Святитель, но какъ сама Церковь Христова не изобрѣтаетъ вновь чего-нибудь въ предметахъ вѣры и благочестія, преподанныхъ ей Божественнымъ Учителемъ и хранимыхъ ею, не нововодно, такъ и Отецъ православія защищалъ истину , которая искони жила въ Христіанской Церкви. Но эта истина, таившаяся до толѣ во глубинѣ души св. Аѳанасія такъ же , какъ и всѣхъ истинныхъ членовъ христіанской Церкви, по поводу возникшей ереси, открылась въ сочиненіяхъ его предъ всѣми въ такомъ блистательномъ свѣтѣ, съ такою убѣдительностію, ясностію и непреодолимою отчетливостію, какихъ и тогда можно было ожидать не отъ всѣхъ и каждаго. Подъ мудрымъ перомъ Святителя самый догматъ, возвышенный и непостижимый, такъ сказать, приближается къ слабымъ понятіямъ человѣческимъ, и тѣ, во что прежде только вѣровали, теперь пріемлютъ съ отчетливымъ и полнымъ убѣжденіемъ; тѣ, что прежде удовлетворяло одной благочестивой потребности внутренняго религіознаго чувства,

(82) Epist. ad Presb. Diac. et Patr. Monach. Vid. in Actis Synod. Ephes. 1. c. 1.

теперь могло удовлетворять и другой благородной потребности современниковъ Святителя—потребности благоразумнаго изслѣдованія истины ⁽⁶³⁾. Подлинно, тогда ничто не могло принести столько существенной пользы уму и сердцу вѣрующихъ, какъ сильное углубленіе въ догматы вѣры и спасенія и возможно-полное раскрытіе, объясненіе и подтвержденіе Богооткровеннаго ученія, при пособіи средствъ доступныхъ и близкихъ людямъ образованнымъ. И въ этомъ-то отношеніи св. Аѳанасій возвысился надъ всѣми своими современниками, былъ истиннымъ представителемъ лучшей части христіанскаго общества въ четвертомъ вѣкѣ, и, какъ *пастырь добрый*, питалъ души и другихъ вѣрующихъ тою *твердою пищею*, которой требовали они отъ православныхъ служителей Христовой Церкви. Онъ раскрылъ догматъ о Божествѣ Спасителя со всею ясностію и точностію, сколько это возможно для одного

(63) О такомъ направленіи умовъ, коему способствовали высокое просвѣщеніе въ римской имперіи, миръ Церкви извнѣ и пр., свидѣтельствуетъ исторія. Аріане не только пользовались имъ, но и доводили до крайности, до *блженства* (выраженіе св. Григорія Наз. въ Похв. Слов. св. Аѳан.), на что сильно жалуются христіанскіе пастыри 4-го вѣка. См. первое слово о Богословіи св. Григорія Наз., *Orat. de Deitate Fil. et Spir. S. T. III. fol. 466.* Григорія Нисскаго и др. Послѣдній говоритъ (*loco cit.*): «приходите вы въ какую-нибудь лавку и спрашиваете, чего стобить такая-то вещь? Лавочникъ тотчасъ начинаетъ разсуждать о рожденномъ и нерожденномъ. Вы говорите: сколько оболовъ нужно за этотъ кусокъ хлѣба, и въ отвѣтъ слышите: Отецъ больше или Сынъ?—Спрашиваете: готова ли ванна? вамъ отвѣчаютъ: Сынъ Божій сотворенъ изъ ничего...» Подобное же говоритъ и Сократъ in *Histor. Eccl. L. II. c. 2.*

изъ таинственныхъ догматовъ христіанскаго вѣроученія, пояснилъ предметъ вѣры всѣмъ, что только можетъ пояснять его, и наконецъ доказалъ такъ несомнѣнно, какъ несомнѣнно для всѣхъ бытіе природы внѣшней, бытіе Св. Писанія, бытіе всей христіанской религіи ⁽⁶⁴⁾. Посему-то св. Церковь, прославляя по достоинству заслуги святыхъ своихъ, воспѣваетъ въ честь св. Аѳанасія: «губительныя ереси вся, Отче, изблжилъ еси словесы и писаньми, различную лесть изгоняя мудрыми показаньми изъ вселенныя, уясняя не воспротивословилъ православную вѣру», и «православія насадивъ ученія, злославія терніе изсѣклъ еси, умноживъ стѣмя вѣры одожденіемъ духа, преподобне ⁽⁶⁵⁾». Правда, нашъ Святитель имѣлъ свой взглядъ на нѣкоторыя истины христіанской религіи, какого во всей полнотѣ не встрѣчается у предшествовавшихъ и послѣдующихъ Отцевъ и учителей Церкви (напр. на отношеніе Слова Отцаго ко всему существующему): но этотъ частный взглядъ, глубокій, строгій и необыкновенно-высокій, облегчая для него самаго опроверженіе мыслей аріанскихъ-еретическихъ, въ тоже время проливаетъ большой свѣтъ

⁽⁶⁴⁾ Ученые критики находятъ у св. Аѳанасія не только новыя поясненія догмата о божественномъ достоинствѣ Спасителя, но и многіе новые термины, которые послѣ сдѣлались догматическими для выраженія отношенія Сына Божія къ Богу — Отцу, напр. *ταυτότος, τοιοῦτος ὁλος Πατήρ, ἴδιος τοῦ Πατρὸς* и др. — *Dorner's Entwicklungsgesch. der Lehre von der Person Christi in erst. 4-er Jahrh. 1845. Th. 2. S. 898* и др. Всѣ сіи термины выставлены нами въ подлинникѣ при самомъ изложеніи.

⁽⁶⁵⁾ Мѣсяч. Миц Генв. 18. Стихир. Канон. глѣсм. 5, и Коздакъ.

на догматъ православный и, что всего важнѣе, ведетъ читателей къ тому же заключенію, которымъ вѣнчается вся борьба Святителя съ Аріанами, ведетъ къ убѣжденію въ истинѣ Богооткровеннаго ученія, опредѣленнаго на Никейскомъ Соборѣ св. Отцами всей вселенской Церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, весь рядъ разнообразныхъ мыслей св. Аѳанасія, изъ которыхъ состоитъ рѣшеніе оспориваемой еретиками истины и опроверженіе ихъ ложнаго ученія, въ существѣ своемъ есть не что иное, какъ подробное изложеніе и доказательство одного члена Никейскаго Символа: «вѣруемъ и во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, рожденнаго отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, имъ же вся быша,» или точнѣе сказать, есть обширное раскрытіе понятій или словъ, внесенныхъ въ символъ Отцами вселенскаго Собора прямо противъ аріанской ереси. Опровергая положительное ученіе Аріанъ о лицѣ І. Христа, Святитель внушаетъ, что Сынъ Божій *рожденъ, не сотворенъ*; доказывая истину ученія православнаго и опровергая возраженія своихъ противниковъ, онъ защищаетъ мысль, выраженную словами: *изъ сущности, единосущна Отцу*. Подлинно, здѣсь нельзя не узнать въ немъ того мужа, который самъ присутствовалъ въ знаменитомъ сонмѣ Святителей, собравшихся вмѣстѣ на защиту истины противъ опаснѣйшихъ враговъ православія, — который глубоко усвоилъ себѣ то, что богопросвѣщенные 318-ть Отцевъ высказали въ своемъ символѣ, какъ

догматъ постояннаго и всеобщаго преданія Церкви,— который вѣрно хранилъ слова ихъ, какъ священный завѣтъ, долженствующій быть неизмѣннымъ правиломъ при всѣхъ изслѣдованіяхъ истины, предпринимаемыхъ по требованію различныхъ обстоятельствъ и нуждъ Христіанской Церкви! Въ этомъ—то смыслѣ полного и совершеннаго согласія съ вѣрою вселенскою, безъ сомнѣнія, надобно понимать тѣ необыкновенные отзывы которыхъ удостоиваютъ св. Отца св. Григорій Богословъ и Кириллъ Александрійскій: «догматы его, говоритъ первый, суть законъ для православія (*νόμον ὀρθοδοξίας τὰ ἐκείνου δόγματα*)» ⁽⁶⁶⁾. «Сей мужъ, говоритъ о св. Аѳанасіѣ Кириллъ Александрійскій, по истинѣ достоинъ того, чтобы всякой смѣло слѣдовалъ ему въ вѣрѣ; Онъ не говорилъ ничего не согласнаго съ Божественнымъ Писаніемъ: ибо какъ могъ отступить отъ истины (*πὼς ἂν ἁμάρτοι τἀληθοῦς*) тотъ знаменитый и преславный мужъ, который былъ предметомъ удивленія даже на святомъ и великомъ Соборѣ Никейскомъ» ⁽⁶⁷⁾?...

⁽⁶⁶⁾ Похвальн. слов. св. Аѳан. Велик.—въ Твор. св. Отц. Год. 1. Том. 2. стр. 212.

⁽⁶⁷⁾ Epist. ad Presb. Diac. et Patr. Monachorum, V. in Actis. Synod. Ephes. 1. c. 1.

Часть вторая.

Вѣра Никейскаго Собора есть вѣра Церкви Каѳолической; сію вѣру изложили на письмѣ блаженные Отцы, осудившіе ересь аріанскую. За сіе-то, а не за одни слова и выраженія Аріане всячески противятся Никейскому Собору!

Св. Аѳанасій—въ посланіи объ опредѣленіяхъ Ник. Собора, въ гл. 27-й.

Изобразить историческія заслуги св. Аѳанасія въ борьбѣ съ аріанствомъ—значитъ изложить почти всю жизнь Святителя. Не много въ исторіи можно найти лицъ, которыхъ дѣйствія и всѣ обстоятельства жизни были бы столь разительно сосредоточены на одномъ дѣлѣ, какъ это было у великаго Святителя Александрійскаго; еще менѣе можно встрѣтить мужей, которые съ такою же вѣрностію выдержали бы себя въ своей продолжительной дѣятельности и поступали бы съ такою послѣдовательностію, единствомъ и непреклонностію для достиженія цѣли, однажды ими принятой. Пламенѣя любовію къ св. Церкви Христовой, подвергавшейся опасности отъ упорнѣйшихъ и злыхъ еретиковъ, почитая дѣло ея какъ бы своимъ собственнымъ, и всегда будучи готовымъ принести себя въ

жертву за благо Церкви, св. Аѳанасій въ продолженіи всего своего пастырскаго служенія не искалъ ничего, кромѣ блага Церкви, а въ аріанахъ видѣлъ только то, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, т. е. враговъ Церкви и ея православія. Оттого-то вся жизнь его отъ юности до глубокой старости была почти непрерывною борьбою съ Аріанами; потому и всѣ многочисленныя и разнообразныя средства прельщенія, которыми располагали они, всѣ сильные земли, кѣторыхъ еретики успѣвали привлекать на свою сторону, были правда великими препятствіями для осуществленія благихъ намѣреній Святителя, но препятствіями не сокрушавшими, а только поддерживавшими и укрѣплявшими его неутомимо-ревностную дѣятельность! Вмѣстѣ съ тѣмъ, святой защитникъ православія соединялъ удивительную мудрость практическую,—эту рѣдкую способность проникать въ сущность дѣлъ самыхъ запутанныхъ и вести ихъ такъ, какъ требовала возвышенная цѣль его,—это благоразуміе и неизмѣнное присутствіе духа, которыхъ не могли поколебать обстоятельства самая затруднительныя и опасности самая близкія,—эту евангельскую *мудрость змія* (при цѣлости голубя Мат. 10, 16), съ которою человѣкъ умѣетъ не только укрываться и спасать себя одного, но поражать самихъ враговъ и спасать отъ нихъ — ближнихъ своихъ. Столь высокія пастырскія добродѣтели св. Аѳанасія, чудно совокупленныя Промысломъ Божиимъ въ одномъ лицѣ его, не могли не принести плодовъ достойныхъ и обильныхъ, и дѣйствительно сопровождались важными послѣдствіями для блага Церкви Божіей, по мѣрѣ того

какъ представлялись поводы къ тому—въ борьбѣ Святителя съ еретиками—Аріанами (1).

Св. Аѳанасій, можно сказать, такъже великъ въ началѣ своего поприща, какъ и при концѣ его. Въ достославномъ и единственномъ собраніи пастырей вселенской Церкви въ городѣ Никей—куда прибылъ онъ вмѣстѣ съ епископомъ своимъ Александромъ въ званіи діакона, имѣя 30 лѣтъ отъ роду — Святитель нашъ въ первый разъ открыто выступилъ противъ враговъ вѣры и — сначала въ предварительныхъ совѣщаніяхъ и преніяхъ, потомъ въ торжественномъ засѣданіи 318-ти Епископовъ предъ лицомъ самаго императора Константина великаго, съ особенною славою защищалъ догматы Божества Иисусъ-Христового противъ ересеначальника Арія и его приверженцевъ. Достоверно неизвѣстно, чѣмъ именно св. Аѳанасій заслужилъ славу *перваго защитника пра-*

(1) Заслуги св. Аѳанасія открываются изъ 1) *собственныхъ сочиненій его*, изъ коихъ относятся сюда: а) *Historia arianorum ad monachos*, б) *Apologia contra Arianos*, в) *Apologia ad Constantium imperatorem*, г) *Apologia de fuga sua*, е) *Encyclica ad Episcopos epistola*, ф) *Epistola ad Afros*, г) *Epistola ad Rufinianum*, h) *De Synodis*, и) *De morte Arij* и др: сочиненія сіи наполнены подлинными актами Соборовъ, письмами частныхъ лицъ и другими важными памятниками, свидѣтельствующими о тогдашнемъ положеніи дѣлъ церковныхъ. 2) Изъ *Церковной Исторіи* Сократа, Созомена, Θεодорита и Руффина; 3) краткаго, но многообъемлющаго *Похвильнаго слова* Аѳанасію Вел.—св. Григорія Назіанзена. 4) Сочиненій *новѣйшихъ* писателей: *Валхія* (*Walch's Entwurf. einer vollständigen Historie der Ketzerien u. s. v. Theil. 2*), *Монтфокона* (*vita S. Athanasii*), *Маймбурга* (*Histoire de l'arianisme*), *Мѵллера*, *Берингера* (указ. въ 1-й части сочин.) и нѣкот. другихъ.

вославія на Никейскомъ Соборѣ: по что онъ дѣйстви-
тельно много сдѣлалъ тогда для Церкви Божіей, это
не подлежитъ сомнѣнію и подтверждается во *первыхъ*
свидѣтельствомъ современныхъ историковъ: упоминая
о многихъ противникахъ ереси, съ честію подвизав-
шихся за древнюю вѣру на Соборѣ Никейскомъ, они
называютъ по имени одного Аѳанасія, діакона Але-
ксандрійскаго, и его особенно превозносятъ похвала-
ми ⁽²⁾; во *вторыхъ* видно изъ того вліянія, какое имѣлъ
Соборъ на дальнѣйшую судьбу Святителя: «тогда-то,
прибавляютъ историки, онъ сдѣлался извѣстнымъ Им-
ператору и навлекъ на себя ненависть послѣдователей
Арія» ⁽³⁾,—ненависть жестокою и непримиримую, воз-
раставшую съ теченіемъ времени всё болѣе и болѣе и
не прекращавшуюся до самой смерти св. Аѳанасія. Кто

(2) Socrat. Hist. Eccl. l. 1. c. 8... τούτοις δὲ γενναίως ἀντηγωνίζετο
'Αθανάσιος, διάκονος μὲν τῆς 'Αλεξανδρείων ἐκκλησίας... Sozom. Н. Е. L. I.
с. 17... πλείστον εἶναι ἔδοξε μέρος τῆς περὶ ταῦτα βουλήs... Григорій Бо-
гословъ въ Похв. Слов. Ав. (Твор. св. Отц. Г. 1. Т. 2. стр. 187) го-
воритъ: «на святомъ Соборѣ въ Никеи, среди сего числа избранныхъ
мужей, которыхъ Духъ Святый собралъ во едино, онъ, сколько за-
висѣло отъ него, прекратилъ нелугъ: и хотя не былъ еще возве-
денъ въ санъ Епископа, однако же удостоенъ первенства между со-
бравшимися; ибо добродѣтель уважалась не менѣе степеней». V.
item. Theodoret. Н. Е. L. I. с. 8 и 26. Ruffin. Н. Е. L. I. с. 14.
Euseb. de vit. Constant. L. III. с. 9. Cyr. Alex. Ep. 1. ad mon. Aeg.
Впрочемъ сочиненіе: Διάλογος 'Αθανασίου ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν συνόδῳ πρὸς
'Αρειον—считается подложнымъ и недостойнымъ св. Аѳанасія—Athan.
opp. edit. Montfauc. Tom. III. pag. 205. .

(3) Socr. Н. Е. L. I. с. 8... διὰ καὶ φθόνος ὠκλήσατο κατ' αὐτὸν Soz.
Н. Е. L. I. с. 17. Athan. Apol. con. 'Arian. с. 6.

больше противится, на того, конечно, и нападаютъ больше!

Соборъ Никейскій совершилъ великое дѣло и сопровождался важными послѣдствіями для всего міра Христіанскаго. Присутствовавшіе на немъ св. Отцы точнымъ образомъ опредѣлили и голосомъ всей Церкви вселенской утвердили ученіе объ истинномъ и единосущномъ Отцу Божествѣ Сына Божія, а противное ему ученіе Аріанское подвергли осужденію и проклятію. Возвращаясь къ своимъ паствамъ, они всюду разносили единодушное рѣшеніе Собора, какъ несомнѣнное изволеніе самаго Духа Божія, и внушали всѣмъ вѣрующимъ, что противиться Собору Никейскому — значило бы противиться всей Церкви и отвергать древнюю вѣру православную. Казалось, теперь должны были совершенно миноваться внутреннія смятенія, произведенныя Аріанскою ересью, такъ же скоро, какъ и распространились онѣ въ христіанскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что главные виновники ихъ, ересеначальникъ Арій, Секундъ и Θεона, — Епископы Птолемаидскій и Ливійскій, Евсевій Никомидійскій, Маринъ Халкидонскій и Θεогнисъ Никейскій, по волѣ благочестиваго Императора, сосланы были въ заточеніе по различнымъ областямъ Римской имперіи (*). Но вскорѣ враги вѣры, замолкшіе на время, нашли путь снова дѣйствовать на погибель душъ христіанскихъ, подобно разрушительному пламени, затаившемуся подъ пепломъ и потомъ

(*). Socrat. H. Eccl. L. I. c. 9. Athan. de Synod. c. 5 и 40. Apol. contr. Ar. c. 23. Sozom. L. I. c. 19 и 20.

снова возгорающемуся, чтобы произвести еще большее опустошеніе. Константинъ великій, тронутый мольбами умиравшей сестры своей Констанціи, принялъ въ свою довѣренность одного ея пресвитера, преданнаго Арію, и виявши льстивымъ рѣчамъ его о невинности и (мнимомъ) православіи ересеначальника, позволилъ сему послѣднему прибыть въ столицу изъ мѣста заточенія (изъ Иллирии). Аріій явился къ Императору съ видомъ человѣка, рѣшившагося оставить свое заблужденіе и, предложивъ въ доказательство свѣдѣнія своего православія исповѣданіе вѣры, въ которомъ ученіе о лицѣ І. Христа излагалось въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ и по видимому согласовалось съ символомъ Никейскимъ, униженно просилъ ходатайствовать за него предъ Церковію. Мирюлюбивый Императоръ съ удовольствіемъ видѣлъ желаніе мира въ самомъ виновникѣ неслыханнаго дотолѣ волненія внутри стада Христова и писалъ ко многимъ Епископамъ, чтобы они допустили Арія къ общенію съ Церковію, если найдутъ его достойнымъ того, и простили ему прошедшую вину ради настоящаго раскаянія (*). Еще не рѣшено было дѣло Арія, какъ Евсевій Никомидійскій, Маринъ Халкидонскій и Θεогнисъ Никейскій, услышавъ о снисходительности Императора къ ересеначальнику, прислали въ Константинополь (изъ Галліи, въ 329 г.) на имя православныхъ Епископовъ смиренное посланіе, въ которомъ выставляли себя совершенно единомысленными съ ними и, будто бы желая не столько возвратиться

(*) Socr. L. I. c. 25. 26. Soz. L. I. c. 27. Ruff. H. E. L. I. c. 5.

изъ ссылки, сколько избавиться отъ подозрѣнія въ ереси, просили принять ихъ въ церковное общеніе. По проискамъ сильной партіи, защищавшей ихъ въ столицѣ, просьба имѣла свое дѣйствіе и—жесточайшіе враги Церкви получили обратно свои кафедры, на которыхъ были уже поставлены Епископы православные ⁽⁶⁾. Возвратившись въ свои епархіи они сняли съ себя личину смиренія и начали дѣйствовать въ пользу аріанства подъ предводительствомъ коварнѣйшаго и изобрѣтательнѣйшаго изъ нихъ Никомидійскаго Епископа—Евсевія (по имени его *Ariane* стали называться съ того времени—*Евсевіанами*). Первый изъ православныхъ, на кого сдѣлано нападеніе, былъ епископъ Антиохійскій Евстаѳій, знаменитый тогда своимъ благочестіемъ, также глубокимъ умомъ и сильнымъ краснорѣчіемъ, которыми исполнены были обличительныя рѣчи его противъ аріанскихъ заблужденій. Приверженцы Евсевія составили въ Антиохіи въ 330 году Соборъ, обвинили мѣстнаго Епископа въ разныхъ небывалыхъ преступленіяхъ, низложили съ престола и изгнали изъ города вмѣстѣ съ многими пресвитерами и діаконами, искренно привязанными къ своему пастырю ⁽⁷⁾. Участь Евстаѳія постигла и другихъ предстоятелей Церкви, ревностно старавшихся остановить въ своихъ епархіяхъ распространеніе мыслей еретическихъ, какъ-то: Евтропія Епископа Адрианопольскаго,

(6) Sozom. H. Eccl. L. II. c. 16. Socr. H. E. L. I. c. 14.

(7) Athan. Hist. Arian. ad monach. c. 4. Socrat. H. E. L. I. c. 24. Theodor. H. E. L. I. c. 21 и Hieronym. cont. Inf. L. III. c. 11.

Діодора Епископа Малої Азії, Кимаса Палтійскаго, Кимаса Тарадскаго, Асклепу Газскаго, Кира Берійскаго въ Сиріи, Домніона Сирмійскаго и Гелланика Триполійскаго. Одни изъ нихъ были обвинены въ савелліанизмъ за то, что приняли и защищали слово *μονοθεῖας* которое столь рѣшительно употреблено на Никейскомъ Соборѣ противъ Арія; другимъ приписаны тяжкія преступленія противъ нравственности и общественнаго спокойствія; одни лишились своихъ мѣстъ и свободы по опредѣленію соборовъ аріанскихъ, другіе—частнымъ образомъ при содѣйствіи свѣтской власти, и—Епископскія мѣста, оставшіяся праздными послѣ несправедливо осужденныхъ и низложенныхъ, были отданы людямъ аріанствующимъ или по крайней мѣрѣ такимъ, которые не противились намѣреніямъ Арія и Евсевія (*). Весь востокъ пришелъ въ смятеніе и ужасъ, видя знаменитѣйшихъ поборниковъ православія въ изгнаніи и униженіи; никто не смѣлъ противостать дерзкимъ говителямъ; никто не могъ и надѣяться вести съ успѣхомъ борьбу съ сильными и уже многочисленными еретиками... Тогда—то великій Епископъ Александрійскій Аѳанасій непреклонно сталъ за истину противъ вновь усилившагося аріанства, котораго слѣды онъ старался всѣми пастырскими мѣрами истреблять въ своей митрополіи съ самаго восшествія своего на престолъ св. Марка (†). Арій, еще находившійся подъ прокля-

(*) Socr. H. Eccl. L. I. c. 24. Theodor. L. I. c. 20.

(†) Чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ Никейск. Собора св. Александръ Александрійскій скончался, завѣщавъ избрать преемникомъ

тѣмъ вселенскаго Собора и оттого не могшій дѣйствовать съ полною свободою, домогался общенія съ Церковію Александрійскою, къ которой онъ принадлежалъ по мѣсту своего прежняго служенія: но св. Аѳанасій, зная за-подлинно упорство его въ ереси и злонамѣренность притворнаго обращенія, и понимая, что принять главу еретиковъ въ Церковное общеніе значить—какъ бы одобрить самую ересь и всѣ ея послѣдствія, отвергъ Арія, какъ недостойнаго. Тщетно Евсевій, отъ своего лица и отъ лица Царскаго, просилъ Аѳанасія открыть храмы свои бывшему пресвитеру Александрійскому: вѣрный долгу своему Святитель отвѣчалъ, что онъ никогда не станетъ поступать вопреки Никейскому Собору. Гордый Евсевій угрожалъ чрезъ своихъ посланныхъ употребить все свое вліяніе при Дворѣ и на востокѣ противъ того, кто противится его желанію ⁽¹⁰⁾: мужественный Архипастырь Египта не только не изъявилъ согласія, но и вызвалъ изъ пустыни св. Антонія, чтобы обличить еретиковъ, на стогнахъ Александрійскихъ предъ народомъ, благоговѣвшимъ предъ великимъ Отцемъ отшельниковъ. Пустынный старецъ явился на шумномъ торжищѣ Египетской столицы и во услышаніе всѣхъ призналъ Арианъ недостойными об-

себѣ св. Аѳанасія; Александрійскіе граждане единодушно и охотно выполнили завѣщаніе и—первою заботою новаго Архипастыря было—обозрѣть Церкви Оиваиды (около 327 года), гдѣ Ариане и Мелетіона производили большія безпокойства и колебали вѣру простодушныхъ. Vid. in Vita Pachom. apud. Bolland. ad diem 14 Maii.

⁽¹⁰⁾ Sozom. H. Eccl. L. II. c. 18... *εἰ δὲ ἀπειθήσει, καθὼς αὐτὸν ποιήσει ἀγρόφως ἀπέλει...* Soerat. H. E. L. I. c. 23. 27.

щенія церковнаго; священный видъ его и вдохновенная рѣчь утвердили въ вѣрѣ малодушныхъ и обратили многихъ къ православію даже изъ язычниковъ ⁽¹¹⁾. Евсевіане, потерявъ надежду ввести Арія въ общество вѣрующихъ средствами прямыми, прибѣгли къ средствамъ достойнымъ себя-къ проискамъ и клеветѣ. Они вошли въ сношеніе съ *Мелетіанами*, давнишними врагами всего клира Александрійскаго ⁽¹²⁾ и, внушивъ имъ свой образъ мыслей касательно основнаго догмата христіанской вѣры, склонили ихъ дѣйствовать заодно противъ св. Аѳанасія. Трое довѣренныхъ отъ Мелетіанъ-Исіонъ, Евдемонъ и Каллиникъ прибыли въ Константинополь и довели Императору, что Архіепископъ Александрійскій одинъ виновенъ во всѣхъ смутахъ церковныхъ, — онъ заграждаетъ путь желающимъ общенія съ Церковію, хотя самое это желаніе уже ручается за ихъ православіе, и если бы не онъ, то всякое раздѣленіе въ Церкви давно бы прекратилось. Евсевіане всѣми силами поддерживали своихъ союзниковъ и, подтвердивъ кле-

⁽¹¹⁾ Hieron. Epist. 33 ad Castr. Athanasii— Vit. Sanct. Anton. c. 69 et 70. Montfaucon. in Vita S. Athan. pag. 20.

⁽¹²⁾ *Мелетій*, Епископъ Ликополиса (въ Оивандѣ) былъ признанъ недостойнымъ званія на Александрійскомъ Соборѣ при св. Петрѣ Епископѣ Александрійскомъ, за жертвоприношеніе идоламъ во время гоненія Діоклитіанова; но не подчиняясь рѣшенію Собора продолжалъ совершать богослуженіе, посвящать пресвитеровъ и даже Епископовъ и проч. Никейскій Соборъ, занимавшійся и этимъ дѣломъ, положилъ на время конецъ раздѣленію Церкви Египетской: но никто Іоаннъ Аркафъ, рукоположенный Мелетіемъ, опять началъ расколъ *Мелетіанскій*, отторгшись отъ законнаго Архіепископа своего—Александрійскаго. Ath. in Apol. c. Ag. c. 59.

веты ихъ, убѣдили Императора послать къ Аѳанасію грозное письмо, въ которомъ Пастырю Александрійскому, подъ опасеніемъ низверженія съ престола и изгнанія изъ города, повелѣвалось принимать въ общеніе всѣхъ, кто будетъ домогаться этого. Но святой поборникъ православія не поколебался. Съ увѣренностію въ справедливости своихъ дѣйствій и съ рѣшительностію истиннаго пастыря Христова—онъ отвѣчалъ Императору: «ересь возстающая на І. Христа, не можетъ быть въ общеніи съ православною Церковію..; люди, изобрѣтшіе ересь, явно противящіеся истинѣ и анаѳематствованные Соборомъ вселенскимъ—быть приняты не могутъ (13)». Императоръ приведенъ былъ въ недоумѣніе. Не довѣряя Евсевию и Мелетіанамъ, усердно расточавшимъ новыя клеветы на святую жизнь Александрійскаго Епископа (14), онъ вторымъ письмомъ просилъ св. Аѳанасія къ себѣ въ Никомидію. При личномъ свиданіи въ предмѣстіи сего города Святитель доказалъ предъ Императоромъ совершенную свою невинность и объяснилъ подлинную причину дѣйствій своихъ въ отношеніи къ ересеначальнику; Константинъ великій, съ честью проводивъ его изъ Никомидіи, пи-

(13) Apolog. cont. Arian. с. 59 и 60. Socrat. H. E. L. 1 с. 27. и Soz. L. II. с. 22.

(14) Клеветы состояли въ томъ, будто св. Аѳанасій жестоко обращается съ своею паствою, будто обложилъ Египтянъ небывалою податію, именно принуждалъ ихъ доставлять себѣ льняные стихари, будто недавно отправилъ ящикъ золота Филумену мятежнику, домогавшемуся императорскаго престола. Athanas. Apol. cont. Ag. с. 60 и 61.

самъ къ Александрійской паствѣ: «я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ Епископомъ вашимъ—Аѳанасіемъ, и въ бесѣдѣ съ нимъ увидѣлъ, что онъ по истинѣ *человѣкъ Божій*... Признаю справедливость его дѣйствій, направленныхъ единственно (*διαπαντός*) ко благу Церкви, и надѣюсь, что Его пастырскія попеченія, вмѣстѣ съ моими миролюбивыми мѣрами, сохранятъ сокровище спасительной вѣры ⁽¹⁵⁾»... Такой оборотъ дѣла, унижательный для враговъ Святителя, долженъ былъ вразумить ихъ или по крайней мѣрѣ сдѣлать осторожными. Въ самомъ дѣлѣ Мелетіане на нѣсколько времени успокоились; но Аріане, главные виновники всѣхъ замысловъ, не хотѣли остановиться на половинѣ: они не могли предпринять ничего рѣшительнаго, находились въ большемъ или меньшемъ опасеніи, пока глава ихъ—Аріій не допущенъ къ единенію съ Церковію Александрійскою, а Епископская власть въ сей знаменитѣйшей въ то время Церкви принадлежитъ мужу съ такимъ духомъ и такою ревностію на защиту православія ⁽¹⁶⁾. Не достигнувъ цѣли своими средствами частными и происками тайными, они рѣшились теперь дѣйствовать противъ своего великаго противника силами совокупными и средствами болѣе открытыми—на Соборахъ. Въ 333-мъ году, св. Аѳанасій получилъ отъ одного

(15) Ibidem. cap. 62.

(16) . . . και φοβούμενοι τὴν ὀρθοδοξίαν αὐτοῦ καὶ τὴν κατὰ τῆς ἀσθεβείας καράσασιν, πάντα τρόπον ἐπεβούλευον καὶ συνεσχεβάσαντο τῷ ἀνδρὶ . . . говорятъ Епископы Египта, Оиваиды, Ливіи и Пентаполя въ окружномъ посланіи ко всей Церкви. V. Athanas. p. 19 et 20.

Константинопольскаго чиновника (Далмація) письмо, въ которомъ, отъ имени императорскаго, приглашали его явиться въ *Кесарію Палестинскую*, гдѣ нѣсколько Епископовъ собрались для сужденія о нѣкоторыхъ важныхъ преступленіяхъ Епископа Александрійскаго, дошедшихъ до ихъ свѣденія: но св. Аѳанасій, справедливо не довѣряя содержанію письма, присланнаго изъ Антиохіи, и считая всѣ обвиненія одной пустою клеветою, въ которой нѣтъ нужды оправдываться столь торжественно, спокойно остался въ своемъ городѣ и— Соборъ Кесарійскій не состоялся (17). Черезъ два года тѣже аріанскіе Епископы собрались подъ благовиднымъ предлогомъ въ городъ Тиръ и, представивъ всѣ прежнія и нѣсколько новыхъ ложныхъ обвиненій на Свят. Аѳанасія, требовали, чтобы онъ явился къ нимъ для оправданія (18). Хотя предстать на судъ такого скопища значило явиться предъ лице явныхъ враговъ своихъ, потому что здѣсь Мелетіане были обвинителями, а Евсевіане — судіями; но такъ какъ на сей разъ самъ Константинъ великій подлиннымъ письмомъ далъ знать

(17) Montfaucon in vita S. Athanas. p. 19 et 20.

(18) Обвиненія состояли въ томъ, будто св. Аѳанасій вступилъ на кафедру Александрійскую противъ воли тамошняго клира; будто, по его приказанію, Александрійскій пресвитеръ Макарій разбойнически вторгся въ Церковь одного (самозваннаго) Марсютскаго священника Исхирана, сокрушилъ чашу съ св. Дарами, сжегъ церковныя книги и пр., будто Епископъ Ликопольскій Арсеній (скрывавшійся въ одномъ монастырѣ по страху наказанія за нѣкоторыя преступленія) палъ жертвою ненависти Аѳанасія и пр. Vid. Athan. Apol. c. Ar. c. 67—77. Soz. Н. Е. L. II. c. 22. Theoret. L. 1. c. 30. Socr. Н. Е. L. 1. c. 28. 29. 30. 31. 32.

Святителю о своемъ желаніи—видѣть его торжественное оправданіе, то св. Отецъ не замедлилъ прибыть въ Тиръ. Не долго продолжался *Соборъ Тирскій* (въ 335-мъ году); въ два или три засѣданія обвинители и судіи были рѣшительно посрамлены; всѣ клеветы, внесенныя на святаго мужа, были опровергнуты единогласнымъ свидѣтельствомъ сорока девяти духовныхъ лицъ прибывшихъ изъ Египта, множествомъ другихъ, письменнo подтверждавшихъ истину, и даже тѣми, которые выставлены были Аріанами для обвиненія Святителя; справедливость требовала признать св. Аѳанасія невиннымъ и съ честію возвратить его Александрійской паствѣ. Но не о справедливости думали Евсевіане: «они ни о чемъ больше не думаютъ, говорили при семъ случаѣ Епископы Египетскіе, какъ только о томъ, чтобы преслѣдовать всѣхъ православныхъ; за нечестивое ученіе Арія они готовы погубить всѣхъ, кто съ ними не согласенъ... и если доселѣ нѣкоторые сомнѣвались въ ихъ неистовомъ намѣреніи, то теперь оно выше всякаго сомнѣнія.» Вотъ почему, не смотря на очевидную ложь всѣхъ обвиненій, внесенныхъ на Святителя, Тирскій Соборъ (исключая нѣкоторыхъ Епископовъ, не согласившихся подписать приговора, напр. Маркелла Анкирскаго) объявилъ его лишеннымъ кафедры, запретилъ возвращаться въ Александрію и окружнымъ посланіемъ просилъ всѣхъ Предстоятелей Церквей, чтобы они прервали всякое общеніе съ Аѳанасіемъ, не принимали отъ него никакихъ грамотъ и сами не посылали ихъ къ нему ⁽¹⁹⁾.

⁽¹⁹⁾ Athan. Apol. cont. Ar. c. 77—79 и 83. Soz. H. E. L. II. c. 25. Theod. L. 1. c. 28.

Св. Аѳанасій предвидѣлъ подобное рѣшеніе и, справедливо опасаясь всякаго рода оскорбленій отъ злобныхъ судей своихъ, еще за нѣсколько времени прежде того, тайно оставилъ городъ и отправился въ Константинополь искать защиты у Императора, коего именемъ и добродушіемъ столь нагло злоупотребляли враги вѣры. Когда Константинъ великій подъѣзжалъ къ своему дворцу, возвращаясь изъ Палестины, Святитель остановилъ его на одной изъ главныхъ улицъ столицы, громко жаловался на несправедливость Тирскаго Собора и просилъ только одного, чтобы онъ вызвалъ Епископовъ въ Константинополь и велѣлъ въ собственномъ своемъ присутствіи разсмотрѣть законность ихъ рѣшенія. Константинъ великій не могъ не уважить этой прозбы и тотчасъ писалъ въ Іерусалимъ (куда переѣхали Евсевіане на освященіе храма Воскресенія Христова) всѣмъ Епископамъ, составлявшимъ Тирскій Соборъ — явиться ко двору безъ отлагательства; но прибыли только ожесточенные враги св. Аѳанасія, Евсевій Никомидійскій, Θεогнистъ Никейскій, Патрофилъ Скиѳопольскій съ нѣкоторыми другими, и при первомъ же свиданіи посмѣшили высказать новую неожиданную клевету на Святителя, которая касалась выгодъ новой столицы Римскаго Императора. Евсевій Никомидійскій—главный клеветникъ—клялся, что Аѳанасій, пользуясь довѣренностію своего народа, мечталъ и даже грозилъ остановить подвозъ хлѣба изъ Александріи въ Константинополь ⁽²⁰⁾. Тогда Константинъ

⁽²⁰⁾ Apol. cont. Ar. c. 86 и 87. Eriphan. Haeres. LXIX. Socrat. II. F. L. 1. c. 35. Sozom. L. II. c. 28.

великій , какъ замѣчаютъ писатели церковной исторіи Сократъ и Созомень, видя, что у поборника православія не можетъ быть ничего общаго съ врагами вѣры—Аріанами и отъ души желая хотя на нѣсколько времени остановить смятенія церковныя, назначилъ для него мѣстомъ удаленія главный городъ Галліи Тревиръ или Триръ (Treveri, Trier), гдѣ правительствовалъ юный сынъ его Константинъ и гдѣ Епископъ Максиминъ дружелюбно принялъ великаго изгнанника (въ 336 году) ⁽²¹⁾. Радуюсь своему мнимому успѣху, приобрѣтенному такими средствами, Евсебіане спѣшили воспользоваться отсутствіемъ Святителя и ввести въ Церковь Александрійскую своего ересеначальника, уже оправданнаго незадолго предъ тѣмъ аріанскими Епископами во Іерусалимѣ: но Александрійская паства была достойна своего Пастыря ревностію къ вѣрѣ. Лишь только Аріій прибылъ въ городъ и хотѣлъ принять участіе въ дѣлахъ церковныхъ, общее негодованіе возникло противъ него въ народѣ. Со стыдомъ принужденъ былъ онъ бѣжать въ Царь-градъ, гдѣ единомысленные ему Епископы хотѣли торжественно ввести его въ общеніе съ Церковію: но и тамъ бодрствовалъ столѣтній Пастырь св. Александръ и вмѣстѣ съ ними чудотворецъ Низибійскій Іаковъ. Предъ лицемъ Императора Александръ сильно обличалъ Арія и его приверженцевъ; Аріій страшными клятвами свидѣтельствовалъ о своемъ православіи, читалъ свой символъ подобный Символу Ни-

(21) Soer. H. Eccl. L. 1. c. 35. Sozom. H. E. L. II. c. 28 ep. Athan. Hist. Arian. ad monach. c. 50. Theodoret. H. E. L. 1. c. 29.

кейскому, но проникнутый духомъ ереси, и, при помощи многихъ Епископовъ державшихъ его сторону, успокоилъ Императора. Уже наступилъ день торжественнаго общенія; Аріій шелъ уже во храмъ въ сопровожденіи множества своихъ единомышленниковъ; но не доходя его, на площади Константиновой, принужденъ былъ остановиться и чрезъ нѣсколько минутъ Евсевіане, бывшіе почти у самой цѣли своихъ многолѣтнихъ домогательствъ, увидѣли разсѣвшуюся утробу человѣка, дерзнувшаго отвергнуть Божество Спасителя ⁽²²⁾.

Внезапная, необыкновенная, случившаяся при такихъ обстоятельствахъ, смерть Арія принята была всѣмъ востокомъ какъ явное наказаніе небесное надъ ересеначальникомъ и какъ знакъ воли Божіей, оправдывавшей защитниковъ Вѣры Никейской и прежде всѣхъ св. Аванасія ⁽²³⁾. Между тѣмъ самъ Святитель, находясь на западѣ, сіялъ славою своихъ добродѣтелей и напоялъ чистымъ ученіемъ православія всю Галлію и Италію. Послѣ этого, великому Архипастырю невозможно было оставаться въ изгнаніи, внѣ своей епархіи, которая доселѣ еще не имѣла предстоятеля, вопреки всѣмъ усиліямъ еретиковъ поставить туда когонибудь изъ Аріанъ. И дѣйствительно, въ началѣ слѣ-

⁽²²⁾ Athan. de morte Arii c. 1—3. et Epist. ad Episc. Aeg. et Lib. c. 19. Socr. H. E. L. 1. c. 37—38. Sozom. L. II. c. 29. Ruffin. L. X. c. II. Theodor. L. 1. c. 13.

⁽²³⁾ De morte Arii c. 4. Αὐτὸς ὁ Κύριος διέταξας . . . κατέκρινε τὴν Ἀριανὴν ἀίρεσιν, δείξας αὐτὴν ἀνάξιον οὖσαν τῆς ἐκκλησιαστικῆς κοινωνίας καὶ πᾶσι φανερώτας κ. τ. λ.

дующаго (337) года, на съѣздѣ трехъ сыновей Константина великаго, раздѣлившихъ по смерти его Римскую Имперію (въ Панноніи), когда рѣшено было вызвать изъ ссылки всѣхъ Епископовъ, потерпѣвшихъ за православіе, св. Аѳанасій возвращенъ Александріи съ общаго согласія Констанція, Константина младшаго и Константа. Съ лестнымъ письмомъ Константина младшаго прибылъ онъ къ своей паствѣ «страдавшей его страданіями», по выраженію современныхъ писателей, въ теченіи двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ горестной разлуки съ нимъ, и радуясь вмѣстѣ съ нею, тотчасъ же приступилъ къ истребленію слѣдовъ арианства, снова начавшаго усиливаться въ нѣкоторыхъ областяхъ округа Александрійскаго въ его отсутствіи. Дѣятельность его и другихъ Епископовъ, обратно получившихъ свои кафедръ, производила то, что послѣдователи Арія болѣе и болѣе теряли довѣренность народа, замѣтнымъ образомъ уменьшались въ числѣ и, какъ утверждаетъ самъ Святитель нашъ, на всемъ востокѣ едва можно было найти въ то время нѣсколько безумныхъ, упорно державшихся душепагубной ереси⁽²⁴⁾. Евсевіане, оставшіеся въ числѣ сихъ безумныхъ, видѣли все это и конечно не могли быть спокойными. Благосклонность Императоровъ къ св. Аѳанасію ужасала ихъ, успѣхи православныхъ распола-

(24) Athan. in Hist. Arian. ad monach. c. 9. v. item. Apol. cont. Ar. c. 3. 4. 7 и 37. Hist. Ar. ad Mon. c. 8. Apol. ad Constant. c. 5. Socr. H. Eccl. L. II. c. 2. Soz. L. III. c. 1. Theod. L. I. c. 30. Eriph. Her. LXVIII и похвал. Слов. Григорія Наз.

гали ихъ ожидать съ часу на часъ своего совершеннаго паденія ; крайность положенія заставляла искать средствъ спасенія... Новымъ Императоромъ Константинополя былъ теперь Констанцій, человѣкъ слабый по характеру, легкомысленный и склонный къ арианству. Его-то окружили Евсевіане, стараясь всѣми возможными мѣрами склонить на свою сторону. Дѣло ведено было такъ искусно и съ такимъ успѣхомъ, что въ 338 году, съ соизволенія Констанція, преемникъ доблестнаго Александра Павелъ, Епископъ мудрый и благочестивый, низложенъ съ кафедры Константинопольской, и самъ Евсевій, перешедшій нѣкогда съ кафедры Веритской въ Никомидію, вопреки церковнымъ канонамъ, сдѣлался Архіепископомъ Константинополя (23). На Отца православія опять составлены безчисленныя клеветы (24), которыя охотно выслушаны Императоромъ; нѣсколько человѣкъ изъ клира Александрійскаго, присланные св. Аѳанасіемъ для объясненія, не были допущены ко двору; начиналась новая борьба православія съ нечестіемъ, жесточайшая ми-

(23) Сократъ—*Hist. Eccl. L. II. c. 7*—прямо говорить, что онъ вызванъ былъ Констанціемъ.

(24) Клеветали, будто на обратномъ пути изъ Тира въ Египетъ Аѳанасій всюду производилъ своевольства и насилія, низлагая Епископовъ,—будто вступленіе его въ Александрію сопровождалось возмущеніями, убійствами, стenanіями,—будто онъ, вмѣсто того чтобы собирать, по закону Константина Вел., пшеницу для пропитанія сиротъ и особенно для таинства Евхаристіи, продавалъ эту пшеницу высокою цѣною и деньги обращалъ въ свою пользу. *Apol. cont. Arian. c. 3—18.*

нувшей.—Гордые довѣренностію и покровительствомъ Констанція Евсевіане стали снова дѣйствовать по-своему: они устроили въ *Константинополь Соборъ* изъ своихъ единомышленниковъ, объявили св. Аѳанасія не только лишеннымъ Александрійскаго Епископства, но и не имѣвшимъ права возвращаться изъ мѣста прежняго изгнанія, и безъ дальнихъ разбирательствъ назначили на его мѣсто злѣйшаго аріанина Григорія Каппадокійскаго. Въ то же время, опасаясь, чтобы Западная Церковь, еще крѣпкая православіемъ и хорошо знавшая св. Аѳанасія, не приняла его подъ свою защиту, они отправили въ Римъ пресвитера Маркарія и двухъ діаконовъ Мартирія и Исихія съ просьбою къ Папѣ Юлію—признать избраніе новаго Епископа Александрійскаго и согласиться на низложеніе великаго Святителя. Св. Аѳанасій, слѣдившій за всѣми ихъ движеніями, съ своей стороны также послалъ въ Италію вѣрныхъ людей для предотвращенія гибельныхъ слѣдствій клеветы и дерзкой злобы ⁽²⁷⁾, имѣя между тѣмъ утѣшеніе встрѣчать Епископовъ Египта, Оиванды, Ливіи и Пентаполя, во множествѣ (до 100) стекавшихся въ Александрію при первой вѣсти о новой опасности ихъ любимаго Архипастыря. Собравшись вмѣстѣ, усердные пастыри Африки съ общаго согласія написали окружное посланіе ко всѣмъ церквамъ, въ которомъ съ силою и убѣдительностію, свой-

(27) Athan. Encycl. ad Episc. Epist. Theodoret. II. E. L. I. c. 10. и L. II. c. 2. Sozer. L. II. c. 17. Sozom. L. III. c. 8. Похвальн. слов. Григорія Назіанз.

ственными правдѣ, доказали невинность Святителя во всѣхъ взнесенныхъ на него преступленіяхъ, рассказали точную исторію прежнихъ гоненій на него отъ Евсевіанъ, и увѣщевали православныхъ Епископовъ вступить за вѣру, гонимую въ лицѣ св. Аѳанасія; «опять нападенія на Церковь и на Аѳанасія, говорятъ правдивые защитники гонимаго, опять обвиненія, опять клеветы и наговоры, безстыльно расточаемые для того, чтобы извести Пастыря, противящагося нечестію (*πρὸς ἀναίρεσιν Ἐπισκόπου τοῦ τῆς ἀσεβείας αὐτῶν ἐχθροῦ*).. Епископы Христовой Церкви! возстаньте на гонителей, вступитесь за нашего и вашего со-епископа Аѳанасія, да не погубятъ Церкви злоба и нечестіе Евсевіанъ: ибо они явные послѣдователи Арія и ученіе ихъ совершенно противно ученію Христову» ⁽²⁸⁾. Не напрасны были опасенія вѣрныхъ пастырей: Григорій Каппадокіянинъ, посвященный не задолго предъ тѣмъ въ Антиохію, уже приближался къ Александріи. Когда въ городѣ царствовало совершенное спокойствіе, вдругъ съ шумомъ вторгается въ него не пастырь, а наемникъ, въ сопровожденіи воиновъ и гражданскихъ чиновниковъ, и, встрѣтивъ здѣсь сопротивленіе со стороны вѣрныхъ св. Аѳанасію Александрійцевъ, производитъ такіе ужасы и насилія, которыя напомнили православнымъ времена Максиміана и Діоклитіана. Осквернивъ, опустошивъ и наконецъ предавъ пламени Церковь св. Квирина, куда православные Александрійцы думали было укрыться, лже-епископъ искалъ са-

(28) Apolog. contr. Arian. cap. 3 et 19.

маго Архипастыря въ другой Церкви; но св. Аѳанасій, желая предупредить насилія, въ минуты страшнаго смятенія, вышелъ изъ города и скрылся въ окрестностяхъ, гдѣ и провелъ нѣсколько времени, слѣдя за дѣйствіями Григорія, который кровію и святотатствами ознаменовывалъ вступленіе свое въ Церковь Александрійскую. Узавши, что Каппадокіанинъ приготовилъ противъ него обвинительную грамату, какъ бы отъ имени Александрійскаго народа, и за подписью нѣсколькихъ язычниковъ и еретиковъ послалъ ее къ Императору Констанцію. Святитель Аѳанасій съ своей стороны составилъ окружное посланіе къ Епископамъ Церкви православной; рѣзкими, живыми и сильными чертами изобразилъ въ немъ насильственное вторженіе и всѣ жестокости лже-епископа, краснорѣчиво описалъ благочестивую привязанность своихъ пасомыхъ къ вѣрѣ православной, и все посланіе заключилъ слѣдующими словами, дышущими святымъ воодушевленіемъ: «Епископы! не будьте равнодушны къ бѣдствію Церкви Александрійской; не попустите еретикамъ попирать ногами столь прекрасный членъ тѣла Церкви Христовой и имѣйте состраданіе къ вѣрующимъ, оскорбляемымъ невинно. Не сказалъ ли св. Апостоль: *аще страждетъ единъ уды, съ нимъ страждутъ и вси уди* (1 Кор. 12, 26)? Должно плакати, говорить оны, съ плачущими (Рим. 12, 15). Когда терпитъ насиліе одна Церковь, то терпятъ всѣ; въ лицѣ одной оскорбленъ Спаситель всѣхъ, нарушены законы всѣхъ Церквей» (29). . . Сдѣлавъ такимъ обра-

(29) *Encycl. ad Episc. Epist. fol. 110—118. Edit. Montfauc. Socr. N. E. I. II. c. II.*

зомъ въ Александріи все, что можно было сдѣлать для отвращенія бѣдствій, постигшихъ тамошнюю паству, св. Аѳанасій отправился въ Римъ, гдѣ посланные отъ Евсевіанъ и клирики Александрійскіе, послѣ тщетныхъ взаимныхъ обвиненій, предложили Папѣ Юлію рѣшить дѣло на общемъ Соборѣ, на что Папа охотно согласился. Туда же, по зову Епископа Римскаго, собрались и другіе православные Епископы восточные, изгнанные изъ своихъ епархій насиліемъ еретиковъ: Маркеллъ Анкирскій, Асклепа Газскій, Лука Адрианопольскій и многіе другіе изъ Фракіи, Сиріи, Финикіи, Палестины, и были дружелюбно приняты пятидесятью Епископами западными, прибывшими въ древнюю столицу по приглашенію добродѣтельнаго Папы Юлія. (50) Оставалось только явиться кому-нибудь изъ Евсевіанъ, чтобы при личномъ объясненіи обвинителей и обвиняемыхъ яснѣе можно было убѣдиться, кто правъ и кто неправъ. Но послѣдователи Арія очень хорошо понимали, чѣмъ должно кончиться для нихъ собраніе, на которомъ присутствовалъ Святитель Аѳанасій съ другими ревнителями вѣры православной; посему, не смотря на то, что ихъ же посланные прежде всѣхъ требовали Собора предъ лицомъ западнаго Архіепископа, теперь рѣшились остаться на востокѣ. Напрасно Папа отправлялъ къ нимъ нарочное посольство съ миролюбивымъ приглашеніемъ: Евсевіане, продержавъ посланныхъ пресвитеровъ болѣе полгода въ Антиохіи, отпустили ихъ наконецъ съ отвѣтною грамотою, въ кото-

(50) Socr. H. Ecc. L. II. c. 15. Soz. L. I. c. 7. и L. III. c. 8.

рой оскорбительными и непристойными выраженіями объясняли, что имъ никакъ нельзя явиться на Соборъ по причинѣ бурнаго военного времени (какъ будто война Констанція съ Персами могла препятствовать Епископамъ заниматься дѣлами церковными!), — что нѣтъ нужды вновь разбирать дѣло (касательно св. Аѳанасія) уже рѣшенное въ Тирѣ и Константинополѣ, — что имъ самимъ не-въ-чѣмъ оправдываться предъ Епископами западными, потому что ихъ вѣра совершенно правая!! Въ доказательство своего мнимаго православія Θεогнисъ Никейскій и Θεодоръ Ираклейскій, теперешніе главы скопища аріанствующихъ по смерти Евсевія Никомидійскаго, составили и отправили въ Римъ четыре или пять символовъ, подобныхъ символу Никейскому, изъ коихъ въ первомъ говорили: «мы не ученики Арія; какъ можно намъ—Епископамъ быть послѣдователями простаго пресвитера?! Напротивъ мы испытывали вѣру Арія, мы признали ее правою; мы приняли въ общеніе его самаго, а не слѣдовали ему въ чемъ-либо ⁽²¹⁾»... Послѣ столь худо прикрытаго оправданія и столь не основательныхъ извиненій Аріанъ, отказавшихся явиться на Соборъ, собравшіеся въ Римѣ Епископы одни приступили къ дѣлу (въ 342 г.). Разобравши всѣ письменныя и устныя свидѣтельства въ защиту и противъ св. Аѳанасія со всѣмъ безпристрастіемъ людей пекущихся о благѣ Церкви, они признали великаго Святителя совершенно не-

(²¹) Socrat. H. Eccl. L. II. c. 10. Sozom. L. III. c. 5. 8. Athanas. Apol. cont. Arian. c. 3—36. et de Synodis c. 5 и д.

виннымъ и вполне достойнымъ братскаго общенія по правиламъ церковнымъ и по законамъ справедливости, какъ выражается Соборъ въ посланіи, тогда же отправленномъ къ Евсевіанамъ. Прочитаны были и символы, вновь составленные въ Антиохіи, и когда св. Аѳанасій и другіе ревнители православія замѣтили, что во всѣхъ сихъ символахъ нѣтъ слова *ὁμοούσιος*, принятаго вселенскимъ Соборомъ Никейскимъ и столь необходимаго для точнаго опредѣленія догмата; и что Евсевіане злонамѣренно замѣнили его двусмысленными терминами: *τῇ δὲ συμφωνίᾳ ἐν (Θεὸς καὶ Ὑἱὸς—симв. 2-й)*, *ὄντα πρὸς τὸν Θεὸν ἐν ὑποστάσει* (симв. 3-й) и т. п., тогда Отцы Римскаго Собора не усумнились признать ихъ не только клеветниками, но и коварными приверженцами аріанской ереси: «Аріане, говорится въ упомянутомъ посланіи, враждующіе не только противъ людей, но и противъ самаго І. Христа, Сына Бога живаго, отлучены отъ Церкви Соборомъ Никейскимъ; но нельзя ни въ чемъ упрекнуть Аѳанасія и Маркелла: слѣдоват. не Аѳанасій, Маркеллъ или кто-нибудь другой изъ гонимыхъ вами, поступилъ противъ опредѣленій Соборныхъ; но вы первые возстали противъ великаго Собора Никейскаго, давъ общеніе людямъ, которыхъ онъ подвергъ справедливому проклятію⁽³²⁾». Но оправдать невинныхъ и признать Евсевіанъ Аріанами не значило еще сдѣлать все, что нужно было сдѣлать: первые и

(32) Epist. Iulii ad Eusebian. in Apol. c. Ar. c. 21—36. Ath. de Synod. c. 22—23. Hilar. de Synod. fol. 21. Socrat. H. E. L. II. c. 10 и 15. Sozom. L. III. c. 5 и 8.

послѣ сего оставались внѣ своихъ епархій, въ изгнаніи, въ тяжкой скорби о бѣдствующихъ паствахъ; послѣдніе господствовали на востокѣ, занимали лучшія кафедры Епископскія, опустошали Церкви Божіи, гнали православныхъ. Посему Папа обратился къ Императору Константу, прося содѣйствія его въ пользу низверженныхъ, и великодушный преемникъ Константина младшаго (умершаго въ 340 г.) написалъ о томъ царственному брату, который съ своей стороны послалъ въ Галлію четырехъ Епископовъ, самыхъ ревностныхъ враговъ св. Аѳанасія, желая склонить на сторону еретиковъ и самаго Константа. Впрочемъ льстивыя рѣчи ихъ не могли убѣдить благочестиваго Императора западнаго, благодаря внушеніямъ бывшихъ при немъ Святителей, изъ коихъ Максиминъ, Епископъ Тревирскій, не хотѣлъ съ ними сообщаться, потому что сами они чуждались общенія съ Архипастыремъ Александрійскимъ. Такъ протекло около трехъ лѣтъ до Собора Медиоланскаго,—бывшаго въ 345 году въ присутствіи Константа и св. Аѳанасія,—на который арианскіе Епископы прислали новое пространное изложеніе вѣры (известное подъ именемъ *μικρόσυλος ἑκδήσις*), съ прежнимъ притязаніемъ на православіе. Но не смотря на всѣ убѣжденія восточныхъ (арианскихъ) Епископовъ, никто изъ западныхъ не хотѣлъ принять новаго исповѣданія, казавшагося подозрительнымъ; потому что оно отклонялось отъ простыхъ и точныхъ выраженій символа Никейскаго, признаннаго Церковію за мѣрило истины; Аріане также не хотѣли слушать никакихъ убѣжденій западныхъ, и—всѣ безполезныя продолжительныя совѣ-

щанія заключились общимъ желаніемъ—созвать соборъ вселенскій, на что охотно согласился Императоръ Константъ, принимавшій дѣятельное участіе въ дѣлахъ церковныхъ, исходатайствовавшій потомъ согласіе и у брата своего Констанція. Мѣстомъ Собора назначенъ Иллирійскій городокъ Сардикъ, находившійся на границахъ двухъ имперій (нынѣ *Sofia*, въ Болгаріи); временемъ—22-е число мая 347-го года ⁽³³⁾. Важность предметовъ, о которыхъ предполагалось разсуждать на *Соборъ Сардикійскомъ*, достаточно показывала необходимость и важность его для Христіанской Церкви: на немъ хотѣли, во первыхъ, окончательно разсмотрѣть и рѣшить дѣло восточныхъ Епископовъ, лишившихся своихъ кафедръ и уже по нѣскольку лѣтъ страдавшихъ въ изгнаніи; во вторыхъ, принять мѣры въ защиту вѣры православной, подвергавшейся опасностямъ отъ двусмысленныхъ исповѣданій, во множествѣ составленныхъ и повсюду рассылаемыхъ Евсевіанами; въ третьихъ, изслѣдовать и рѣшить все, въ чемъ были обвиняемы сами Евсевіане, потому что жалобы на нихъ приходили со всѣхъ сторонъ. Посему православные Пастыри съ полною охотою стекались въ Сардикъ, гдѣ показывали на тѣлѣ своемъ глубокія раны, нанесенныя имъ Аріанами, и знаки желѣзныхъ оковъ, недавно снятыхъ, говорили объ истязаніяхъ голодомъ, о заключеніяхъ въ темницу, побояхъ и другихъ жестокостяхъ, причиненныхъ врагами вѣры нѣкоторымъ изъ нихъ са-

(33) Athan. Apol. cont. Ar. c. 36. Socrat. H. Eccl. L. II. c. 20
Theodor. H. Eccl. L. II. c. 6 Montfaucon in vita Athan. pag. 40 и д.

михъ, или ихъ родственникамъ и друзьямъ, и-съ нетерпѣніемъ ожидали времени назначеннаго для Собора (ихъ было до 100 человекъ). Не смѣли противиться волѣ Императоровъ и Епископы аріанствующіе; собравшись въ числѣ 70-ти ⁽⁵⁴⁾, они медленно приближались къ мѣсту назначенія, всюду встрѣчаемые негодованіемъ вѣрующихъ, знавшихъ о ихъ дѣйствіяхъ, и оттого болѣе и болѣе теряя надежду на успѣхъ по мѣрѣ приближенія. Еще на пути, въ различныхъ селеніяхъ, они дѣлали частныя собранія и, сообщивъ другъ другу тайныя опасенія на счетъ послѣдствій предстоящаго Собора, согласились - только лишь явиться въ Сардикѣ изъ приличія и изъ повиновенія предписаніямъ Императоровъ, и потомъ подъ какими-нибудь предлогами тотчасъ же удалиться ⁽⁵⁵⁾. Въ самомъ дѣлѣ, прибывши въ городъ, они объявили нѣсколько такихъ требованій, которыя были ни съ чѣмъ несообразны: говорили, что они никакъ не могутъ явиться туда, гдѣ принять въ засѣданіе Аѳанасій и ему подобные преступники, осужденные Соборомъ Тирскимъ, — тогда

⁽⁵⁴⁾ Сократъ Н. Е. Л. II. с. 20. и Созоменъ Л. III. с. 12 насчитываютъ до 300 Епископовъ западныхъ и до 76 — восточныхъ, бывшихъ на Соборѣ Сардикійскомъ. Св. Аѳанасій—Hist. Arian. ad с. 15. и 18—20, полагаетъ 170 тѣхъ и другихъ. О происшествіяхъ сего времени говорятъ еще Theodoret. Н. Е. Л. II. с. 6. Hilar. fragm. 3. Athan. in Apol. с. Ar. с. 45.

⁽⁵⁵⁾ Это извѣстно изъ донесеній двухъ Епископовъ — Макарія Палестинскаго и Астерія Аравійскаго, которые перешли тогда отъ Евсевіанъ на сторону православныхъ и раскрыли всѣ козни еретиковъ. Hilar. fragm. 2. Athan. Hist. Ar. ad mon. с. 15. Apol. cont. Ar. с. 48.

какъ они были уже оправданы въ Римѣ!—что западные не имѣютъ никакого права пересуживать то, что рѣшено на Соборахъ восточныхъ, — за чѣмъ же они сами ѣхали въ Сардикъ?, — что восточные Епископы тогда только согласятся на рѣшенія новаго Собора, если съ обѣихъ сторонъ отправлены будутъ новые слѣдователи преступленій Аѳанасія въ тѣ самыя мѣста, гдѣ будто бы эти преступленія совершены, — въ Африку и Ливію, тогда какъ прежніе слѣдователи почти всѣ были тутъ же! Знаменитый старецъ Кордубскій Осія отвѣчалъ, что Императоры дѣйствительно велѣли Сардикійскому Собору переслѣдовать дѣло св. Аѳанасія съ самыхъ первыхъ на него клеветъ, т. е. какъ бы онъ еще ни въ чемъ не былъ ни обвиняемъ, ни оправдываемъ; совѣтовалъ имъ не чуждаться общихъ собраний для собственной же своей пользы; предлагалъ — по крайней мѣрѣ сказать что-нибудь противъ того, въ чемъ такъ много обвиняли ихъ самихъ ⁽⁵⁶⁾... Но Евсевіане помышляли только о бѣгствѣ. Они послали доложить Собору, что, какъ слышно, Императоръ Констанцій одержалъ побѣду надъ Персами и возвращается съ триумфомъ въ Константинополь, потому имъ надобно спѣшить съ привѣтствіями на встрѣчу побѣдителю и въ слѣдующую же ночь всѣ до одного удалились изъ Сардика. Послѣ постыднаго бѣгства ариан-

(56) Св. Аѳанасій соглашался даже уѣхать съ Осією въ Испанію, если только онъ одинъ препятствуетъ миру церковному и единомысленному рѣшенію дѣла на Соборѣ Сардикійскомъ. *In. Hist. Ar. ad mon. c. 44. Epist. Hosii ad Imperat. Constantium.*

ствующимъ—Отцамъ Собора ничего не оставалось больше дѣлать, какъ однимъ заняться дѣлами, которыя были предметомъ ихъ собранія. Невинность св. Аванасія, Маркелла и другихъ была столь очевидна, что слѣдовало только подтвердить ее предъ цѣлымъ свѣтомъ, и всѣ бывшіе въ городѣ Епископы единодушно признали ихъ истинными пастырями Церкви, право правящими слово истины и за свою любовь ко Христу (*διὰ τὴν εἰς Χριστὸν εὐσεβείαν*) удостоившимися претерпѣть гоненіе отъ еретиковъ ⁽³⁷⁾. Касательно вѣры нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, вѣроятно изъ снисхожденія къ Евсевіанамъ, не соглашавшимся принять символа Никейскаго, предлагали составить новое исповѣданіе: но когда другіе, какъ повѣствуетъ нашъ Святитель, замѣтили, что измѣнять исповѣданіе Собора вселенскаго значитъ признавать оное несовершеннымъ и своимъ примѣромъ одобрять дѣйствія тѣхъ, кои безпрестанно издають новыя и новыя опредѣленія догматовъ вѣры, тогда Соборъ постановилъ—не подвергать вѣру Отцевъ Никейскихъ новому изслѣдованію и опредѣленію, потому что она вполне достаточна и совершенна (*διὰ τὸ μηδὲν αὐτῇ λείπειν, ἀλλὰ πλήρη εὐσεβείας εἶναι*) ⁽³⁸⁾. Наконецъ приступили къ сужденію объ Ев-

⁽³⁷⁾ Epist. Synod. Sardic. in Apol. cont. Ar. Athan. c. 40. item. v. Hist. Arian. ad Mon. c. 15—17. Hilar fragm. 2 и 3.

⁽³⁸⁾ Athan. in Tomo ad Antioch. c. 5. Подъ именемъ сего Собора вскорѣ явилось исповѣданіе вѣры, которое приводится у Сократа Н. Eccl. L. II. c. 20. Θεοδोरита — L. II. c. 6. Созомена — L. III. c. 12. (v. Mansi. collect. Concil. ampl. tom. III. c. 83); но св. Аванасій, свидѣтель самый достовѣрный, вмѣстѣ съ Епископами

севианахъ. Хотя самое бѣгство ихъ изъ Сардика было яснымъ доказательствомъ ихъ неблагонамѣренности и виновности, но рѣшительное мнѣніе объ нихъ произнесено было не прежде, какъ безчисленныя жалобы устные и свидѣтельства письменныя несомнѣнно подтвердили, что «цѣлю вѣхъ клеветъ, несправедливостей и жестокостей, причиненныхъ многимъ православнымъ и во особенности Епископу Аѳанасію сими покровителями аріанской ереси, было—лишить мѣсть и если можно—самой жизни тѣхъ мужей, кои твердо держатся преданнаго Отцами ученія вселенской Церкви». Тогда-то главные виновники преступныхъ замысловъ подвергнуты всей строгости суда церковнаго; объявлены не только недостойными Епископскаго сана, но и общенія съ мірянами, потому что «отдѣляющіе Сына Божія отъ Бога-Отца сами должны быть отдѣлены отъ православной Церкви и лишены имени Христіанскаго, по заповѣди Апостола: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріяете, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 9), и потому что нѣтъ общенія у тьмы со свѣтомъ и у Христа съ врагомъ Его—Веліаромъ ⁽²⁹⁾»,—какъ ска-

Египта на Соборѣ Александрійскомъ въ 362 г. объявилъ, что это сочиненіе подложное и запретилъ читать его.

(²⁹) Arol. cont. Ar. с. 37. 41 и 49. Имена преданныхъ анаѳемѣ суть слѣдующія: Theodorus Heracleae, Narcissus Neroniadiis in Cilicia, Stephanus Antiochiae, Georgius Laodiciae, Acacius Caesareae in Palaestina, Menophantus Ephesi in Asia, Ursacius Singidoni in Mysia, Valens Mursiae in Pannonia; также Gregorius, Basiliius et Quintianus, предвосхитившіе каедру Александрійскую, Анкирскую и Газскую с. 48 и 49 ср. Hilar. fragm. 2. Theodoret. L. II. с. 6 и 13.

зано въ дѣяніяхъ и посланіяхъ Собора, разосланныхъ по всѣмъ Церквамъ, въ особенности къ Папѣ Юлію чрезъ его пресвитеровъ, къ Императорамъ съ особенною депутаціей и къ тѣмъ Церквамъ, коимъ возвращались ихъ законные Епископы, съ увѣщаніемъ—хранить вѣру православную при руководствѣ вѣрныхъ Пастырей и удаляться наемниковъ, поставленныхъ Евсевіанами. Между тѣмъ бѣжавшіе изъ СардикаЕвсевіане остановились въ Филиппополѣ (городъ во Фракіи) и составили свой Соборъ подъ предсѣдательствомъ Стефана Антіохійскаго, достойнаго по своей безнравственности быть главою подобнаго скопища. На немъ, въ противоположность Отцамъ Сардикійскимъ и однако отъ имени Собора Сардикійскаго, они наскоро написали окружное посланіе, въ которомъ возобновляя клеветы свои на св. Аѳанасія и другихъ Епископовъ православныхъ, жаловались на Епископовъ западныхъ, вступившихъ въ общеніе съ лицами, коихъ честолюбіе будто бы подало поводъ ко всѣмъ тогдашнимъ смутамъ церковнымъ, и даже дерзнули произнести проклятіе на всѣхъ ревностныхъ защитниковъ вѣры Никейской, начиная съ великаго Архіепископа Александрійскаго; присоединили еще къ посланію вновь составленное исповѣданіе, въ которомъ овять не было слова *ὁμοούσιος*, но которое во всемъ прочемъ приближалось къ символу Никейскому⁽⁴⁰⁾, и за тѣмъ поспѣ-

(40) Посланіе и символъ можно читать у св. Иларія *fragm. 3. et de synodis*, — у Сократа—Н. *Eccl. L. II. c. 20*, Созомена *L. III. c. 10*, Августина — *contra Cresconium L. III. c. 34. L. IV. c. 44.* и *in Epist. 44 ad Eleusium*.

шили отъѣздомъ на востокъ, къ прежнему защитнику и покровителю своему Констанцію, желая предотвратить дѣйствіе писемъ, отправленныхъ къ нему изъ Сардика. Дѣйствительно, Констанцій принялъ Аріанъ благосклонно и даже, по ихъ внушенію, сдѣлалъ нѣсколько распоряженій касательно задержанія законныхъ Епископовъ, возвращавшихся на свои кathedры: но какъ скоро два почтенные старца Евфратъ Колонійскій и Викентій изъ Капуи, составлявшіе западную депутацію прибыли въ Антіохію, гдѣ тогда находился Императоръ, и вручили ему письмо отъ брата Константа, который угрожалъ ему войною въ томъ случаѣ, если Аріане будутъ еще пользоваться его милостию и заградятъ св. Аѳанасію путь въ Александрію⁽⁴¹⁾; тогда Констанцій перемѣнилъ образъ своихъ дѣйствій. Онъ посылалъ письмо за письмомъ къ Святителю, еще жившему тогда въ Аквилеѣ, прося его спокойно возвратиться къ своей паствѣ, которая около того же времени, особеннымъ дѣйствіемъ Промысла Божія, благополучно освободилась отъ лже-епископа Григорія. Однако Святитель не вдругъ положился на лестныя приглашенія склоннаго къ аріанству Императора; уже въ 349 году,—когда онъ совершенно убѣдился, что благочестивыми усиліями Православныхъ Пастырей, въ которыхъ онъ самъ принималъ столь дѣятельное участіе, произведена благотворная для Церкви (хотя къ сожалѣнію временная) перемѣна образа мыслей и

(41) Ruffin. H. E. L. 1. c. 19. Theodor. L. II. c. 6. V. Baronii Annal. Eccl. ann. 348.

въ самыхъ жаркихъ дотолѣ помощникахъ Евсевіанъ,— простился съ Константомъ, Юліемъ, Осією, и отправился въ Антиохію. Констанцій встрѣтивъ Архипастыря, всюду предшествуемаго славою непоколебимаго исповѣдника Христова, оказалъ ему рѣдкіе знаки царской благосклонности и всѣ возможныя почести, обѣщаль сдѣлать для него все, что можетъ, призывая Бога во свидѣтеля своихъ обѣщаній, и напутствовалъ его изъ Антиохіи множествомъ рекомендательныхъ писемъ къ свѣтскимъ и духовнымъ особамъ, гдѣ св. Аѳанасіи называется истиннымъ защитникомъ Церкви и отечества, гдѣ говорится, что тѣ изберутъ благую часть, которые будутъ исповѣдывать одну вѣру съ Аѳанасіемъ ⁽⁴²⁾. Пользуясь сими обстоятельствами, Христиане, не задолго предъ тѣмъ увлеченные въ сѣти Аріанства, отвсюду стекались навстрѣчу св. Аѳанасію и спѣшили вступить съ нимъ въ церковное общеніе.

(42) Athan. Apol. cont. Ar. c. 56. ep. c. 51—55 и Hist. Ar. ad monach. c. 21. 22. О происшествіяхъ упомянутыхъ повѣствуютъ также Socrat. H. E. L. II. c. 23. Soz. L. III. c. 22. Theodoret. I. II. c. 12 . . . *ὅτι τὸν Ἀθανάσιον θαυμάσας (Κωνσταντῖος) ἀπέπεμψε εἰς Ἀλεξάνδρειαν*. Они рассказываютъ, будто Констанцій просилъ Аѳанасія уступить Аріанамъ одну изъ Церквей, принадлежащихъ православному въ Александріи; Святитель соглашался съ условіемъ, чтобы и Аріане уступили православному одну изъ церквей въ каждомъ христіанскомъ городѣ; но не случилось ни того, ни другаго. Еще: въ Антиохіи св. Аѳанасій, не смотря на убѣжденія Императора, не хотѣлъ имѣть общенія съ Епископомъ города Леонтіемъ, который, не признавая равенства 3-хъ лицъ Божества, велѣлъ пѣть въ церквахъ вмѣсто «Слава Отцу и Сыну и Св. Духу,» — Слава Отцу чрезъ Сына во Св. Духѣ».

Въ Палестинѣ собрался цѣлый сонмъ Епископовъ къ проѣзду чрезъ нее Святителя и на пути, недалеко отъ Иерусалима, торжественно свидѣтельствовалъ ему единомысліе свое съ нимъ въ предметахъ вѣры. Когда, наконецъ, великій Архипастырѣ вступилъ въ самую Александрію, то радость его паствы была невыразима: народъ радовался не только тому, что снова увидѣлъ любимаго Отца послѣ осмилѣтней съ нимъ разлуки, но и что съ тѣмъ вмѣстѣ избавился отъ насилія еретиковъ. Храмы огласились благодарственными гимнами и всякой старался доказать какимъ-нибудь особеннымъ благочестивымъ дѣломъ свое усердіе къ Архипастырю и имъ проповѣдуемой вѣрѣ ⁽⁴³⁾. Самые враги св. Аѳанасія искали его дружбы, и то публично проклинали Арія, то приходили ночью тайно и оплакивали предъ нимъ свои заблужденія. «Самые Аріане, говоритъ св. Григорій Назіанзенъ въ своемъ неподражаемомъ словѣ въ похвалу св. Аѳанасію, самые тѣ, которые столько оскорбляли его, не могутъ сказать, что возвращеніе его было для нихъ несчастіемъ... Онъ очищаетъ святилище отъ торгующихъ святынею Хриstopродавцевъ не свитымъ изъ вервія бичемъ, но словомъ убѣдительнымъ. Онъ примиряетъ съ собою и другъ съ другомъ сихъ безпокойныхъ, не потребовавъ къ тому посредниковъ, освобождаетъ отъ притѣсненій — терпѣвшихъ обиды, не разбирая, держался ли кто его или противной стороны; онъ возстановляетъ падшее ученіе.

(43) Athan. in Hist. Arian. ad mou. c. 22 — 27 et Apol. cont. Ar. c. 57. Похв. слов. Григ. Назіан. с. 16 и 17. Soz. L. III. c. 21.

Снова свободно исповѣдуются Св. Троица, блистательнымъ свѣтомъ единого Божества осіявая умы вѣрующихъ. Снова онъ даетъ законы всей вселенной и обращаетъ къ себѣ души всѣхъ; къ однимъ пишетъ онъ посланія, другихъ призываетъ къ себѣ лично, а иные сами приходятъ къ нему неприванные и получаютъ назиданіе... Кратко сказать: онъ подражаетъ свойствамъ двухъ похваляемыхъ камней: для поражающихъ служить адамантомъ, а для мятежниковъ — магнитомъ, который неизъяснимою силою природы привлекаетъ желѣзо и къ себѣ его приспособляетъ» (44).

Такимъ образомъ, св. Архіепископъ Александрійскій Аѳанасій въ другой разъ восторжествовалъ надъ своими врагами. Соборъ Сардикійскій, оправдавшій Святителя и признавшій исповѣданіе Никейское за неизмѣнное правило вѣры, былъ принятъ болѣе, нежели 340 Епископами; Соборъ Филиппопольскій (лже-Сардикійскій) отвергнутъ всѣми. Самые упорнѣйшіе изъ Аріанъ должны были умолкнуть или по крайней мѣрѣ затаять свои намѣренія. Въ Египтѣ, куда въ предшествовавшую эпоху удаленія Аѳанасіева вторглось множество еретиковъ, теперь опять начало брать перевѣсъ число православныхъ; потому что первою заботою Святителя по возвращеніи въ Александрію было—низложить Епископовъ Аріанскихъ и поставить на ихъ мѣсто преданныхъ вѣрѣ православной (45). Во всей Церкви Христіан-

(44) Похвал. слов. св. Аѳ. в. въ твор. св. Отц. год 1, т. 2. стр. 203.

(45) Socr. H. Eccl. L. II. c. 24 и 26. Soz. L. III. c. 21. Theo-

ской настала вождельная тишина, которою давно не наслаждались православные... Но эта тишина, продолжавшаяся очень не долго, была лишь предвѣстницею новаго еще ужаснѣйшаго смятенія. Нуженъ былъ только случай благоприятный полному обнаруженію того, на что враги вѣры всегда были готовы и — этотъ случай скоро представился. Благородный покровитель православныхъ — Императоръ Константъ былъ убитъ въ 350 году. Мятежникъ Магненцій, равно какъ и другой похититель Императорскаго достоинства Ветераніонъ одинъ за другимъ были побѣждены (351 — 353 г.) Констанціемъ, который теперь сдѣлался единственнымъ обладателемъ всей Римской имперіи. Надменный своими успѣхами, онъ явно выражалъ своими дѣйствіями, что малѣйшее сопротивленіе его волѣ — онъ почитаетъ величайшимъ преступленіемъ. Пользуясь такимъ расположеніемъ Императора, издавна склоннаго къ Аріанству, Евсевіане окружили его своими кліентами, начали мало по малу внушать ему подозрѣнія на счетъ Пастыря Александрійскаго, и наконецъ представили нѣсколько такихъ обвиненій, которыя должны были въ одно и тоже время подѣйствовать и на честолюбіе и на религіозныя убѣжденія Констанція ⁽⁴⁶⁾.

dog. L. II. c. 6. Philostorg. L. III. c. 12. Athanas. in Histor. Ar. ad mon. c. 25... εἰρήνη τε ἦν ἐν ταῖς ἐκκλησίαις βασιλεῖα καὶ θαυμασὴ...

(46) Обвиненія теперь были слѣдующія: говорили 1) будто Аѳанасій, когда жилъ на западѣ, безпреставно возбуждалъ Константа къ востанію противъ Констанція; 2) велъ дружественную переписку съ Магненціемъ; 3) въ неосвященномъ и неоконченномъ храмѣ дѣлалъ церковныя собранія и отправлялъ Богослуженіе; 4)

Св. Аѳанасій, желая утишить новую бурю, угрожавшую Церкви Божіей, послалъ пятерыхъ Епископовъ и троихъ пресвитеровъ—разрѣшить недоумѣнія Императора, но посольство не имѣло никакого успѣха; Евсевіане уже овладѣли умомъ Констанція и усиливали свою партію на западѣ (гдѣ тогда находился Императоръ) присоединеніемъ людей, располагающихъ собою смотря по обстоятельствамъ времени, а не по внушенію совѣсти. Таковы были Урзасъ и Валентъ, которые не задолго предъ тѣмъ умоляли Епископовъ православныхъ и самаго Аѳанасія о прощеніи ихъ за участіе въ замыслахъ Аріанъ, проклинали ересь, обѣщались быть всегда вѣрными Церкви Христовой, а теперь сдѣлались главными обвинителями св. Аѳанасія на двухъ соборахъ еретическихъ, изъ коихъ одинъ другаго былъ несправедливѣе къ защитникамъ православія, именно, на Соборѣ Арелатскомъ — въ 353 году, и Медиоланскомъ — въ 355 г. Св. Аѳанасій былъ осужденъ не только въ отсутствіи, чего не дѣлается ни въ какомъ судѣ даже надъ простымъ міряниномъ, но почти безъ всякаго изслѣдованія дѣла (47). Напрасно нѣкоторые изъ добросовѣстныхъ

получивъ отъ Императора приказаніе явиться въ Италію, не хотѣлъ повиноваться ему и пр. Theod. L. II. c. 10. Soz. L. IV. c. 5. Все это св. Аѳанасій опровергъ въ своей знаменитой *Apologia ad Constantinum*. Въ другой книгѣ онъ прямо приписываетъ сіи обвиненія *φθόνῳ καὶ φόβῳ* (Аріанѣн): *φθόνῳ μὲν διὰ τὴν τοσούτων κοινωνίαν* (общеніе Епископовъ съ Аѳанасіемъ), *φόβῳ δὲ μὴ διὰ παρ' αὐτῶν ἀπατηθέντες προσεβῶσι τῇ τῶν τοσούτων ὁμοφυλίᾳ, καὶ λοιπὸν ἢ αἴρεσις αὐτῶν παραδειγματισθεῖσα θριαμβευθῆ καὶ ζηλιτευθῆ πανταχοῦ . . .* Hist. Ar. ad mon. c. 28.

(47) Sulp. Sever. Hist. L. II. Hilar. fragm. 5. Sozom. L. IV c. 9. Athan. in Hist. Ar. ad mon. c. 30. 31. и 33.

Епископовъ требовали, чтобы напередъ утвержденъ былъ символъ Никейскій всѣми, кто хочетъ присутствовать на Соборѣ и участвовать въ дѣлахъ церковныхъ; имъ предлагали одно изъ двухъ—или подписать напередъ—заготовленный приговоръ на Аѳанасія, или подвергнуться изгнанію. Твердые въ вѣрѣ согласились лучше страдать въ заточеніи, нежели произнести осужденіе на невиннаго и за то были насильственно отторгнуты отъ паствъ своихъ и разосланы по разнымъ странамъ подъ присмотромъ аріанствующихъ. Такой участи подверглись сначала Павлинъ Трирскій, Евсевій Верселинскій, Діонисій Медиоланскій и Люциферъ Сардинскій, потомъ Ливерій Папа Римскій (сосланъ въ Верею Фракійскую), знаменитый Осія Кордубскій (въ Сирміумъ), Иларій Пиктавійскій (во Фригію) и многіе другіе. Императоръ открыто говорилъ, что онъ почтетъ для себя важнѣйшею изъ всѣхъ побѣдъ—побѣду надъ Аѳанасіемъ ⁽⁴⁸⁾, т. е. если успѣетъ свергнуть его съ кафедры и сослать въ заточеніе, и потому не щадилъ никого, противившагося несправедливому требованію. Но и пастыри Христовой Церкви считали важнѣйшимъ своимъ долгомъ — защищать поборника Православія, потому что ясно видѣли цѣль, къ которой стремились Аріане, управлявшіе волею Констанція, и знали, что главнымъ предметомъ гоненія не столько личность великаго Святителя, сколько православная вѣра, утвер-

(48) Блаж. Феодоритъ—Hist. Eccl. L. IV c. 16 — подробно передаетъ обстоятельства, при которыхъ сказаны Императоромъ приведенныя слова.

жденная на Никейскомъ Соборѣ и столь неизмѣнно защищаемая св. Аѳанасіемъ во главѣ всѣхъ православныхъ. «Это не новость для насъ, писалъ Папа Ливерій къ Констанцію, что ученіе Церкви преслѣдуютъ подъ именемъ Аѳанасія». «Не соглашайся съ Аріанами, не вѣрь Урзасу и Валенту, писалъ Осія къ тому же Императору; все, что говорятъ они, говорятъ не ради Аѳанасія, но чтобы поддержать свою ересь». «Положимъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ самъ Святитель нашъ, положимъ, что они (Аріане) имѣютъ основаніе обвинять Аѳанасія, но что сдѣлали имъ другіе Епископы?.. Вотъ это-то и доказываетъ, что все представленное ими противъ Аѳанасія есть ложь, а ложь въ обвиненіи Аѳанасія показываетъ ложь и тѣхъ обвиненій, кои взнесены противъ другихъ Епископовъ ⁽⁴⁹⁾»... Если такимъ образомъ должны были терпѣть гоненіе Епископы отдаленныхъ провинцій за вѣру и великаго ея защитника, то самъ Архіепископъ Александрійскій, конечно, не могъ оставаться въ безопасности. Преслѣдуя предстоятелей Церкви западной, Аріане только заграждали для св. Аѳанасія то убѣжище, гдѣ онъ прежде находилъ защиту и дѣятельную помощь въ своей борьбѣ съ врагами Христіанства. Но «когда (говоритъ онъ самъ) еретики сдѣлали все, что замыслили противъ Церквей Италіи и другихъ странъ, когда изъ тамошнихъ Епископовъ одни были изгнаны, другіе потерпѣли насиліе, когда все исполнилось ужасомъ и

(49) Письмо Ливерія v. in. Hilar. fragm. 5; письмо Осія in Athan. Hist. Ar. ad mon. c. 44. Слова самаго св. Аѳанасія — in cap. 3.

для гонимаго Аѳанасія не осталось ни одного Епископа, къ которому онъ могъ бы обратиться за помощію; тогда наконецъ, какъ нѣкая зараза, они обратились противъ города Александріи ⁽⁸⁰⁾». Императоръ послалъ туда указъ, въ которомъ, подъ опасеніемъ ссылки, отнятія имѣній и заключенія въ темницу, повелѣлъ всѣмъ вѣрующимъ удалиться общественныхъ собраній, гдѣ присутствовала Аѳанасій, а всѣмъ Епископамъ Египта, Ливіи и Фиваиды, подчиненнымъ Архіепископу Александрійскому, — прервать всякія съ нимъ сношенія и подписать опредѣленія Собора Медиоланскаго. Пасомые должны были побуждать своихъ пастырей къ покорности волѣ императорской, а исполнители сей воли окружены были донощиками — аріанами, чтобы не смягчили тѣхъ жестокостей, какимъ предписывалось подвергать твердыхъ въ вѣрѣ и вѣрныхъ св. Архипастырю. Въ слѣдъ за тѣмъ три императорскіе посла—Монтавъ, Діогенъ и Сиріанъ попеременно являлись въ Александрію и приказывали св. Аѳанасію удалиться изъ города. Но Святитель, увѣренный въ душѣ своей, что «отсутствіе Пастыря подаетъ случай волкамъ расхищать словесное стадо Христова ⁽⁸¹⁾», и ссылаясь на прежнія письма Императора, въ которыхъ ему позволялось безпрепятственно оставаться въ Александріи и исполнять свои пастырскія обязанности, требовалъ отъ нихъ новаго письменнаго эдикта на изгнаніе; народъ, клиръ и почетнѣйшіе изъ

⁽⁸⁰⁾ Ath. in Hist. Ar. ad mon. c. 47.

⁽⁸¹⁾ Athan. in Apolog. ad Constan. c. 26.

гражданъ также просили показать имъ царское опредѣленіе или помедлить исполненіемъ его, до тѣхъ поръ, пока нарочитая депутація изъ Александріи отнесетъ мольбы ихъ въ защиту любимаго Святителя. Кровавый Сирианъ по видимому согласился съ прозвобой Александрійцевъ, но чрезъ нѣсколько дней безчеловѣчнымъ образомъ воспользовался ихъ довѣрчивостію. Въ ночь на 9-е Февраля 356-го года, когда св. Аѳанасій находился въ Церкви съ многочисленнымъ народомъ и, по древнему обычаю, занимался пѣніемъ и чтеніемъ псалмовъ, вдругъ храмъ осаждаютъ пять тысячъ воиновъ, вооруженныхъ мечами, луками и дротиками, подъ предводительствомъ Сириана, рѣшившагося отнять, во чтобы то ни стало, — пастыря отъ его пасомыхъ. Св. Аѳанасій велѣлъ діакону читать Псал. 135-й, а народу отвѣчать: *яко въ вѣкъ милость Его*, и потомъ выходить изъ Церкви. Псаломъ еще не былъ дочитанъ, какъ двери храма были разломаны и Сириановы воины, вторгшись въ Церковь, очищали себѣ путь къ олтарю насиліями и убійствами. Приближенные св. Аѳанасія просили его спастись скорѣе отъ враговъ, но неустрашимый Пастырь спокойно сидѣлъ на своей каедрѣ, увѣщевалъ предстоящихъ къ молитвѣ и увѣрялъ, что до тѣхъ поръ не оставитъ своего мѣста, пока всѣ православные, одинъ по одному, не выйдутъ изъ храма. Когда наконецъ убійцы, всюду искавшіе Святителя, приближались уже къ Епископской каедрѣ, иноки и священнослужители силою взяли св. Аѳанасія и, при помощи Божіей, успѣли благополучно выйти съ нимъ изъ храма, не бывъ замѣчены воинами,

и скрыть его въ неизвѣстномъ мѣстѣ. Тогда-то, по удаленіи Пастыря, Александрійская паства подверглась неслыханному расхищенію; убійства, грабежи и всякаго рода насилія наполнили городъ; толпы язычниковъ, поощряемые Аріанами и царскими чиновниками, врывались въ Церкви, осыпали поруганіями находившихся тамъ Христіанъ, ломали жертвенники и престолы, и съ прочею утварію сожигали предъ вратами храмовъ въ честь своихъ идоловъ, громко зывая, что Кесарь и Аріане одной съ ними вѣры ^(*). Въ тоже время другой Каппадокіецъ Георгій, незадолго предъ тѣмъ посвященный въ Антиохіи Аріанами, «въ душѣ идолопоклонникъ, по нравамъ чудовище, худое родомъ, еще худшее сердцемъ (слова св. Григорія Наз.)», вступилъ въ Александрію подъ прикрытіемъ вооруженныхъ воиновъ, чтобы заступитъ мѣсто Аѳанасія; но едва онъ явился между православными въ праздникъ Пасхи, — Церковь опустѣла и всѣ вѣрные стали собираться на кладбищахъ. Раздраженный Георгій, предводительствуя солдатами какъ военачальникъ, преслѣдовалъ вѣрующихъ всюду по окрестностямъ, нападалъ на старцевъ, женъ и дѣтей, и сперва угрозами, потомъ ударами принуждалъ ихъ къ общенію съ Аріанами... Среди столь плачевныхъ для Александріи происшествій св. Аѳанасій хотѣлъ было итти

(*) Athan. Apol. de fuga sua. c. 6 — 10 и 24. Apol. ad Const. c. 26 et s. Hist. Ar. ad mon. c. 48 et s. Подлинный протестъ Александрійцевъ противъ всѣхъ несправедливостей Сиріана v. in Hist. Ar. ad mon. c. 87 и Soz. H. Eccl. L. IV c. 9.

къ Императору и лично умолять его, чтобы онъ обуздалъ нечестивыхъ гонителей; но когда узналъ, что всѣ жестокости происходятъ не безъ воли самаго Констанція, и что оставаться въ городѣ или быть близъ города значить подвергать свою жизнь явной опасности⁽³³⁾, удалился въ пустыню, чтобы «самымъ бѣгствомъ воспользоваться, по выраженію св. Григорія Назіанзена, какъ можно лучше⁽³⁴⁾». Чтоже могъ сдѣлать Святитель въ эту страшную годину внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдствій Христіанской Церкви, вдали отъ своей паствы, скрываясь самъ въ пустыняхъ, монастыряхъ и пещерахъ?... Но ничто не могло остановить святой ревности великаго Аѳанасія о благѣ Церкви; неутомимый Пастырь, по видимому лишенный всей возможности дѣйствовать по влеченію своей ревности, нашелъ средства продолжать заслуги свои Церкви Божіей; не могли дѣйствовать лично, онъ тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ за-очно; не могли питать души Христіанскія живымъ словомъ истины, онъ тѣмъ больше писалъ въ назиданіе православныхъ, въ ихъ утѣшеніе и предостереженіе отъ еретиковъ—гонителей.

Бѣдствующая паства Александрійская имѣла теперь нужду прежде всего въ утѣшеніи и ободреніи. Св. Аѳанасій, самъ безпрестанно гонимый Аріанами изъ одного мѣста въ другое по обширному округу Александрійскому и принужденный иногда жить между дикими звѣрями, посылалъ къ своимъ пасомымъ

⁽³³⁾ Apol. ad Const. с. 27—34.

⁽³⁴⁾ Похв. Слов. св. Аѳан. въ твор. св. Отц. Год. I. Т 2. ст. 192.

письма за письмами, изъ коихъ каждое исполнено высокихъ мыслей и утѣшительныхъ надеждъ, внушаемыхъ истинною вѣрою. «Богъ утѣшитъ васъ, писалъ онъ однажды; справедлива скорбь ваша о томъ, что чужіе захватили ваши храмы и вы принуждены теперь стоять лишь за дверями. Но они владѣютъ храмами, а вы имѣете вѣру Апостольскую; они внутри храмовъ, но внѣ вѣры; вы—внѣ храмовъ, но внутри васъ обитаетъ истинная вѣра. Чтоже важнѣе, вѣра или храмъ? Очевидно—вѣра ⁽⁵³⁾»!... И убѣжденія Пастыря производили то, что православные жители Александріи въ это время охотнѣе и чаще собирались на молитву подъ открытымъ небомъ, на поляхъ и среди пустынь, только бы не сообщаться съ еретиками, господствовавшими въ городѣ ⁽⁵⁴⁾. Находясь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Александріи, Святитель принималъ живое участіе во всемъ, что происходило въ Церкви Египетской; утверждалъ колеблющихся въ вѣрѣ, ободрялъ твердыхъ, всѣмъ внушалъ мысли и чувства, какія необходимы были при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Со времени прибытія Георгія, Аріане предлагали православнымъ Епископамъ исповѣданіе вѣры, составленное на одномъ изъ ихъ Соборовъ, и съ обычными угрозами требовали подписаться на еретической хартіи: св. Аѳанасій, по сему случаю, писалъ къ сво-

⁽⁵³⁾ Это письмо дошло до насъ въ отрывкахъ v. Montfauc. Omnia opp. Athan. Том. II. с. 968.

⁽⁵⁴⁾ Athan. Hist. Ar. ad mon. с. 53—69. Похвал. Слов. Григор. Наз. и Theodoret. Н. Е. Л. II. с. 14.

имъ со-пастырямъ: «ничто да не увлекаетъ насъ, ничто да не отлучаетъ насъ отъ любви Христовой, хотя бы еретики угрожали намъ смертію. Мы-Христіане, а не Аріане... Стыдно, крайне стыдно было бы, если бы мы оставили вѣру, преданную намъ Спасителемъ чрезъ Его св. Апостоловъ, и предпочли ей бредни Арія и ему подобныхъ... Посему-то умоляю васъ: сохраните вѣру, которую Отцы исповѣдали въ Никеи, защищайте ее съ ревностію, твердо и непреклонно; будьте образцами для другихъ и докажите всѣмъ, что настало время бороться за истину.. Сдѣлаться мученикомъ можно не-тогда только, когда отказываешься приносить жертву идоламъ; но и когда блистательно свидѣтельствуешь свою вѣру, когда не отрицаешься ея прель еретиками... Дѣло идетъ о томъ, что всего важнѣе (τὸν περὶ παντὸς οὗτος ἡμῖν ἀγώνος), о томъ, отвергнуть или сохранить вѣру православную. Сохранимъ же то, что мы пріяли; будемъ держаться, какъ твердыни, вѣры Никейской⁽⁸⁷⁾»... И православные Святители, пресвитеры и діаконы, подобно своему Архіепископу, соглашались лучше терпѣть все за имя Христово, нежели искупать себѣ спокойствіе и довольство измѣною православію. Изъ девяноста Епископовъ шестнадцать были сосланы, тридцать свержены съ каедръ своихъ, нѣкоторые изъ клириковъ погибли мученически (Діаконъ Евтихій, Пресвитеръ Секундъ и другіе)⁽⁸⁸⁾. Меж-

(87) Epist. ad Episc. Aeg. et Libyae c. 20 et 21.

(88) Ath. Hist. Ar. ad mon. c 60—73. Apol. de fug. s. c. 6 — 10. Похвал. слов. Григорія Наз. гл. 9. Vita S. Pathomii in Actis. Sanc-

ду тѣмъ (отъ 356 до 361 г.) дѣйствиємъ неутомимыхъ въ замыслахъ и преступленіяхъ еретиковъ, въ различныхъ областяхъ имперіи происходили очень важныя событія, имѣвшія вліяніе на всю Церковь Христіанскую: и объ нихъ писалъ Святитель, съ неусыпною заботливостію узнававшій отъ надежныхъ людей о современныхъ происшествіяхъ; Онъ сообщалъ вѣрный взглядъ на дѣйствія еретиковъ тѣмъ, кои или не могли правильно судить объ нихъ потому самому, что находились къ нимъ слишкомъ близко, или были въ опасности увлечься на сторону противниковъ, и убѣждалъ всѣхъ держаться истины, которая говорила, такъ сказать, его устами. Аріанскіе Епископы, думая, что они теперь одержали рѣшительную побѣду надъ великимъ поборникомъ вѣры Апостольской и съ нимъ надъ прочими сотрудниками его, начали дѣйствовать открыто. Они собрались въ *Сирмиумъ*, городъ Иллиріи (въ 357 году), и въ присутствіи Императора Констанція составили новое исповѣданіе вѣры, которое самъ Арій съ удовольствіемъ призналъ бы своимъ собственнымъ произведеніемъ: ибо въ немъ совершенно исключены были выраженія о единосущи и равносущи Сына Божія съ Отцемъ, за то будто бы, что онѣ возбуждали несогласіе между вѣрующими. Виновникъ этого произведенія

tor. 14 Maii. Sozom. H. E. L. IV. c. 9. Св. Аѳанасій во время пребыванія своего въ пустынѣ написалъ: Epistolam ad Episc. Aeg. et Libyae, Apologiam ad Constant., Apol. de fuga sua, Epist. ad Serap., De morte Arii, Epistolam et Hist. Arian. ad monachos, Orationes I. II. III и IV cont. Arianos, Epist. I. II. III и IV ad Serap., Epistolam de Synodis—всѣ лучшія свои сочиненія!

былъ Потамій Епископъ Лиссабонскій, при содѣйствіи Урзаса и Валента. Соблазнъ, сопровождаемый угрозами и принужденіемъ, былъ столь великъ, что почти всѣ Епископы востока и запада приложили руку къ исповѣданію; даже столѣтній старецъ Осія Корлубскій, лично присутствовавшій тогда въ Сирміумѣ, не устоялъ до конца; силы естественныя измѣнили знаменитому подвижнику; подъ тяжестью мукъ онъ подписалъ исповѣданіе аріанское, но не согласился анаѳематствовать св. Аѳанасія, чего Соборъ также требовалъ при этомъ, и отпущенный на свою кафедру, предъ смертію своею торжественно отрекся отъ вынужденной подписи и проклялъ ересь аріанскую. Папа Ливерій, мужественно противопоставившій Аріанамъ прежде, теперь не только подписалъ символъ Сирміумскій и осудилъ св. Аѳанасія, но предъ всѣми объявилъ (въ письмѣ своемъ къ членамъ Собора), что отнынѣ онъ прерываетъ всякое общеніе съ Архіепископомъ Александрійскимъ, слѣдуя словамъ Писанія: *сыны чловѣческіе, судите судъ правый* ⁽⁵⁹⁾... «Такъ-то, говоритъ Иеронимъ при описаніи происшествій сего времени, почти весь міръ, самъ не понимая какимъ образомъ, сталъ аріанствующимъ ⁽⁶⁰⁾!» Въ столь бѣдственное для Церкви Христіанской время Святитель Аѳанасій не безмолствовалъ; вмѣстѣ съ немногими истинными Пастырями, подобно ему страдав-

(59) Ath. Hist. Arian. ad mon. c. 41 — 45 и 75. De Synod. c. 28. Hilar. de Synod. fol. 1157. Epiphani. haeres. LXXII fol. 311 edit. Collat. письма Ливерія in fragmentis Hilarii fol. 1336—1340.

(60) Hieronym. in Dialog. contra Lucifer.

шими въ изгнаніи и заточеніи, онъ не переставалъ поддерживать православныхъ своими трогательными убѣжденіями: «хотя бы братья насъ оставили, писалъ онъ къ пустынникамъ Египта, хотя бы друзья и знаемые измѣнили намъ, хотя бы никто не остался сострадать и утѣшать насъ, и тогда у насъ есть надежное прибѣжище — Господь. Илія также оставался нѣкогда одинъ, когда его преслѣдовали, но Богъ былъ для него *вся во всемъ*. Подобный примѣръ оставилъ намъ и Самъ Спаситель: Онъ также, оставленный всѣми, одинъ переносилъ страданія, дабы и мы, будучи оставлены людьми во времена напастей, не упадали духомъ, но на Него возлагали упованіе, и не измѣняли истинѣ. Она (истина), хотя и можетъ быть помрачена на нѣсколько времени, но сами гонители наконецъ должны будутъ узнать ее ⁽⁶¹⁾». Предсказаніе Святителя начало исполняться отчасти въ томъ же самомъ году. Чисто-аріанскій символъ *второго Сирмійскаго Собора* былъ рѣшительно отвергнутъ Епископами Галліи; въ слѣдъ за ними и многіе Епископы восточные, которые дотолѣ вооружались противъ св. Аѳанасія и Собора Никейскаго, увидѣли свою ошибку ⁽⁶²⁾. Василій, Епископъ Анкирскій, нѣкогда низложенный

(61) Hist. Ar. ad mon. c. 47. Она писана въ 358 году.

(62) Св. Иларій, около сего времени, писалъ изъ мѣста своего заточенія къ Епископамъ Галліи: *fidei vestrae imperturbatae inconcussaeque fama quosdam orientalium episcopos ad aliquem pudorem nutritae exinde haereseos auctaeque commovit, et auditis iis, quae apud Sirmium conscripta impiissime erant..., contradixerunt. De Syn. c. II. ср. Epi. haer. LXXIII.*

въ Сардикѣ и потомъ ревностно подвизавшійся на первомъ Соборѣ Сирмійскомъ (въ 351 году) противъ еретика Фотина, по случаю стеченія Епископовъ для освященія храма въ городѣ Анкирѣ, составилъ изъ нихъ Соборъ (358 г.), чтобы «поддержать вѣру отеческую, подвергающуюся опасности», какъ сказано въ предисловіи къ актамъ этого Собора. Здѣсь, въ первый разъ, самими приверженцами аріанства произнесено проклятіе на тѣхъ, кои не признаютъ Сына Божія подобнымъ Отцу (*ὁμόμοιοι*), т. е. на чистыхъ Аріанъ, главами коихъ тогда былъ Евдоксъ, преемникомъ захватившій престолъ Антиохійскій, и покровительствуемые имъ Аэцій, Евномій и Акакій: но или по нерѣшительности или по желанію какъ-нибудь согласиться съ упорнѣйшими изъ еретиковъ, Соборъ Анкирскій не одобрилъ слова *ὁμοούσιος*, замѣнивъ его въ изданномъ тогда же символѣ вновь изобрѣтеннымъ выраженіемъ: *подобенъ по существу* (*ὁμοιος κατ' οὐσίαν*), и такимъ образомъ положилъ начало отдѣльной сектѣ полу-аріанъ. Вскорѣ за тѣмъ Василій Анкирскій и Евстаѳій Севастійскій (главы секты полуаріанской) отправились на западъ въ надеждѣ привлечь на свою сторону легкомысленнаго Императора Констанція и, безъ труда достигши своей цѣли, убѣдили его созвать соборъ на западѣ (третій Сирмійскій, въ 359 г.), имѣвшій прямое назначеніе сблизить полу-Аріанъ съ Аномеями. На немъ согласились: по требованію первыхъ, отвергнуть второй Соборъ Сирмійскій, а изъ угожденія послѣднимъ—запретить слова *ὁμοιος*, *ὁμοούσιος*, *ὁμοιούσιος* и т. п., и отнынѣ употреблять только одно, двусмысленное и неопредѣленное, выра-

жете: *подобенъ во всемъ* (*ὅμοιος κατὰ πάντα*), подь котормъ та и другая партія легко могла скрывать свои понятія объ отношеніи Сына Божія къ Богу-Отцу, — что и сдѣлано въ изданномъ здѣсь новомъ символѣ ⁽⁶⁵⁾. Символь былъ озаглавленъ: «Каѳолическая вѣра, изложенная въ Сирміумѣ, 22-го Мая, въ присутствіи вѣчнаго (*αιωνίου*) Императора Констанція, въ Консульство Флавіевъ—Евсевія и Ипатія». «Вотъ, писалъ въ томъ же году Святитель Аѳанасій изъ пустыни Африканской, Урзась, Валентъ и Ерминій издали символъ вѣры, въ которомъ обозначили консульство, годъ и день его составленія, дабы всякой зналъ, что вѣра ихъ получила начало свое въ царствованіе Констанція! Императоръ почтенъ въ немъ именемъ вѣчнаго, въ чемъ они отказываютъ Христу—Спасителю! Да еще не говорятъ: такъ мы вѣруемъ, а говорятъ: *каѳолическая вѣра*, изложенная тогда-то, какъ будто вѣра православная лишь въ это время начала существовать!.. Не такъ поступалъ Соборъ Никейскій: дѣлая свое опредѣленіе касательно празднованія Пасхи, Онъ написалъ: *благоизволися намъ* (*ἔδοξε τὰ ὑποεταχμένα*), потому что тогда въ первый разъ постановлено было правило касательно сего предмета. А говоря о вѣрѣ, Отцы Собора не только не обозначили консульства, года и числа, не сказали и *благоизволися*, но сказали: *такъ вѣруетъ каѳолическая Цер-*

(65) О всѣхъ сихъ происшествіяхъ говорятъ: Socrat. H. Eccl. L. II. c. 30. Soz. L. IV. c. 13—15 и 30. Theod. L. II. c. 23. Epiphanaeres. LXXIII et s. Hilar. de Synod. c. 12 — 16. Ath. de Syn. c. 29—31. V. Tillem. Tom. VI pag. 404 et s.

ковъ, и потомъ изложили самое исповѣданіе вѣры, давая тѣмъ разумѣть, что вѣра ихъ не новая какая-либо, но Апостольская, и изложенное ими на письмѣ не ими изобрѣтено, а предано имъ отъ Апостоловъ (*ἀλλὰ ταυτ' ἔστιν, ἅπερ ἐδίδαξαν οἱ Ἀποστολοὶ*) ⁽⁶⁴⁾... Видя неуспѣшность своихъ частныхъ Соборовъ и непрочность своихъ символовъ, изъ коихъ ни одинъ не могъ устоять противъ символа Никейскаго, Аріане рѣшились наконецъ соединить свои раздѣленные партіи и подражать Собору Никейскому; они уговорили Императора Констанція собрать Соборъ вселенскій, но для удобнѣйшаго дѣйствованія — раздѣлить его на двѣ части, такъ чтобы Епископы восточные собрались въ Селевкии (въ Исавріи, на границахъ Арменіи), а западные въ Аримини или Римини Италійскомъ ⁽⁶⁵⁾. Западные собрались прежде — въ числѣ 400 Епископовъ, изъ коихъ 80 было арианскихъ; имъ предложенъ былъ для подписанія новый символъ, сходный съ третьимъ Сирмійскимъ, за исключеніемъ словъ: *равенъ во всемъ*, которыя теперь замѣнены словами: *равенъ по писанію*. Православные отвергли предложеніе, утверждая необходимость держаться одного Символа Никейскаго, и отправили отъ

(64) Athan de Syn. c. 3. 4 и 5. Самый символъ Аріанъ vid. in. c. 8 et apud Socrat. H. Eccl. L. II. c. 30.

(65) ... νομιζοντας δύνασθαι καλύψαι τὴν ἐκ Νικαίᾳ σύνοδον, καὶ τοὺς πάντας μεταπέμψαι, ὥστε τὴν ἀσέβειαν ἀντὶ τῆς ἀληθείας κρατῆσαι πανταχοῦ — de Synod. c. 1... ἀλλὰ πάλιν φοβηθέντες, μὴ πάλιν εἰς ἐν συνελθόντων μάταιος ἢ σπουδῆ γένηται, ἠξιώσαντες εἰς δύο διαιερεθῆναι τὴν σύνοδον, ἵνα ἐν μέρει γενόμενοι ὑφαρπάσκει δύνηθῶσι τὸ πλεόν..., καὶ οὕτω τὰ μὲν ἐν Νικαίᾳ κρηθέντα σχολάσαι... cap. 7.

себя десять Епископовъ къ Императору съ извѣстіемъ о происшедшемъ; тоже сдѣлали и Аріане: но посланные послѣднихъ предупредили первыхъ, не допустили ихъ до Констанціи и самихъ преклонили на свою сторону. Смятеніе умножилось въ Римини, когда Епископы слышали запрещеніе Императора возвращаться имъ на свои катедры, если будутъ продолжать свою настойчивость; — и за тѣмъ православные, утомленные долгимъ пребываніемъ внѣ своихъ епархій и обольщаемые увѣреніями Аріанъ, что выраженія о подобіи и единосущіи Сына Божія исключены ими изъ символа только для прекращенія всѣхъ несогласій, мало по малу начали переходить на сторону послѣднихъ. Когда же, въ заключительномъ собраніи, Валентъ—законодательный противникъ православія, — торжественно произнесъ анафему на тѣхъ, которые исповѣдуютъ Сына Божія созданнымъ по подобію прочихъ тварей: то всѣ Епископы не подозрѣвая хитраго обмана въ двусмысленныхъ словахъ, приложили руку къ еретическому символу, сказавъ только, что они жертвуютъ *словомъ* *ὁμοούσιος*, но отнюдь не *смысломъ*, какой Церковь соединяетъ съ этимъ словомъ. Такъ кончился Соборъ въ Римини! Еще неудачнѣе были послѣдствія Собора Селевкійскаго, на которомъ число Епископовъ Аріанскихъ было несравненно больше числа православныхъ. При первомъ же засѣданіи, они раздѣлились на три части и, послѣ тщетныхъ совѣщаній о вѣрѣ, послѣ долгаго исканія терминовъ и выраженій, соотвѣтствующихъ мыслямъ cadaго изъ нихъ, ничего не рѣшили единодушно. Чистые Аріане предлагали исповѣданіе Сир-

мійское (2-е), но его отвергли полу-аріане, предлагая съ своей стороны символъ, составленный въ Антиохіи въ 341 году, благопріятствовавшій ихъ ученію. Тѣмъ и другимъ сопротивлялся Акакій Кесарійскій, запутывая себя и другихъ новыми символами, еще болѣе богохульными. Полу-аріане, негодуя на противниковъ, произнесли на нихъ проклятіе и послали отъ себя депутацію къ Императору въ Константинополь; Аріане, предупредивъ ихъ посланныхъ, въ столицѣ составили свой небольшой Соборъ (въ 360 г.), подвергли проклятію всѣхъ Полуаріанъ и успѣли нѣкоторыхъ изъ нихъ свергнуть съ Епископскихъ кафедръ (напр. Македонія Константинопольскаго, коего мѣсто занялъ теперь Евдоксъ, Елевзія Сизикскаго, Василя Анкирскаго, Евстаѳія Севастійскаго и др.). Потомъ ими составлено было еще нѣсколько Соборовъ, на которыхъ одни бесполезно опровергали другихъ, смѣняли одинъ символъ за другимъ безъ всякой нужды и, не согласуясь между собою ни въ чемъ, согласовались только въ одномъ—въ противленіи Никейскому Собору ⁽⁶⁶⁾. «Удивляюсь, писалъ великій наблюдатель современныхъ происшествій, крайне удивляюсь, что заставляетъ этихъ людей, называющихъ себя служителями Церкви (*κληρικοὺς*) возмущать весь міръ, бѣгая туда и сюда и доискиваясь,

(66) Socrat. H. Eccl. L. II. c. 37—41. Sozom. L. IV. c. 19—24. Ruffin. L. I. c. 21. Athan. de Synod. c. 1—8. 28—31. Похвал. Слов. Григорія Наз. въ Твор. св. Отц. Год. 1. Т. 2. стр. 196 и др. «Вотъ что значилъ для насъ Аѳанасій, пока онъ былъ броней Церкви, и вотъ что вышло, когда онъ удалился по навѣтамъ лукавыхъ!»—восклицаетъ св. Григорій!—стр. 199.

какъ надобно вѣровать въ Господа нашего І. Христа. Подлинно, если бы они на самомъ дѣлѣ вѣровали въ Него, то безъ сомнѣнія не искали бы вѣры, какъ дѣлаютъ теперь, не имѣя оной!... Къ чему же, скажите, служатъ ихъ Соборы, на которыхъ они только болѣе и болѣе обличаютъ себя приверженцами Арія? Соборъ Никейскій, созванный противъ Аріанской ереси, давно уже осудилъ всѣ отрасли ея правою своею вѣрою!... Кто здравомыслящій повѣритъ и ихъ еимволамъ? Если все они содержатъ одну и ту же мысль, то для чего ихъ такое множество? Если же такое множество символовъ необходимо, то еретики сами, постоянно измѣняя и замѣняя одинъ другимъ, ясно даютъ намъ разумѣть, что каждый изъ ихъ символовъ неполонъ и недостаточенъ!... Все это очевиднымъ образомъ доказываетъ, что они коварно встаютъ противъ вселенскаго Собора, злоумышляютъ на самага Христа, отвергая одно и прибавляя другое (касательно лица Его) на своихъ Соборахъ!... Они съ упорствомъ защищаютъ свою ересь, продолжаетъ Святитель обращаясь къ своимъ читателямъ, но не смущайтесь и не считайте ихъ дерзости за признакъ истины, ибо они враждуютъ и другъ противъ друга; оставивши Отцевъ, они не могутъ быть согласны и между собою, и не перестанутъ скитаться и влаться вѣтромъ всякихъ измѣненій и противорѣчій; отвергнувъ Соборъ Никейскій, они составляли и составляютъ множество своихъ Соборовъ, изъ коихъ на каждомъ выдавали и выдаютъ новое исповѣданіе вѣры, и ни на одномъ изъ нихъ не остановилесь и конечно никогда не остановятся, доколѣ будутъ искать истины

на путяхъ ложныхъ..., доколѣ не обратятся и не скажутъ, пришедъ въ себя подобно сыну блудному: вставше идемъ ко Отцамъ нашимъ и речемъ имъ: проклинаемъ ересь Аріанскую, признаемъ Соборъ Никейскій!!» (67). Критическій переворотъ уже готовъ былъ совершиться. Аріане, зашедшіе слишкомъ далеко на ложномъ пути своемъ, глубоко уронили себя въ глазахъ другихъ и своихъ собственныхъ безпрестаннымъ измѣненіемъ своего ученія и внутреннею враждою. Оставалась имъ еще одна внѣшняя опора — покровительствующая власть Императора Констанція: но и той лишились наконецъ въ 361 году. Прозорливый старецъ Аѳанасій, за три года предъ тѣмъ, предсказывалъ, что они сами (гонители-еретики) принуждены будутъ узнать истину: отрицательную сторону этой истины (т. е. что правая вѣра не въ ихъ ученіи) Аріане узнали теперь собственнымъ опытомъ; оставалось узнать сторону положительную—обратиться къ православной Церкви и принять исповѣданіе Собора Никейскаго! По мудрому устроенію Божественнаго Промысла, они снова узнали ее (хотя не всѣ и опять не на всегда) при помощи того же мужа, котораго доселѣ съ такимъ неистовствомъ преслѣдовали — при помощи св. Аѳанасія!

На престолъ Императорскій, по смерти Констанція, вступилъ Юліанъ богоотступникъ. Не принадлежа въ душѣ своей къ сторонѣ Христіанъ православныхъ, не

(67) De Synod. c. 2. 6. 14 и 32. ср. Epist. ad Episc. Aeg. et Lib. c. 5 и 6.

будучи и въ числѣ еретиковъ , и потому не покровительствовавшій ни тѣмъ, ни другимъ, Юліанъ вскорѣ по своемъ воцареніи объявилъ совершенную свободу всякому вѣроисповѣданію и особеннымъ указомъ повелѣлъ вызвать изъ ссылки всѣхъ Епископовъ, изгнанныхъ Констанціемъ, какъ православныхъ, такъ и не православныхъ. По сему случаю и св. Аѳанасій возвратился на свою кафедру въ Александрію, гдѣ не долго предъ тѣмъ недостойный Епископъ Георгій былъ убитъ язычниками за публичное осмѣяніе ихъ религіи. Александрійцы съ радостію и благоговѣніемъ встрѣтили своего великаго Святителя и тотчасъ же сдали ему всѣ Церкви, захваченныя Аріанами; еретики принуждены были съ сего времени дѣлать свои собранія въ мѣстахъ потаенныхъ ⁽⁶⁸⁾. Впрочемъ, число послѣднихъ, по милости Божіей, замѣтнымъ образомъ стало уменьшаться какъ въ Египтѣ, такъ и во всемъ Христіанскомъ мірѣ. Аріанство, раздѣленное внутри себя на нѣсколько отдѣльныхъ партій, не поддерживаемое и отвиѣ, уподоблялось теперь разбитому кораблю, съ котораго стараются спастись всѣ бывшіе на немъ, кто куда можетъ. Благоразумнѣйшіе и умѣреннѣйшіе изъ нихъ устремились къ истинному тихому пристанищу— св. Церкви, и просили православныхъ пастырей принять ихъ въ общеніе съ нею, соглашаясь признать ученіе вселенское и рѣшительно отказываясь отъ аріанской ереси. Такихъ людей, обращавшихся съ пути

(68) Socr. H. Ecc. L. III. c. 2—4. Soz. L. III. c. 2 и L. IV. c. 30. Philost. L. II. c. 7. Ammian. Marcell. Hist. L. XV. c. 7.

заблужденія, явилось много въ Египтѣ, Греціи, Испаніи, Галліи и даже въ предѣлахъ Антиохіи, гдѣ тогда обитали упорнѣйшіе изъ еретиковъ. Но при обстоятельствахъ, столь важныхъ и благодѣтельныхъ для Церкви, встрѣтились не маловажныя препятствія съ той и другой изъ сторонъ противныхъ. Нѣкоторые изъ православныхъ, по неразумной ревности по вѣрѣ или по излишней недовѣрчивости къ обращавшимся изъ аріанской ереси (напр. Люциферъ Сардинскій) требовали, чтобы Епископъ и клирики, подписавшіеся къ какому-либо аріанскому или полу-аріанскому символу, при вступленіи въ общество православныхъ, лишаемы были своихъ мѣстъ; иные настаивали даже, чтобы возвращающіеся въ нѣдра Церкви, были перекрещиваемы (напр. Діаконъ Римскій Иларій, образовавшій свою секту по этой мысли). Такая строгость, не принося пользы для Церкви Христовой, только препятствовала присоединенію отпадшихъ, которые искренно того желали ⁽⁶⁹⁾. Другимъ важнѣйшимъ препятствіемъ была неопредѣленность терминовъ, употребляемыхъ тогда для выраженія личныхъ и существенныхъ свойствъ Божіихъ и ихъ взаимнаго отношенія между собою. Противоборствуя за мысль, а не за слова одни, православные и еретики употребляли часто безъ различія слова: *ὑπόστασις* и *οὐσία*: Аріане напр. допускали три *υποστασις* въ одномъ существѣ Божественномъ (только да-

(69) Ath. in Tomo ad Antioch. c. 1. 2. et s. Epist. ad Rufinum. Soer. H. Eccl. L. III. c. 9. Soz. L. V. c. 15. Theodoret. L. III. c. 5. Hilar. L. 1. c. 78 и др

вали обратный смысл этимъ словамъ въ сравненіи съ нынѣшнимъ), и православные говорили: въ Богѣ три существа и одна упостась (но также въ смыслѣ противоположномъ); иногда тѣ и другія принимали выраженія: *ὑπόστασις* и *οὐσία* за одно и тоже. Теперь, когда обращающіеся отъ ереси, стали излагать свои мысли предъ Пастырями православными, то неопредѣленность терминологіи подавала поводъ къ большому замѣшательству: первые не могли съ точностію выразить своихъ мыслей—правыхъ, послѣдніе, по словамъ заключая о мысляхъ, подозрѣвали первыхъ въ неискренности и часто отказывали имъ въ общеніи съ Церковію ⁽⁷⁰⁾.—Св. Аѳанасій — пастырь сколько твердый въ вѣрѣ, столько же осторожный и благоразумный въ дѣйствіяхъ, слѣдившій бдительнымъ окомъ за всеми нуждами Христіанской Церкви и всегда готовый помогать имъ, оказалъ въ это время неоцѣненную заслугу для своего вѣка и для всѣхъ вѣковъ послѣдующихъ своими мудрыми распоряженіями на Соборѣ Александрійскомъ—въ 362 году. На этомъ Соборѣ, по отношенію къ обращающимся изъ аріанской ереси было принято за правило, чтобы главные изъ еретиковъ (*προϊσαμένοι τῆς ἀσεβείας*), при принятіи ихъ въ общеніе съ Церковію, лишались своего мѣста въ чинѣ Церковномъ; а тѣ, кои были увлечены въ аріанство по невѣдѣнію или по принужденію, оставались въ клирѣ и

(70) Объ этомъ подробно говоритъ Святитель in Tomo ad Antioch. с. 5 и 6. Также Григорій Назіанзенъ въ похвал. Словѣ св. Аѳан. (Твор. св. Отц. въ русск. перев. Г. 1. Т. 2. стр. 210 и 211).

послѣ обращенія ⁽⁷¹⁾. Неопредѣленность богословскихъ терминовъ была устранена точнымъ обозначеніемъ смысла, какой надобно соединять съ словами: *ὑπόστασις* и *οὐσία*; подъ первымъ вѣрно разумѣть личность Отца, Сына или Св. Духа, а подъ вторымъ общую всѣмъ тремъ лицамъ природу или естество Божеское ⁽⁷²⁾—точно такъ, какъ вся Христіанская Церковь разумѣетъ ихъ съ тѣхъ поръ до нынѣ! Извѣщая всѣхъ вѣрующихъ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ подъ предсѣдательствомъ его въ Александріи, св. Аѳанасій отъ имени Собора писалъ между прочимъ къ жителямъ Антиохіи: «такъ какъ многіе изъ тѣхъ, кои были прежде нашими врагами, желаютъ мира, и многіе изъ бывшихъ послѣдователей Арія ищутъ нашего общенія, и поелику нѣтъ бѣдшаго блага, какъ *еже жити братіи вкупль*, по словамъ Псалмопѣвца (Псал. 132, 1), то (прошу васъ) принимайте всѣхъ желающихъ общенія съ нами и отстающихъ отъ секты аріанской, какъ Отцы—дѣтей, и обращайтесь съ ними какъ учителя и покровители. Увѣщавайте всѣхъ обращающихся и сами старайтесь не состязаться за одни слова и не вдаваться въ пустые споры за выраженія, но содержать единодушно мысль правую»... Дѣйствуя въ духѣ Христіанской любви и благоразумной умѣренности, св. Аѳанасій требовалъ только, чтобы возвращавшіеся въ нѣдра православной Церкви принимали неизмѣнно то исповѣданіе, какое она изложила на Вселенскомъ Соборѣ для

⁽⁷¹⁾ Ath. Epist. ad Rufin.—Montfauc. edit. Т. II. р. 963 и 964.

⁽⁷²⁾ Tom. ad Antiochen с. 6 и 11.

пресѣченія аріанской ереси : «ничего больше не требуютъ отъ нихъ, продолжалъ онъ, кромѣ того, чтобы они отрицались аріанской ереси и принимали исповѣданіе вѣры, изложенное Отцами въ городѣ Никеи... Кто требуетъ больше того, что сказано въ Никейскомъ символѣ, тотъ погубляетъ *пóдруга своего* (Аввак. 2, 15), ненавидитъ миръ и желаетъ раздѣленій⁽⁷³⁾»... Мудрыя распоряженія и увѣщанія Святителя, не ожесточившія надшихъ, не соблазнявшія и малодушныхъ, распространились вмѣстѣ съ Епископами, бывшими на его Соборѣ, почти по всему міру Христіанскому, и бывъ прямо приспособлены къ тогдашнимъ нуждамъ Церкви, производили всюду самыя благодѣтельныя слѣдствія. Св. Григорій Назіанзенъ, описывая, какъ «сей блаженный, истинно Божій человѣкъ и великій строитель душъ» содѣйствовалъ прекращенію безчисленныхъ споровъ своимъ спокойнымъ проясненіемъ догматическихъ понятій, замѣчаетъ, что онъ тѣмъ какъ бы предотвратилъ важное раздѣленіе Церквей—восточной и западной, ибо «наставала (говорить) опасность, что вмѣстѣ съ словами расторгнутся и концы вселенной⁽⁷⁴⁾». Благодѣтельныя дѣйствія Архіепископа Алек-

(73) Tom. ad Antioch. c. 1. 2. 3 и 8.

(74) Твор. св. Отц... стр. 211. «Это полезнѣе, продолжаетъ св. Григорій, продолжительныхъ трудовъ и рѣчей, какія всякой уже передаетъ писанію. Это предпочтительнѣе многихъ блѣнныхъ, возлежащихъ на голой землѣ, которыя приносятъ пользу только упражняющимся въ оныхъ. Это равняется—достославнымъ изгнаніямъ и неоднократному бѣгству самаго Аѳанасія!» *ibidem*. Въ письмѣ къ Антиохійцамъ (с. 10) сказано, что на Соборѣ участвовали Епископы

сандрійскаго , способствовавшія соединенію разсѣянныхъ овецъ стада Христова, въ тоже время спасали Церковь Божию отъ другой опасности. Императоръ Юліанъ, намѣревавшійся возстановить издыхавшее язычество на мѣсто усиливающагося Христіанства, издавая эдиктъ о возвращеніи всѣхъ изгнанныхъ Епископовъ подъ предлогомъ вѣротерпимости; имѣлъ въ виду увеличить несогласіе Пастырей Церкви предоставленною имъ свободою въ дѣйствіяхъ и тѣмъ облегчить язычникамъ путь къ побѣдѣ надъ Христіанами ⁽⁷⁵⁾. Св. Аѳанасій, проникшій въ хитрый планъ Богоотступника , умиряя Церковь и утверждая согласіе между вѣрными, противопоставлялъ самое дѣйствительное препятствіе выполненію намѣреній, гибельныхъ для блага Христіанской Церкви. Посему-то св. Мужъ, управлявшій тогда дѣйствіями и другихъ Пастырей въ томъ же духѣ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Александрію , содѣлался предметомъ особенной ненависти Юліана. Неутомимая дѣятельность св. Аѳанасія противъ язычества, доселѣ скрывавшагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его епархіи, еще болѣе увеличила ненависть къ нему Императора,

Италіи, Аравіи, Египта, Ливіи, съ острова Сардиніи, изъ Антіохіи; оно адресовано, кромѣ Антіохійцевъ, также къ Епископамъ Галліи, Сардиніи, Аравіи, Келесиріи, Евбеи. Въ письмѣ къ Руфиніану св. Аѳанасій говоритъ, что тѣже правила приняты въ Греціи, въ Испаніи, въ Галліи.

⁽⁷⁵⁾ По согласному свидѣтельству Христіанскихъ и языческихъ писателей, какъ то: Socrat. H. E. L. III. c. 11. Soz. I. V. c. 5. и L. VI. c. 4. Hieron. contra Lucif. c. 7. Ammian. Hist. L. XXII. c. 12. 13 и д. Libanii—Monodia in Iulian. Vol. 1. pag. 513.

и мнимый покровитель вѣротерпимости неоднократно писалъ въ Александрію, чтобы Епископъ Аѳанасій немедленно выѣхалъ изъ города, и даже послалъ умертвить Аѳанасія или по крайней мѣрѣ изторгнуть его изъ рукъ народа, готоваго жизнію защищать своего любимаго Пастыря ⁽⁷⁶⁾. Но св. Аѳанасій, успокоивъ окружающихъ его пророчесственными словами: «не плачьте, эта гроза не больше, какъ мимолетное облако, которое пройдетъ очень скоро», благополучно спасся отъ гонителей, благодаря своему присутствію духа, и тайно жилъ въ Александріи или ея окрестностяхъ до самой смерти Юліана, послѣдовавшей чрезъ два мѣсяца, на войнѣ съ Персами (въ 363 году). — Обширѣйшее поприще дѣятельности противъ враговъ вѣры открывалось св. Аѳанасію по смерти Юліана богоотступника. Преемникъ его — Іовіанъ или Іовиніанъ, при самомъ вступленіи на престолъ, объявилъ, что онъ скорѣе откажется отъ Императорской короны, нежели станетъ защищать язычество, и обнаруживалъ непритворную привязанность къ Православной Церкви. Зная

(76) «Зависть (дѣвола) не могла терпѣливо видѣть, что Церковь весьма скоро, подобно тѣлу, заживила разсѣченные члены и достигла прежней славы и древняго благосостоянія: посему противъ Аѳанасія возставляетъ царя (Юліана), подобнаго себѣ отступника...», говоритъ св. Григ. Наз.—Твор. св. Отц.—стр. 206. ср. Socr. H. E. L. III. c. 11. Ruff. L. I, 33. Theodor. L. III. c. 5 и 9. Юліавъ, въ письмахъ къ Александрійскимъ гражданамъ, наполненныхъ бранью на св. Аѳанасія, называетъ его *πάνουργος, πολύπραγμων ἀνὴρ* и т. п. Брань въ устахъ врага есть — таже похвала! V. Epist. Iulian. Imperat. 6. 26 и 51. Edit. Spanheim.

по слуху о великомъ Святителѣ Александрійскомъ, онъ не только позволилъ ему спокойно занять свою кафедру, но и оказалъ ему такое предпочтеніе предъ всѣми Епископами, какаго св. Отець вполнѣ заслуживалъ: удивлялся, въ своихъ почтительныхъ письмахъ, его рѣдкимъ добродѣтелямъ, великимъ дѣяніямъ, многочисленнымъ, геройски переносимымъ страданіямъ за вѣру, и, желая узнать истину во множествѣ толковъ и тогдашнихъ разнорѣчій, просилъ себѣ наставленій въ православной вѣрѣ, «чтобы, какъ замѣчаетъ св. Григорій Наз., весь міръ сколько можно привести въ согласіе и единеніе содѣйствіемъ Св. Духа; въ противномъ же случаѣ, чтобы по крайнѣй мѣрѣ самому держаться исповѣданія лучшаго, сдѣлать оное господствующимъ и себѣ заимствовать отъ него силу» (77). «Ничего лучшаго не нахожу сказать тебѣ на твою прозьбу, писалъ ему въ отвѣтъ Святитель Аѳанасій, какъ только напомнить твоему благочестію о вѣрѣ, исповѣданной Отцами въ городѣ Никеи, которую признала вся вселенная, которую отвергають одни еретики—Аріане» (78),—и потомъ чрезъ нѣсколько времени,

(77) Твор. св. Отц. Г. 1. Т. 2. стр. 208 ср. Socr. H. E. L. III. c. 24. 25. Soz. L. VI. c. 2—4. Theod. L. IV. c. 2. 3. Письма Ювіана къ св. Аѳанасію и св. Аѳанасія къ Ювіану у Montfaucon. Tom. pag. 778—782.

(78) Въ письмѣ своемъ св. Отець говоритъ, что Никейскій символъ принять уже въ Испаніи, Британіи, Галліи, во всей Италіи, Далмаціи, Дакии, Мизіи, Македоніи, Греціи, во всей Африкѣ, Сардиніи, Кипрѣ, Критѣ, Памфили, Ликии, Исавріи, въ Понтѣ, Каппадокіи и другихъ сосѣдственныхъ церквахъ (по отношенію къ Александріи—*αὶ πλῆσιον ἡμῶν*)—pag. 781.

въ слѣдствіе новой прѣзбы Императора, самъ отправился къ нему въ Антиохію, гдѣ лично повторилъ свои пастырскія увѣщанія. Напрасно, послѣ сего, Аріане съ обычною своею дерзостію нѣсколько разъ приступали къ Императору съ жалобами на Святителя, — Ювиніанъ столько же разъ отгонялъ ихъ отъ себя съ презрѣніемъ, отзываясь въ тоже время о св. Аѳанасіѣ, какъ о мудромъ пастырѣ и краснорѣчивѣйшемъ учителѣ Церкви (79). Полу-аріане, имѣя представителемъ Василія Анкирскаго, хотѣли также преклонить Императора къ принятію исповѣданія Ариминскаго; но Ювиніанъ, соединивъ нѣсколько Епископовъ въ Антиохіи, подтвердилъ вмѣстѣ съ ними неизмѣнность символа Никейскаго и извѣстилъ Архіепископа Александрійскаго, что онъ во всемъ слѣдуетъ его отеческому наставленію. Много могли бы совершить два такіе человѣка, дружно дѣйствовавшіе на пользу Церкви: но Промыслъ Божій благоволилъ только 8 мѣсяцевъ продолжить царствованіе благочестиваго Ювіана и оставить на землѣ еще на нѣсколько времени св. Аѳанасія, какъ бы нарочито сохраняя мужа необходимаго для новой борьбы съ тѣми же врагами. \

Дѣйствительно, съ восшествіемъ на престолъ восточной имперіи Императора Валента (въ 364 г.), воспитанника Евдоксіева и столь же самовластнаго въ дѣлахъ вѣры, какъ и Констанціи, опять начались вре-

(79) Любопытны разговоры Императора съ Аріанами. In Athan. opp. edit. Montfauc. Tom. 1. pag. 782—784. ср. Похв. Слов. Григор. Назіанзена.

мена тяжкія для православныхъ ⁽⁸⁰⁾. Полу-аріане (они назывались теперь Македоніанами), зная характеръ и расположеніе новаго Императора, хотѣли-было взять перевѣсъ надъ всѣми еретическими партіями, испросили у него позволеніе созвать *Соборъ въ Лампсакъ для исправленія вѣры*, какъ говорили, и на немъ объявили символъ Собора Антиохійскаго (341 г.) совершеннымъ выраженіемъ вѣры; но по проискамъ Акакіанъ, (чистыхъ Аріанъ, составившихъ свой Соборъ въ Никомидіи), Императоръ требовалъ принятія чистой системы аріанской отъ всѣхъ, — отъ Македоніанъ, отъ православныхъ, отъ Новаціанъ и пр. Какъ ни безразсудно было такое требованіе судя по прежнимъ опытамъ, но подкрѣпляемое мѣрами насильственными оно во многихъ мѣстахъ имѣло успѣхъ и вызывало новыя усилія со стороны ревностныхъ Пастырей Церкви Христовой на защиту православія. Въ 367 году Валентъ издалъ циркуляръ, въ которомъ повелѣвалось всѣхъ Епископовъ, низложенныхъ Констанціемъ и возстановленныхъ Юліаномъ, опять изгнать изъ ихъ епархій. Правитель области Александрійской, подъ опасеніемъ строжайшихъ наказаній, долженъ былъ немедленно приступить къ исполненію указа надъ св. Аѳанасіемъ ⁽⁸¹⁾. Но любовь народа, который сначала справедливо представлялъ,

⁽⁸⁰⁾ Socrat. H. E. L. IV. c. 1. Soz. L. VI. c. 6. Theodor. I. IV. c. 5.

⁽⁸¹⁾ О всѣхъ сихъ происшествіяхъ V. Socrat. H. E. L. IV. c. 7 и 13. Soz. L. VI. c. 9. Eriphan. hæg. LXVIII. Montfaucon. in Vita S. Athan. p. 83—85.

что эдиктъ императорскій не совсѣмъ идетъ къ ихъ Пастырю ⁽⁸²⁾, потомъ угрожалъ возмутиться изъ-за малѣйшаго насилія Аѳанасію, негодованіе всего запада и укорительныя рѣчи Императора Валентиніана (брата Валентова на западѣ) спасли на этотъ разъ Святителя отъ насильственныхъ поисковъ Префекта и несправедливости Валента. Черезъ нѣсколько дней явилась въ Александрію грамота Императора, которою онъ разрѣшилъ Александрійскому Епископу спокойно оставаться на своемъ престолѣ; хотѣлъ только, чтобы св. Аѳанасій не препятствовалъ ему распоряжаться по своему въ другихъ мѣстахъ Имперіи ⁽⁸³⁾. Но могли Отецъ православія оставаться безъ дѣйствія тогда, когда враги православной вѣры опять начали гоненіе на Церковь Божию во всѣхъ концахъ извѣстнаго тогда міра? Напротивъ, живя безвыѣздно въ Александріи, онъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ Церковныхъ и—поражалъ Аріанъ съ такою же силою и неутомимостію въ лѣтахъ преклонныхъ, какъ и во дни своей юности и мужества. Вышнее спокойствіе, которое Богъ даровалъ теперь ему и его паствѣ, позволяло ему дѣйствовать съ полною сво-

(82) Хотя св. Аѳанасій былъ изгнанъ Констанціемъ, но при немъ же восстановленъ; съ другой стороны, хотя Юліанъ и возвратилъ его, но потомъ снова осудилъ на изгнаніе, отъ котораго освободилъ его уже Іовіанъ. Впрочемъ св. Аѳанасій самъ нашелъ тогда нужнымъ въ 5-й разъ оставить Александрію, и вышелъ тайно вечеромъ въ ближнее поле, скрывался 4 мѣсяца въ гробницѣ своего отца. Soz. H. E. L. VI. c. 12. Theodor. Epist. 145. Socr. L. IV. c. 13.

(83) Socr. L. IV, c. 13. Soz. L. VI. c. 12.

бодою; всеобщая извѣстность и уваженіе всѣхъ истинныхъ послѣдователей Христовыхъ, доставляли ему многочисленные случаи — употреблять свою многолѣтнюю опытность и мудрую проницательность для блага Церкви. Посему, въ этотъ небольшой періодъ времени (отъ 367 до 373 года, его смерти), св. Аѳанасій является какъ-бы средоточіемъ всѣхъ благочестивыхъ усилій, какія требовались и употреблялись Пастырями Церкви противъ Аріанства—этой страшной гидры (выраженіе св. Аѳанасія), опять поднявшей свою голову. — Папа Дамасъ, преемникъ Ливерія, на Римскомъ Соборѣ въ 368 году, низложилъ двухъ извѣстныхъ еретиковъ — Урзаса и Валента, старавшихся распространять ересь Аріанскую на западѣ, и сообщилъ свои опредѣленія св. Аѳанасію. Святитель созвалъ свой Соборъ въ Александріи и—написалъ два посланія, одно къ Епископамъ Африканскимъ, другое къ Дамасу: въ первомъ опровергалъ символъ составленный въ Римини полуаріанами, который теперь опять началъ входить въ употребленіе, и съ свойственною себѣ силою защищалъ Соборъ Никейскій; во второмъ благодарилъ Папу за ревность въ дѣйствіяхъ противъ Валента и Урзаса, но вмѣстѣ изъявилъ свое удивленіе, что не подвергся той же участи Авксентій Медиоланскій, раздѣлявшій съ ними еретическій образъ мыслей. Авксентій былъ въ душѣ Аріанинъ, только умѣлъ скрывать свое ученіе подъ видомъ православія и пользовался благосклонностію Императора Валентиніана — православнаго; не узнавъ былъ и Папою. Но скрывшись отъ всѣхъ, онъ не скрылся отъ св. Аѳанасія; по предложенію Святи-

теля Папа Дамасъ снова созвалъ Соборъ въ 370 году, и убѣдившись въ справедливости Аѳанасіева мнѣнія о Миланскомъ Епископѣ, торжественно отлучилъ его отъ Церкви (на мѣсто его избранъ св. Амвросій Медиоланскій), и въ окружномъ посланіи своемъ повторилъ все то, что Архипастыръ Александрійскій говорилъ въ посланіи къ Епископамъ Африканскимъ ⁽⁸¹⁾. Таково было вліяніе св. Аѳанасія на отдаленный западъ въ послѣдніе годы его жизни! Столь же дѣятеленъ былъ тогда великій Отецъ Церкви въ борьбѣ съ Аріанами и на востокѣ. «Когда я, писалъ св. Василій великій къ Неокесарійцамъ въ 370 году, получилъ отъ блаженнѣйшаго Отца Аѳанасія Епископа Александрійскаго посланіе, въ которомъ онъ ясно говорилъ, что всѣхъ обращающихся изъ Аріанства, надобно принимать безпрепятственно, только бы они исповѣдали вѣру Никейскую, то я почелъ необходимымъ повиноваться такому мужу... и принялъ въ общеніе тѣхъ, кои признали символъ Собора Никейскаго» ⁽⁸²⁾. Св. Василій былъ въ это время дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ св. Аѳанасія на востокѣ, какъ Папа Дамасъ на западѣ. Онъ (св. Василій) видѣлъ всю опасность, угрожавшую Церкви отъ Императора Валента и, ревнуя о вѣрѣ, замышлялъ великій планъ—соединить востокъ и западъ противъ враговъ православія, но прежде всего искалъ помощи и содѣйствія отъ св. Аѳанасія, съ которымъ

⁽⁸¹⁾ Ath. Epist. ad Afros. Theod. H. E. L. II. c. 22. Montfauc. in vita S. Ath. p. 85 и 86.

⁽⁸²⁾ Epist. 73 ad Neocaesar.

велъ въ продолженіи трехъ лѣтъ непрерывную переписку: «Миѣ кажется, говорилъ онъ въ одномъ письмѣ къ св. Аѳанасію, что единственное средство — помочь Церкви состоитъ въ томъ, чтобы Епископы западные дѣйствовали за-одно съ нами; враги устрашились бы нашей многочисленности, и вѣрныя безъ сопротивленія всюду послѣдовали бы за соединившимися Пастырями... Кто же, какъ не ты, въ состояніи устроить это важное соединеніе? Кто лучше тебя видитъ, что для насъ необходимо? Кто можетъ сравняться съ тобою въ мудрости, чтобы избранныя средства привести въ дѣйствіе съ успѣхомъ? Кто сильнѣе тебя чувствуетъ несчастіе собратій? Кто пользуется такимъ уваженіемъ всего запада, какимъ пользуешься ты — старецъ, украшенный почтенною сѣдиною? Пречестнѣйшій Отецъ! Будь новымъ Самуиломъ всѣхъ Церквей; оставь по себѣ памятникъ достойный твоей жизни; присоедини еще одинъ триумфъ къ тысячѣ побѣдъ, которыя ты одержалъ въ борьбѣ за вѣру. Пошли къ Епископамъ западнымъ нѣсколько людей, сильныхъ въ здоровомъ ученіи, какіе безъ сомнѣнія найдутся въ твоей Церкви». . . . Неизвѣстно, успѣлъ ли Святитель Александрійскій до своей кончины исполнить желаніе Святителя Кесарійскаго; но что онъ находилъ планъ св. Василія полезнымъ для низложенія аріанства и готовъ былъ содѣйствовать его выполненію, это не подлежитъ сомнѣнію. Ибо чрезъ нѣсколько времени Василій великій отправилъ въ Александрію Антиохійскаго Діакона Дорофея, съ тѣмъ чтобы онъ, принявши отъ св. Аѳанасія мудрыя совѣты, рекомендательныя письма

и благоразумныхъ себѣ помощниковъ, отплылъ въ Римъ и пригласилъ православный западъ къ общему дѣлу. Въ то же время великій Василиій писалъ къ великому Аѳанасію: «высокое мнѣніе, которое мы имѣемъ о тебѣ издавна, возрастаетъ съ каждымъ днемъ, или лучше сказать, возрастаетъ безпрестанно отъ новыхъ и новыхъ доказательствъ твоихъ доблестей. Тогда какъ большая часть Епископовъ довольствуются заботою о своихъ собственныхъ округахъ, ты не довольствуешься этимъ, но печешься о всѣхъ Церквахъ столько же, сколько мы объ тѣхъ, кои ввѣрены намъ Господомъ. Ты не престаешь составлять поученія, увѣщевать, писать письма, отправлять пословъ, наставляя ихъ самыми мудрыми совѣтами ⁽⁸⁶⁾»...

Такъ дѣйствовалъ противъ Аріанъ св. Архипастырь Александрійскій Аѳанасій во время своего многолѣтняго служенія Церкви! Утвердившись однажды въ спасительной мысли, что исповѣдовать Господа нашего І. Христа надобно такъ, а не иначе, какъ исповѣдали Отцы на вселенскомъ Соборѣ Никейскомъ, онъ остался съ этой мыслью на всегда. Съ нею онъ вышелъ побѣдоносно противъ ересеначальника Арія; съ нею, чрезъ долгій сорокашестилѣтній подвигъ непрерывной борьбы съ приверженцами Арія, онъ неуклонно шелъ среди разнообразныхъ, до безчисленности измѣнявшихся обстоятельствъ вѣка. Всѣ бури, ка-

(86) Письма Вас. вел. 66 и 69 по первому Бенедиктинск. изданію; ихъ можно читать въ славянскомъ переводѣ 1757. Книг. III ср. похв. слов. Григор. Наз. въ твор. св. Отц. стр. 211.

кія воздвигаемы были еретиками на погибель душъ Христіанскихъ, разражались надъ его головою, но истощаясь сами, не колебали твердости великаго Святителя. Враги Церкви и св. Аѳанасія употребляли все, что только люди могутъ предпринять для достиженія своей цѣли, и во множествѣ увлекали на свою сторону даже тѣхъ, кои по своему положенію въ Христіанскомъ обществѣ обязаны были подавать примѣръ терпѣнія и твердости другимъ: св. Аѳанасій не допустилъ исполниться надъ собою ни одному плану, придуманному противъ него Аріанами; одинъ онъ въ свое время пребылъ неизмѣннымъ до конца: «когда всѣ, говоритъ св. Григорій Назіанзенъ, покорились обстоятельствамъ времени, съ тѣмъ только различіемъ, что одни подверглись сему прежде, а другіе послѣ...; когда, даже мужи самые твердые пали если не мыслію, то на письмѣ, вступили въ общеніе съ людьми лукавыми и въ мысляхъ и на письмѣ, и сдѣлались причастниками если не огня, то по крайней мѣрѣ дыма...: онъ первый и одинъ, или съ весьма немногими, дерзнулъ стать за истину ясно и открыто (87)...» Глубокая, несокращимая вѣра, достойная первыхъ вѣковъ Христіанства, лежала въ основаніи его дѣйствій; совершенная увѣренность, что истина, исповѣданная Отцами Никейскими, рано или поздно непременно должна восторжествовать надъ ложью аріанскою, подавала ему силы переносить труды изумительные. Не разъ видѣлъ онъ смерть предъ своими глазами, но «бѣгая за Троицу и

(87) Похв. слов. въ Твор. св. Отц г. 1 стр. 197, 198 и 208.

вмѣстѣ съ Троицею» ⁽⁸⁸⁾, по прекрасному выраженію Григорія, онъ не ослабѣлъ въ трудномъ ратоборствѣ, не преклонился предъ дерзостию и лукавствомъ Аріанъ, но смѣло выходя противъ многочисленныхъ враговъ своихъ, часто поражалъ ихъ. Въ такомъ мужѣ нуждалась тогда Церковь Божія—въ мужѣ, который умѣлъ бы не только страдать съ самоотверженіемъ мученика (этого тогда было недостаточно), но и обладалъ бы духомъ сильнымъ, дѣятельнымъ и способнымъ съ предусмотрительностію и искусствомъ противопоставлять спасительныя мѣры гибельнымъ замысламъ и предпріятіямъ враговъ православія!

Аріане старались водворить свою ересь въ Христіанскомъ обществѣ преимущественно двумя способами *обманомъ* и *насиліемъ*. — Пораженные на Никейскомъ Соборѣ проклятіемъ, произнесеннымъ противъ главъ ихъ, и точнымъ, опредѣленнымъ исповѣданіемъ вѣры, они старались потомъ подражать православнымъ, чтобы тѣже средства, какія Церковь употребила противъ нихъ, употребить противъ Церкви. Они возставали на всѣхъ еретиковъ, бывшихъ до нихъ и при нихъ, исключая своихъ приверженцевъ, безпрестанно произносили проклятія на своихъ безчисленныхъ Соборахъ, и составляли двусмысленные неопредѣленные символы, которые иногда казались православными людямъ, самымъ опытнымъ въ дѣлахъ вѣры. Цѣлая система хитрыхъ и обманчивыхъ своею наружностью приемовъ образовалась въ ихъ сектѣ и — часто доводила ихъ

(88) Твор. св. Отц. г. 1 стр. 201.

до предположенной цѣли—являться православными (89)! Нужно было имѣть необыкновенную пронизательность ума, чтобы отличать людей чистыхъ отъ нечистыхъ, отдѣлять ревнителей лжи отъ защитниковъ правды, видѣть далѣе вѣдѣнности и дѣйствовать прямо на мутный источникъ, изъ котораго происходили всѣ событія, враждебныя Церкви. Св. Аѳанасій, превосходившій тогда всѣхъ умомъ своимъ, былъ истиннымъ свѣтильникомъ, поставленнымъ на свѣщницѣ, и ярко горѣвшимъ въ этомъ мракѣ, который угрожалъ поглотить собою свѣтъ четвертаго вѣка Христіанскаго. Сознывая святую истину ясно и глубоко, онъ видѣлъ малѣйшее уклоненіе отъ ней въ томъ или другомъ современникѣ и, не увлекшись самъ ни малѣйшимъ сомнѣніемъ или недоумѣніемъ на сторону противниковъ, удерживалъ отъ того и другихъ своимъ примѣромъ, убѣжденіями, всѣмъ. Легко и быстро вникая въ самый источникъ зла, онъ даже напередъ предсказывалъ тѣ уклоненія, которымъ подвергались враги его волею или неволею, и самъ стоялъ между всѣми, какъ вѣрный указатель пути къ истинѣ; его имя было именемъ самаго православія. Гдѣ жилъ или временно являлся великій Архипастырѣ, тамъ вѣра православная, почивавшая до толѣ въ чувствѣ спокойнаго убѣжденія вѣрующихъ, пробуждалась во всей своей силѣ. Постигая ересь лучше самихъ виновниковъ ея, а виновниковъ понимая

(89) Обманъ, какъ причину распространенія аріанства въ 4-мъ вѣкѣ, подробно раскрываетъ ученый *Bullus in Defensione Fid. Nic. Epilog.* pag. 513—519.

въ полномъ совершенствѣ, онъ разоблачалъ еретиковъ предъ вѣрующими прежде, нежели тѣ сами давали разумѣть себя, и—всюду готовилъ имъ рѣшительное сопротивление. Въ этомъ отношеніи самыя изгнанія св. Мужа, многочисленныя и отдаленныя, были въ рукахъ Промысла Божія однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для успѣховъ Церкви въ борьбѣ съ еретиками—Аріанами. Къ нему-то по преимуществу можно отнести то, что онъ говоритъ о немногихъ современныхъ пастыряхъ, дѣйствовавшихъ въ его духѣ, но въ кругѣ гораздо менѣе обширномъ: «отряси прахъ отъ ногъ своихъ и устремивши очи къ небу, они не боялись угрозъ и мечей обнаженныхъ, но на самое изгнаніе смотрѣли какъ на поприще дѣятельности (*ὡς λειτουργία διακονίας*); ибо, проходя города и веси, они проповѣдывали, хотя и были въ оковахъ, возвѣщали вѣру правую и проклинали аріанскую; такимъ образомъ выходило совершенно противное тому, чего надѣялись гонители: чѣмъ дальше было мѣсто изгнанія, тѣмъ больше ненависти возбуждалось противъ враговъ вѣры, тѣмъ лучшею проповѣдью противъ ихъ нечестія становилось самое скитальчество гонимыхъ; ибо всѣ, ихъ видѣвшіе, удивлялись имъ какъ исповѣдникамъ, а еретиковъ отвращались не только какъ нечестивцевъ, но какъ убійцъ и палачей⁽⁹⁰⁾». Возвѣщая вѣру вселенскую, вѣру древ-

(90) Hist. Arīan. ad monach. c. 34. «Ты свѣтлѣйшее показалъ еси, тайнонебесниче богопріятне, святительство доблыми страданьями твоими, прелесть изгналъ еси твоими изгнаніи частыми за Троицу,» восиѣваетъ св. Церковь въ честь св. Аванасія Мѣс. Мин. Генв. 18. Канонъ пѣсн. 8, ст. 3.

нихъ Отцевъ и Учителей Церкви, св. Аѳанасій скоро убѣждалъ христіанъ принимать сторону правую, на которой ратоборствовалъ самъ, какъ предводитель и глава; и являя во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ противъ еретиковъ необыкновенную силу духа и мудрую распорядительность, мало по малу склонялъ вѣрующихъ всѣхъ мѣстъ и племень къ сознанию важности и святости того дѣла, къ которому призывалъ ихъ, болѣе и болѣе привлекалъ ихъ къ той цѣли, къ которой неуклонно стремился, и наконецъ, въ послѣдніе годы своей жизни, пользовался столь неограниченною довѣренностію всѣхъ вѣрныхъ послѣдователей І. Христа, что быть на сторонѣ св. Аѳанасія значило, въ глазахъ тогдашнихъ христіанъ, быть истинно-православнымъ членомъ Церкви. «Усердіе твое къ Аѳанасію, писалъ св. Василій Великій къ Епископу Ефрему, есть очевиднѣйшее доказательство твоего православія (°)»!

Когда Аріанамъ не удавалось достигать своихъ цѣлей хитростію и обманомъ, они прибѣгали къ другому средству, достойному ихъ нечестія,—къ мѣрамъ насилія. Если вникнуть въ причины необыкновенныхъ успѣховъ распространенія сей ереси, то главнѣйшею изъ нихъ окажется несправедливость, какую терпѣли отъ еретиковъ всѣ, противившіеся ихъ намѣреніямъ. Ученіе Арія водворялось въ Христіанскомъ обществѣ безконечнымъ рядомъ жестокостей; часто кровь православныхъ текла по ихъ еретическимъ хартіямъ, и нельзя было слышать ихъ ученія, не слыша въ то же

(°) Epist. Bas. m. ad Ephremium.

время воплей многочисленныхъ жертвъ, отправляемыхъ въ ссылку, влачимыхъ въ темницу, подвергавшихся всякаго рода оскорбленіямъ. Такой образъ дѣйствія новыхъ учителей, конечно, могъ производить въ душахъ простыхъ и неиспорченныхъ недовѣрчивость и къ самому ихъ ученію; но тотъ же способъ дѣйствій, силою, увлекалъ многихъ къ паденію. Противъ него не было средства у православныхъ, кромѣ терпѣнія; и чѣмъ кто выше стоялъ въ Христіанскомъ обществѣ, тѣмъ больше героизма требовалось отъ него въ тогдешнее время: потому что Аріане нападали преимущественно на предстоятелей Церкви—Епископовъ, и потому что примѣръ паденія Пастырей могъ быть гибельнымъ соблазномъ для цѣлыхъ тысячъ вѣрныхъ имъ душъ. Если бы въ эту страшную годину св. Аѳанасій уступилъ требованіямъ Аріанъ, или, подобно многимъ современникамъ, оставилъ враговъ своихъ спокойными обладателями своей катедры; то какой-нибудь аріанинъ, подобный Георгію Каппадокійскому, утвердился бы въ Александріи, и тогда *вся Церковь Христіанская* имѣла бы своими предстоятелями враговъ своего православія. Страшно подумать, что было бы тогда съ Христіанскимъ обществомъ, въ которомъ *пасомые обязаны были бы* отвращать слухъ свой отъ тѣхъ, которые по своему сану и положенію назначаются быть руководителями на пути спасенія для всѣхъ вѣрующихъ! Но, по особенному благоволенію Божию къ св. Церкви, у св. Аѳанасія достало мужества не только переносить всѣ страданія, сопряженные съ изгнаніемъ, бѣгствомъ по морямъ и пустынямъ.

нымъ степямъ Африки, но и быть надежною опорою избранныхъ Божіихъ; спасать отъ враговъ то, къ чему они еще не успѣли прикоснуться, или исхищать изъ рукъ ихъ то, что уже было ими захвачено. Его неимовѣрныя страданія за вѣру подавали силу выносить подобное же всѣмъ, кто былъ свидѣтелемъ подвиговъ его, и не только выносить, но и стремиться—возстановить порядокъ церковный, нарушенный Аріанами, и изцѣлять глубокія раны, нанесенныя ими святому тѣлу Церкви Христовой. Какой прекрасный въ этомъ отношеніи примѣръ подавала собою всему міру паства Александрійская, одушевляемая духомъ своего Архипастыря! Сколько вѣры и надежды являлось тамъ, гдѣ св. Аѳанасій сохранялъ себя для Церкви Божіей! «Когда явились къ нимъ (Египетскимъ отшельникамъ) преслѣдовавшіе святаго, послѣ того какъ всюду искали его и не находили, говоритъ Григорій Назіанзенъ, тогда они не удостоили посланныхъ даже единого слова, но преклоняли выи свои подъ мечи, какъ бы бѣдствуя за Христа, и претерпѣть за Аѳанасія что-либо самое тяжкое почитали величайшимъ приобрѣтеніемъ для любомудрія ⁽⁹²⁾». Торжественный плодъ неустрашимости св. Аѳанасія при встрѣчѣ всѣхъ препятствій и опасностей, это: спокойствіе его и всей паствы его въ послѣдніе годы его жизни. Кажется, сами враги, при

(92) Похвал. слов. въ твор. св. Отц. стр. 194. «Гоненія претерпѣлъ еси и бѣды подъялъ еси, богоглаголивъ преподобне Аѳанасіе, дондеже леть прогналъ еси Аріеву безбожную, и стадо твое отъ нечестія спаслъ еси.» Мин. Мѣс. Ген. 18 на Господи возз. стих. 1.

всей многочисленности своей, наконецъ утомились въ борьбѣ съ нимъ и не сокрушивъ твердости Святаго, принуждены были отступить отъ него въ то время, когда ересь ихъ свирѣпствовала во всѣхъ другихъ предѣлахъ тогдашняго міра, когда число, силы и средства еретиковъ были не меньше прежняго. Посему-то со всею справедливостію можно сказать, что, если бы въ четвертомъ вѣкѣ во всѣхъ Церквахъ Христіанскихъ были такіе же герои вѣры и терпѣнія, каковъ былъ святитель Аѳанасій, то аріанство или вовсе не распространилось бы столь быстро и далеко, или распространившись, скоро сокрушилось бы о непоколебимую твердость и святую ревность Пастырей!

Въ самомъ дѣлѣ, если одинъ Святитель Аѳанасій могъ сдѣлать такъ много для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ, то чего не могли бы совершить совокупныя усилія многихъ подобныхъ пастырей? Если этотъ Отецъ Церкви остался несокрушимымъ и побѣдоноснымъ въ великой борьбѣ православія съ нечестіемъ, то что сказать о силахъ всей Церкви, основанной на краеугольномъ камени—І. Христѣ? . . . Но Промыслу Божию угодно было преимущественно одного мужа поставить противъ цѣлаго полчища враговъ вѣры, чтобы показать ничтожность усилій ихъ противъ Церкви Христовой; угодно было въ одномъ св. Аѳанасіѣ наиболѣе очевиднымъ образомъ сосредоточить духовныя силы, потребныя для борьбы, дабы явить всему міру, что для святаго зданія Христова довольно и одного великаго ревнителя православія даже тогда, когда нападаютъ на него самые злые и опасные непріатели, что

и одинъ св. Аѳанасій, утвердившись на основаніи св. Церкви—вѣрѣ въ Господа Иисуса, значить больше, нежели цѣлыя тысячи людей, дѣйствующихъ вопреки ей, на основаніяхъ лжи и невѣрія! Вся борьба его съ Аріанами, принимавшая различные виды въ различные періоды времени, и всегда склонявшая побѣду на сторону св. Аѳанасія, служить яснымъ доказательствомъ сказанной истины. Она (борьба) представляетъ намъ чудную связь судьбы св. Аѳанасія съ судьбою всей православной Церкви, гонимой Аріанами. Время изгнанія или бѣгства Святителя всегда было эпохою торжества враговъ вѣры; время возвращенія его на престолъ Александрійскій было знакомъ упадка и безсилія аріанскаго. Такъ, послѣ Никейскаго Собора, сильно поразившаго, но не истребившаго, ересь аріанскую, послѣдователи Арія скрытно и мало по малу овладѣвали умами современниковъ и важнѣйшими кафедрами церковными, пока наконецъ получили возможность (около 336 г.) подвергать православныхъ той же участи, какая угрожала имъ самимъ, т. е. ссылкѣ и заточенію: св. Аѳанасій отправленъ тогда въ Трирѣ. Черезъ 2 года и 4 мѣсяца, въ которые Онъ наполнилъ всю Галлію и Италію славою своей твердости и великихъ доблестей, онъ съ торжествомъ возвратился въ Александрію и былъ свидѣтелемъ униженія своихъ гонителей, которые сами стыдились имени послѣдователей Арія (на Соборѣ Антиохійскомъ, въ 341 г.). Около того-же времени враги Церкви снова начали усиливаться, стали дѣйствовать съ большею дерзостію и безстыдствомъ, склонили на свою сторону

власть свѣтскую, на всемъ востокѣ приводили планы свои въ исполненіе при помощи обмана и отчасти насилія: св. Аѳанасій удалился на западъ, цѣлые 8 лѣтъ былъ въ разлукѣ съ своею паствою, переходя съ мѣста на мѣсто, возбуждая всюду пламенную ревность къ борьбѣ съ врагами православія. Подвиги его принесли спасительный плодъ свой: весь западъ побѣдною вооружился противъ Аріанъ за православную вѣру и св. Аѳанасія, и — въ 348 году Святитель возвратился на кафедру Александрійскую съ торжествомъ, большимъ прежняго, къ униженію враговъ больше прежняго. Но обстоятельства снова перемѣнились: покровительствуемые безразсуднымъ Констанціемъ, вооруженные мечами и копьями, Аріане овладѣли всѣмъ востокомъ, стѣснили св. Поборника православія со всѣхъ сторонъ, не оставили въ Церкви ни одного безопаснаго убѣжища и, какъ выражается св. Григорій Назіанзенъ, «вполнѣ насладились лжеученіемъ и насиліемъ» (95); св. Аѳанасій былъ тогда въ пустынѣ. Въ 362 году, обстоятельства благопріятствовавшія успѣхамъ Аріанъ смѣнились другими обстоятельствами при восшествіи Юліана на престолъ Императорскій; единственная подпора еретиковъ—сила внѣшняя—рушилась, и св. Аѳанасій явился снова на своемъ Епископскомъ престолѣ. Новая опасность, столь же великая, но не столь продолжительная стала угрожать Церкви православной отъ давнишнихъ враговъ ея, когда главою государства сдѣлался Императоръ Валентъ—аріанинъ:

(95) Похвалян. слов. въ твор. св. Отц. стр. 199.

св. Аѳанасій опять удалился въ пустыню, не находилъ и тамъ спокойнаго пристанища нигдѣ, кромѣ могилы отца своего; но чрезъ 4 мѣсяца безопасно возвратился въ Александрію и уже до конца жизни оставался въ покоѣ среди своихъ пасомыхъ, какъ-бы въ ознаменованіе того, что, послѣ одного краткаго гоненія на Церковь Божію отъ послѣдователей Арія, она, при помощи новыхъ великихъ поборниковъ православія, вышедшихъ изъ-подъ руки св. Аѳанасія, скоро будетъ наслаждаться вождѣннымъ миромъ и совершенною безопасностію отъ злѣйшихъ враговъ своихъ (*). Великій, необыкновенный жребій назначенъ былъ Богомъ сему мужу, истинному украшенію и славы Церкви въ одну изъ достопамятныхъ эпохъ ея, и св. Аѳанасій, какъ вѣрный Пастырь, постигавшій цѣль своей жизни, твердо и неуклонно исполнялъ свое призваніе. Послѣ многочисленныхъ и по истинѣ удивительныхъ подвиговъ 80-ти лѣтней жизни, онъ могъ спокойно сойти въ могилу съ блаженнымъ сознаніемъ того, что возложенное на него дѣло—сокрушить или по крайней мѣрѣ много обезсилить враговъ православія—соверше-

(*) Со смертію Валента (въ 378 году) Аріане потеряли всякое значеніе въ Христіанскомъ обществѣ, хотя и оставались еще. Преемникъ его Феодосій великій въ 381 г. издалъ два указа, въ которыхъ повелѣвалъ отобрать у Аріанъ всѣ церкви и отдать православнымъ, а въ 388 г. повторилъ противъ нихъ самую строгія прещенія; послѣ чего римская имперія совершенно очистилась отъ Аріанъ, остававшихся потомъ на долго лишь у дикахъ народовъ — Готевъ, Вандавовъ, Свевовъ, Бургундцевъ, Ломгобардовъ, *Walch's Histor. Ketz. Th. 2. S. 547 u. s. v.*

но имъ со славою , къ истинному благу Христовой Церкви!

Борьба св. Аѳанасія съ Аріанскою ересью и еретиками—Аріанами представляетъ великое , поучительное зрѣлище. Вникнемъ въ существо этой борьбы, которой съ такимъ искусствомъ и такимъ успѣхомъ посвящены были важнѣйшіе Богословскіе и Пастырскіе труды св. Отца нашего , и мы несомнѣнно убѣдимся, что появленіе великаго Святителя въ одинъ изъ критическихъ періодовъ Церковной исторіи, есть величайшее благодѣяніе Промысла Божія, пекущагося о благѣ православной Церкви. Если Аріанство было опаснѣйшимъ зломъ , допущеннымъ небесною Премудростію на испытаніе вѣрующимъ; то св. Аѳанасій былъ живымъ и сильнымъ противодѣйствіемъ этому злу , воздвигнутымъ тою же премудрою Десницею ко благу Церкви. Въ Александріи зачалась и воспиталась гибельная ересь Аріанская , быстро распространившаяся по востоку и западу: въ Александрійскихъ же предѣлахъ явился и Святитель Аѳанасій ; тамъ писалъ онъ свои мудрыя творенія противъ Аріанства , питавшія цѣлительною пищею души всѣхъ вѣрующихъ; отсюда же по большей части онъ поражалъ и самихъ еретиковъ, имѣя дѣятельное вліяніе на всю Церковь. Аріанская ересь , ничтожная сама по себѣ и совершенно безбожная по своему направленію, вредила Христіанству хитрымъ построеніемъ своего лжеученія и ковар-

нымъ приспособленіемъ ко всему, чѣмъ только могутъ злоупотреблять неблагонамѣренные люди, а эти люди—Аріане—не щадили никакихъ средствъ для водворенія повсюду своей ереси: св. Аѳанасій, — соединявшій въ себѣ съ глубокимъ философско-богословскимъ умомъ пламенное чувство любви и благоговѣнія къ святынь Божіеоткровенной религіи и Церкви православной, — сильнымъ словомъ своимъ и еще сильнѣйшими дѣянїями изглаждалъ пагубные слѣды ереси и еретиковъ, былъ въ свое время, какъ выражается св. Василій великій, истиннымъ духовнымъ *врачемъ* недуговъ Церкви или мудрымъ *кормчимъ* на этомъ кораблѣ, обуреваемомъ волнами Аріанства ⁽⁹⁸⁾. Изобрѣтатели ереси стремились поколебать основаніе Христовой Церкви и на мѣсто правой вѣры внушить своимъ современникамъ ученіе противоположное, на мѣсто истины хотѣли ввести ложь:—св. Аѳанасій всѣ противу-аріанскіе труды свои одушевилъ единственною цѣлію—обратить души и сердца вѣрующихъ или поддержать въ нихъ искреннюю расположенность къ той вѣрѣ въ Сына Бога живаго, которая преподана роду человѣческому самимъ Божественнымъ Учителемъ и Спасителемъ нашимъ І. Христомъ, постоянно сохранялась въ Церкви отъ временъ Апостольскихъ, опредѣлена и утверждена на св. Никейскомъ вселенскомъ Соборѣ. Однимъ словомъ, если въ Христіанскомъ обществѣ, по многознаменательному изреченію Апостола, *подобаетъ и ересемъ*

(98) Письма св. Василія в. къ св. Аѳанасію в. въ славян. переводѣ 1757 г. книг. III.

быти, да искусніи явлени бывають (1 Кор. 11, 19), то въ четвертомъ вѣкѣ, ознаменованномъ жестокою борьбою православія съ опаснѣйшею изъ ересей — Аріанскою, совершеннымъ и искуснѣйшимъ на пользу Церкви мужемъ явился святой и великій Архипастырь Александрійскій—Аѳанасій!!

